— Ну, не надо ловить меня на слове. Конечно, есть в жизни любого человека то, что не относится к сфере экономики, — тут ты права. Ни любви, ни дружбы, ни уважения за деньги не купить. Но у нас с тобой разговор-то идет о стране Экономика, а в ней каждый занят своим профессиональным делом и получает деньги именно за это. Ну, например, представь, что наша мама была бы поваром в ресторане. Значит, за борщ, который бы мама варила для посетителей ресторана, она получала бы с посетителей плату. Когда же она приходит домой и варит борщ по тому же самому рецепту, чтобы накормить нас с тобой, — она делает это для собственной семьи, а не для того, чтобы продать его другим. Чтобы ты меня опять не ловила на слове, сразу скажу, что когда мама готовит праздничный обед для наших гостей, это все равно не относится к сфере, где за все надо платить.

— А какая разница между гостями в ресторане и гостями у нас дома? Гости-то — все равно не наша семья?!

— Но в гости-то мы зовем только своих друзей — тех, кто нам дорог и с кем нам приятно быть вместе. Это нужно нам — мы за это и платим, когда покупаем продукты для праздничного стола. Все, что внутри семьи, — это отношения, основанные не на эк[illegible]номических интересах, а на любви. А любовь и де[illegible] — вещи несовместимые, поверь мне. Люди понял[illegible]ым-давно, и потому деньги начинают играт[illegible] в отношениях между чужими людьми. [illegible]мы мо[illegible]айно [illegible] ведь, что пока люди в древности жили [illegible]ался[illegible] и семь[illegible]-племенами, им и не нужны были ден[illegible] пото[illegible]...

Но докончить [illegible] не [illegible]ел, потому что пришлось затормозить — ш[illegible] разветвлялось надвое, и надо было выбрать, ку[illegible]ворачивать.

Указатель у развилки сообщал, что вправо идет шоссе Натурального Хозяйства, а влево — шоссе Товарного Хозяйства.

— Куда будем поворачивать? Выбирай, — повернулся я к Оле.

— Почему я должна выбирать? — удивилась она. — Ты экономист, ты должен лучше знать, куда нам ехать!

— Э-э, нет, — покачал я головой. — Мы отправились в это путешествие из-за твоего вопроса, и теперь тебе придется самой выбирать путь. Мое дело — помочь тебе понять, что к чему в этой необычной стране. Но решения принимать будешь только ты.

— Папа, как же я могу выбирать дорогу, если не знаю, что такое натуральное хозяйство и чем оно отличается от товарного? Как же я могу тебе сказать, куда сворачивать?!

— Это дело поправимое. [illegible]атуральное хозяйство появилось у люд[illegible] ко[illegible] каждый сам добывал все, что ему и ег[illegible] уж[illegible]ля жизни. И уцелело оно до сих пор. На[illegible]азводишь на своем садовом участке пче[illegible]ульев мед и потом ешь этот мед зимой –[illegible] хозяйство: ты ведь сам для себя добыл э[illegible]ЬНЫЙ продукт. А вот когда каждый челове[illegible]заниматься изготовлением только тех предметов, которые у него получались лучше, чем у других, а потом стал меняться ими с другими как товарами, то есть как вещами, которые специально изготовлены для продажи, — тогда появилось ТОВАРНОЕ

хозяйство. Ясно? А теперь выбирай шоссе, по которому поедем дальше.

— Лично мне все домашнее нравится куда больше, чем то, что мы покупаем в магазине,— и Оля решительно махнула рукой вправо.

Я послушно повернул руль вправо, и наш «ЭКОС» покатил по шоссе Натурального Хозяйства. Правда, вскоре дорога сильно ухудшилась. Дорожное полотно все труднее и труднее было разглядеть под слоем песка, в котором вязли колеса. Машина буксовала, мотор все сильнее перегревался. Наконец я понял, что рисковать больше нельзя — надо остановиться, чтобы машина немножко остыла. Я выключил мотор.

— Надо разведать дорогу, — повернулся я к дочери. — Можно ли вообще проехать дальше?

— Я сама, — остановила меня Оля, и прежде чем я успел хоть слово сказать, она открыла дверцу кабины и спрыгнула на землю. Но это была не земля, а зыбучий песок, и Оля сразу же провалилась в него по пояс. От неожиданности она даже крикнуть не успела. Я рывком перевалился через сиденье и в последний момент успел ухватить ее за руку. Уцепившись второй рукой за дверцу кабины, я принялся тащить Олю из предательского объятия зыбучих п[illegible]сков. Наконец они уступили, и я из последни[illegible]л мою незадачливую разведчицу [illegible] кабины. Минут пять мы мо[illegible] ве[illegible] потому что очень испугался [illegible] и отдышаться никак не мо[illegible] потому что боролась со[illegible] ми. Я мог ее понять — впер[illegible] в жизни она реально оказалась на краю гибели, да еще так неожиданно. Да, начало нашего развле-

НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО — это когда всё, что нужно для жизни, приходится делать самому. А выменять что-то ещё удаётся редко и с трудом.

НЕ ЗАБЫТЬ!

кательного путешествия по стране Экономика оказалось не слишком веселым!

Придя в себя, я снова сел за руль и запустил двигатель. Но когда я попытался тронуться с места, то обнаружил, что пески не желали смириться с поражением. За те десять минут, что мы стояли на месте, колеса нашего автодома занесло, и сдвинуться с места теперь уже было нельзя. Наше положение становилось все более критическим — ведь из-за зыбучих песков я не мог вылезти из кабины, чтобы откопать колеса.

Моя мысль лихорадочно металась в поисках

шоссе Натурального Хозяйства

выхода и не находила его. И тут мой взгляд случайно упал на компьютер. Может ли от него быть какой-то толк в такой ситуации, я не знал, но на всякий случай нажал на клавишу F1, которая во многих компьютерных программах используется как сигнал о помощи. И она сработала! На экране высветился столбик «меню» — так обычно называют перечень услуг, которые компьютер готов оказать владельцу. Среди этих услуг была и строчка «Помощь в аварийной ситуации». Текст на экране изменился — компьютер высветил большой список возможных аварийных ситуаций и просил меня сообщить, в какую именно из них мы попали. Я немедленно ответил компьютеру. И вот тут началось неожиданное.

Снова заработал двигатель, наш автодом окутался облаком песка, вылетавшего из-под днища. А потом вдруг нас крепко встряхнуло, и наш автомобиль закачался в воздухе. Только тут я понял, в чем дело, — автодом был оснащен устройством для движения на «воздушной подушке»! Я осторожно повернул руль влево, и автомобиль послушно выполнил эту команду, раскачиваясь над поверхностью песков. Уже увереннее я развернул машину, чувствуя себя впервые в жизни пилотом вертолета, и мы двинулись назад к развил[illegible]е, [illegible] которой так беззаботно свернули на шоссе Нату[illegible]ьного Хозяйства, едва не ставшее последней дорогой [illegible] нашей [illegible]ни. Подлетев к ней, я затормозил и вы[illegible] Автомобиль плавно опустился на доро[illegible] непривычно тихо.

[illegible]пись:

— Ну и коварная [illegible] Экономика! — прервала молчание моя [illegible] — Хоть бы знак установили на шоссе: «Внима[illegible]е! [illegible]ыбучие пески». Мы бы и не поехали по этому проклятому шоссе!

— Ну, насчет коварства это ты зря говоришь. Просто здешнему ГАИ, наверное, и в голову не пришло, что кто-то вздумает в наше время сворачивать на шоссе Натураль-

ного Хозяйства, когда весь мир давным-давно пользуется только шоссе Товарного Хозяйства.

— А почему?

— Да потому, что люди издревле поняли, что натуральное хозяйство позволяет человеку выжить и прокормить свою семью, но жить легче и несравненно лучше можно только в том случае, если каждый будет заниматься только одним делом, но зато мастерски! Это называется разделением труда, и его можно смело считать одним из самых величайших изобретений человеческого разума. Представь себе, что тебе надо в своем хозяйстве производить абсолютно все, что нужно для жизни: сажать и пшеницу, и картошку, откармливать скот, выращивать лен, чтобы потом сшить себе одежду из ткани, сотканной тобой же или твоими домочадцами, заготавливать дрова и строить дом... Согласись, что жизнь у тебя будет очень нелегкой, и хорошо, если ты сумеешь все сделать вовремя и обеспечить свою [illegible]ю пропитанием и одеждой. Во всяком случае [illegible]в у тебя будет очень мало, и малей[illegible]я неп[illegible]удет грозить тебе несчастьем и голод[illegible] — в[illegible] счит[illegible]вать еще на кого-то ты не можешь!

— Подожди, [illegible] дожд[illegible]апа, — перебила меня Оля. — Ты вспомни про Роб[illegible]а Крузо — он-то вел самое настоящее нату[illegible]йство и жил совсем не плохо!

— Во-перв[illegible] вернемся домой, советую тебе снова посмо[illegible]у, и ты увидишь, как тяжко и много работал [illegible]во-вторых, многое из того, чем он пользовался, вс[illegible]ло сделано не его руками, а найдено им после кора[illegible]крушения: то же ружье, порох, обувь. Да и остров, на котором он жил, был расположен в теплых краях, а это здорово облегчало его существование. И все равно, жил он весьма примитивно и убого.

— И все же жить так можно! — упорствовала Оля.

— Можно-то можно, но зачем? Вся история дока-

Бр-р-р! Как же страшно это было, когда песок начал меня засасывать! А папа весь побелел...

Ничего себе, весёленькое начало путешествия!

Выберемся ли мы когда-нибудь отсюда?

зывает, что людям куда выгоднее [illegible]азделить между собой работы, а потом обмениваться [illegible] в[illegible]рами или, проще говоря, торговать друг с другом. И [illegible] специальность, которую выбирает для себя челове[illegible] [illegible]риятие [illegible] даже страна, тем выше уровень мас[illegible]рства[illegible] [illegible]ого [illegible] дается добиться, тем выше ценят и[illegible] [illegible]вар[illegible] другие люди и тем богаче живут эти искусные [illegible]ра. [illegible]

— Ладно, папа, может [illegible] ты и прав, но чего мы стоим на месте? Поехали дал[illegible]

— Поехали, — охотно согл[illegible] повернул ключ зажигания. Но компьютер опять з[illegible]зал двигатель, а на его экране появилась надпись:

ЗА ВЫБОР НЕПРАВИЛЬНОГО МАРШРУТА
НА ВАС НАЛАГАЕТСЯ ШТРАФ.
ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПРОЕЗД
ПО ТОВАРНОМУ ПУТИ, РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:
ХОЗЯИН НАНЯЛ РАБОТНИКА НА ГОД И ОБЕЩАЛ ЕМУ ДАТЬ

12 РУБЛЕЙ И КАФТАН. НО ТОТ, ПРОРАБОТАВ ТОЛЬКО 7 МЕСЯЦЕВ, ЗАХОТЕЛ УЙТИ.
ПРИ РАСЧЕТЕ ОН ПОЛУЧИЛ ОТ ХОЗЯИНА КАФТАН И 5 РУБЛЕЙ.
СКОЛЬКО СТОИТ КАФТАН?

Нельзя сказать, что Оля решила эту задачу сразу, но, попыхтев, она все же подсчитала, что кафтан стоит... (а это вы, мой дорогой читатель, найдите сами, а ответ можете посмотреть в конце этой книги). Получив ответы, компьютер позволил нашей машине снова двинуться вперед по дорогам страны Экономика.

Наслаждаясь идеальным шоссе, я гнал автодом вперед со скоростью около 90 км и был очень раздосадован, увидев впереди знак ограничения скорости до 50 км в час. Вскоре появился еще один дорожный указатель:

А дальше я увидел знак, предупреждающий о том, что дорога пойдет под уклон. Подъехав к этому знаку, я затормозил, и мы с Олей увидели впереди огромную долину, всю расчерченную сложнейшей паутиной шоссе. По этим шоссе во всех направлениях мчалось множество самых разнообразных грузовиков. Выезд же из долины терялся в дымке от выхлопных газов, и мы никак не могли понять, какой же маршрут нам надо выбрать, чтобы побыстрее пересечь этот автомобильный муравейник.

— Да-а, — почесал я в затылке. — Легко сказать «провести разведку маршрута». Да тут и за год не разберешься. Могли бы хоть какую-нибудь схему дорог повесить!

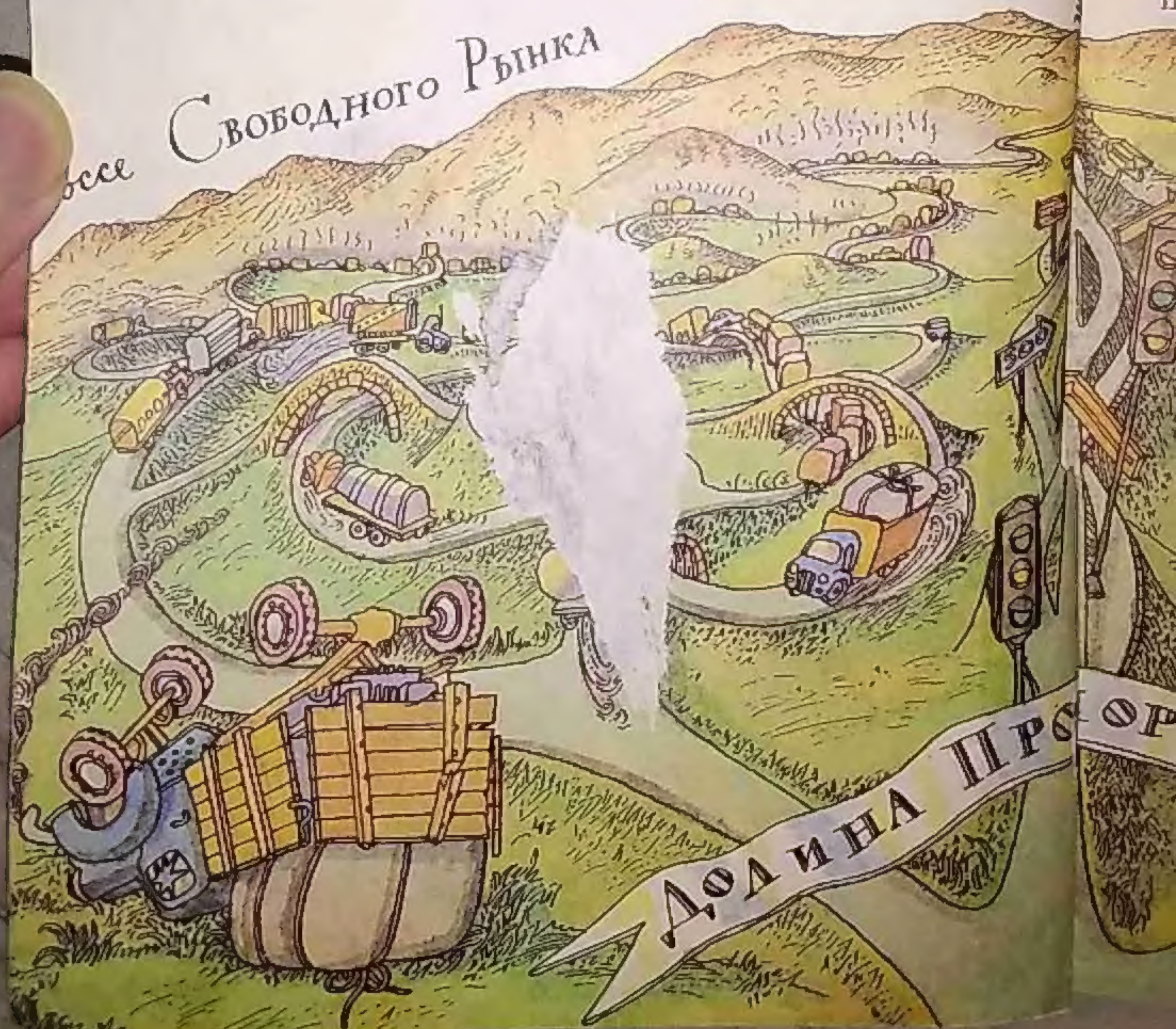
— Не надо ворчать, — отозвалась Оля. — Лучше спроси у компьютера, может, он что-н[illegible]нает?

— Это мысль! — обрадовался я и [illegible]м клавиши снова вызвал на экран перечень возм[illegible]услуг бортового компьютера.

Моя юная спутница оказалась права — там действительно была и такая услуга, как «РАЗВЕДКА МАРШРУТА». Знай я об этом раньше, разве угодили бы мы в те проклятые зыбучие пески! Во всяком случае больше я такой ошибки повторять не собирался и запросил у компьютера соответствующую информацию. Экран мигнул, и на нем появилась надпись:

ЖДИТЕ! ИДЕТ СБОР И АНАЛИЗ СПУТНИКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Так вот зачем на крыше нашего автодома была установлена спутниковая антенна — наш компьютер мог связаться со спутником и получить от него сведения о дорожной обстановке на много километров вперед! О таком мне до сих пор приходилось только читать в журналах, а вот теперь я и сам мог заглянуть за горизонт, не выходя из кабины.

Минуты через три компьютер издал резкий сигнал, и на его экране вспыхнула схема дорог, бегущих через долину Пропорциональности. Простой ее назвать не решился бы никто!

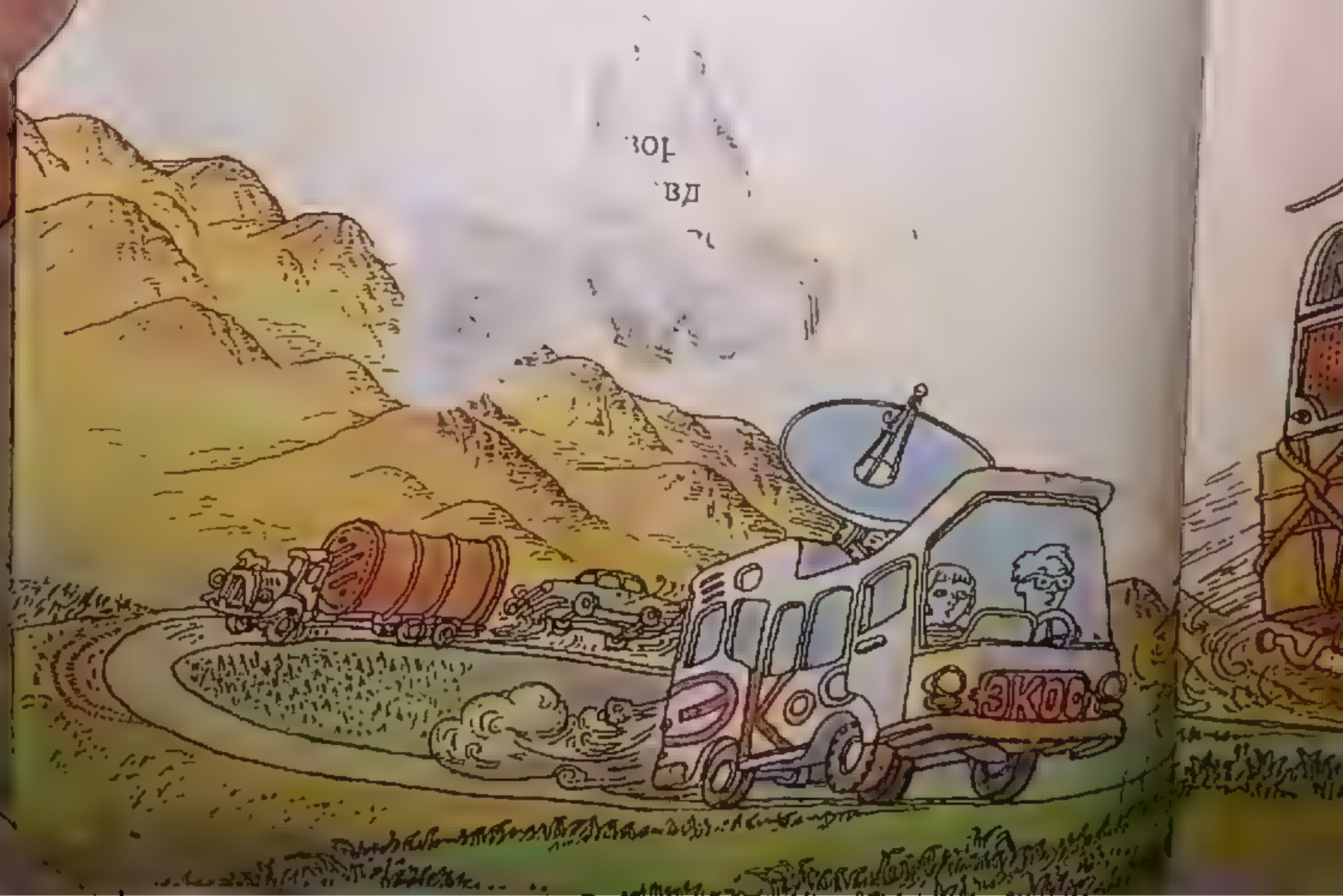

У самого въезда в долину главное шоссе разветвлялось на три части. Первую из них компьютер обозначил как шоссе Свободного Рынка, вторую — как шоссе Экономических Регуляторов и третью — как шоссе Единого Плана. Еще дальше каждое из этих шоссе распадалось на множество дорог, которые только в самом конце долины вновь сливались в единое широкое шоссе.

— Ну, куда поедем? — повернулся я к Оле. —Выбирай, ты же у меня штурман!

— Поехали по шоссе Свободного Рынка, — решила моя спутница, — если оно так называется, то, наверное, там ехать проще — никто не мешает...

Я послушно тронул машину с места и свернул на выбранную дорогу. Но Оля ошиблась: ехать было очень трудно, так как на этом шоссе не было ни светофоров, ни дорожных знаков, а вскоре я понял, что здесь водители

вообще не обращают внимания на правила дорожного движения!

Чем дальше мы ехали, тем уже становилось наше шоссе, тем плотнее было оно забито машинами и тем медленнее мы двигались. В конце концов мы застряли в огромной пробке и лишь с завистью поглядывали на соседнюю дорогу, где машины мчались со скоростью уж не менее 80 км/ч!

— Эх, — огорченно вздохнула Оля, — нам бы на ту дорогу свернуть, а мы... — и только махнула рукой.

— Зря расстраиваешься, — покачал я головой, — раз мы с тобой поехали с самого начала по шоссе Свободного Рынка, то такая неприятность — кризис перепроизводства — могла нас ожидать на любом из ответвлений. Такое уж это шоссе!

— Как ты сказал? — переспросила Оля. — «Кризис

перепроизводства»? А это что еще такое? Я-то думала, что мы попали в обычную дорожную пробку.

— Ну да, — усмехнулся я. — Это же все-таки страна Экономика, тут все не просто так. Судя по всему, по нашему шоссе повезли слишком много товаров — больше, чем готовы купить покупатели, и теперь передние грузовики не могут разгрузиться и перекрывают дорогу всем остальным. На свободном рынке, где покупатели и продавцы ведут себя как им вздумается и никто им не мешает, такое случается постоянно.

— Почему?

— Да очень просто. Представь себе, что какая-то фирма придумала новый цветной телевизор — допустим, со стереоскопическим изображением. Покупатели восхитились и бросились покупать эту новинку. Ради отличного изображения они готовы и заплатить подороже, а поэтому фирма-изготовитель получает большой доход от продажи этого товара. Об этом, конечно, мигом узнают другие предприятия, изготовляющие телевизоры, и заставят своих конструкторов тоже разработать подобные телевизоры. И вскоре...

— ...такие телевизоры начинают продавать уже несколько фирм, правда? — подхватила Оля.

— Совершенно верно. Телевизоров продается все больше, но становится все меньше и меньше тех, кто не обзавелся этой новинкой и у кого недостаточно денег на такую покупку. Возможности продажи уменьшаются, и наступает момент, когда для того, чтобы продать телевизор, надо намного снизить его цену. Но изготовители не знают, когда наступит этот момент, а до тех

ПРИНЦИП ДОМИНО

Это значит, что в экономике все друг от друга сильно зависят. И если кто-то не расплатится, то страдает не только он, но и те, с кем он связан по работе.

НЕ ЗАБЫТЬ!

пор, пока дополнительный телевизор приносит им большие деньги, они стараются произвести их все в большем количестве, даже расширяют свои предприятия...

— И что тогда? — не вытерпела Оля.

— Что тогда? Да очень просто — наступает кризис перепроизводства телевизоров или какого-нибудь другого товара. Магазины полны, а никто не покупает. Приходится либо резко снижать цены, либо сокращать производство, а все это связано для изготовителей с большими убытками! А дальше начинает действовать «принцип домино»...

— Какой-какой принцип? — удивилась Оля.

— Принцип домино. Сейчас объясню. Тебе, наверное, доводилось в жизни строить «заборчики» из фишек домино, а потом рушить их, толкнув только первую фишку. Падая, она сбивает следующую, и «волна падений» мигом прокатывается вдоль всего забора. То же самое случается и в стране Экономика.

— А как это?

—А вот так. Допустим, что ты — директор телевизионного завода, выпускающего стереотелевизоры. Подчиненные каждый день докладывают, что продажи растут и доходы завода становятся все больше. И тогда ты принимаешь решение построить еще один цех, чтобы увеличить выпуск. Ты договариваешься со строителями, и они немедленно начинают стройку. Потом ты заказываешь станки для нового цеха, металл, пластмассу, провода и так далее — все, что нужно для изготовления телевизоров.

Все это делают и другие предприятия, и они тоже начинают увеличивать производство, расширять свои цеха, нанимать новых рабочих... И вдруг твои телевизоры перестают покупать! Ты в панике. И первым делом, конечно, приостанавливаешь все работы, связанные с увеличением выпуска своего товара, преподносишь, так сказать, сюрпризец тем, кто принял твои заказы. А дальше пошло и поехало! Порой такой кризис может охватить всю

страну, и это беда не меньше урагана или землетрясения. Ясно?

— Ясно. Ну, а мы-то как будем выпутываться?

— Можно, конечно, пересидеть в машине до тех пор, пока кризис не рассосется и люди снова начнут покупать те товары, что возят по этому шоссе. А можно снова запросить помощь у компьютера.

Так мы и сделали. Наш электронный гид сообщил, что готов оказать помощь, если мы справимся с испытанием. На его экране появилось изображение заводского цеха, в центре которого стоял рабочий, занимающийся сборкой деталей, которые подавались ему по конвейерам с трех сторон. Эти детали изготавливали и клали на конвейеры трое других рабочих, тоже появившихся на экране. Суть испытания состояла в том, что мы должны были с помощью клавиш компьютера управлять скоростью работы трех поставщиков деталей. Если они работали слишком медленно и сборщик, повернувшись в очередной раз к конвейеру, не находил там нужной детали — компьютер сразу останавливал игру и все приходилось начинать сначала. Если же поставщики деталей работали слишком быстро и сборщик не успевал повернуться к нужному конвейеру, детали сваливались на него, экран вспыхивал красным светом и ...все приходилось тоже начинать снова.

Не бог весть как сложна была эта игра на первый взгляд, но нам никак не удавалось так согласовать скорость работы всех четырех компьютерных рабочих, чтобы из цеха наконец-то вышла машина, которую все никак не мог собрать сборщик. И лишь минут через десять Оле удалось все так подладить, что сборщик без заминки снял все нужные детали с бегущих к нему конвейеров и ловко собрал... вертолет. Он тут же сел в него и, взлетая, прощально помахал нам рукой. В ту же секунду столбики дорожного ограждения рядом с нашей машиной ушли под

землю и за ними обнаружилось потайное шоссе, на которое я и свернул. Увы, это шоссе повело нас не вперед, а назад, и вскоре мы очутились там же, откуда начали свое путешествие по долине Пропорциональности, — у развилки трех дорог.

— Ну, куда теперь поедем? — повернулся я к своему «штурману».

— Не знаю, — пожала она плечами. — Вот ты лучше скажи: а неужели нельзя заранее узнать, сколько надо товаров, чтобы никто не производил их больше, чем люди готовы купить?

— У-у, это проблема проблем для всех экономистов в мире! Веками мы бьемся над нею, и до сих пор никто не придумал способ такого «угадывания» для всей страны Экономика в целом. Тот, кто придумает, как точно подсчитать для каждого предприятия, сколько ему стоит производить своих товаров, чтобы не опасаться кризиса, получит все научные премии в мире. Тогда можно будет все товары производить по единому плану и жизнь потечет спокойно-спокойно...

— Ну и что? — нетерпеливо перебила меня Оля.

— А то, что задачка эта оказалась пока никому не по зубам, и идеальные планы никто в мире делать еще не умеет.

— А почему?

— Я думаю, что ты ответишь на этот вопрос сама. Вот давай прокатимся по шоссе Единого Плана и посмотрим, что там происходит.

И мы покатили направо. Вскоре главное шоссе, так же как и в первый раз, разделилось на множество ответвлений. Правда, теперь они все были прямыми и расходились в стороны равномерным пучком. Между собой эти дороги-стрелы были связаны поперечными шоссе, так что это напоминало какую-то огромную паутину, построенную роботом-пауком. Дорог было так много, что грузовики с

товарами просто терялись на них, и мы могли бы катить вперед с ветерком, если бы...

Дело в том, что шоссе в этой части долины Пропорциональности были проложены как-то странно — кусками. То мы плавно скользили по новенькому асфальту, то тряслись по щебенке, а то вообще буксовали на вдребезги разбитых проселочных дорогах, которые опять сменялись участками скоростных магистралей. В итоге же продвигались мы вперед еще медленнее, чем по шоссе Свободного Рынка. Самое обидное, что вдоль всего шоссе Единого Плана висели дорожные указатели, требовавшие от водителей двигаться со скоростью не менее 80 км/ч!

Такая езда вымотала меня окончательно, и я решительно затормозил у обочины, едва мы выбрались в очередной раз на более-ме [illegible] приличный участок дороги. Пока Оля занималась [illegible]влением еды, я расположился на диванчике на[illegible]ома и уже протянул руку за пультом дистанцио[illegible]ления телевизором, как моя спутница снова п[illegible]

— Папа, а почему ту[illegible]охие дороги? Раз уж это шоссе называется в честь [illegible], то, наверное, первым делом надо было спланировать прокладку хороших дорог?!

Я расхохотался.

— Чего такого смешного я сказала? — удивилась Оля. —По-моему, вполне резонный вопрос!

— Вполне, — согласился я, все еще улыбаясь, —просто ты задала именно тот вопрос, который я от тебя ожидал.

— Да? — еще более удивилась Оля.

— Честное слово. Здешние дороги — самый яркий пример того, к чему приводит желание организовать свою жизнь в стране Экономика по единому плану, составляемому государственными чиновниками.

— А разве так трудно составить такой план? С помощью ЭВМ-то? Опросить людей — кому чего и сколько нужно. Заложить все это в какой-нибудь суперкомпьютер,

и он быстренько подсчитает, сколько и кто каких товаров должен производить, чтобы всем хватало!

— Твоими бы устами да мед пить...Правда, не ты одна такая оптимистка на свете. Лет сто назад жил-был в Германии экономист — Карл Родбертус, вот он тоже верил, что можно из одного центра всем все расписать —что, сколько и какого качества производить и по какой цене продавать. И если все так и будут планировать, то наступит полное благоденствие. Это очень развеселило мудрого Фридриха Энгельса, и он написал такие слова :

...но какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудами свек[illegible]ичного сахара и утопая в картофельной водке, или [illegible]ы не будем испытывать недостатка в брюках, [illegible]икрыть свою наготу, среди миллионов пугови[illegible]

— Но, папа, Энгель[illegible] давным-давно, когда еще даже калькуляторов [illegible]ю.

— Ну и что? Управлять страной Экономика настолько сложно, что никакие ЭВМ не справляются. Однажды специалисты подсчитали, что для составления наилучшего плана на год вперед для такой страны, как СССР, современной ЭВМ требуется... угадай сколько?

— Неделя? — робко предположила Оля.

Я помотал головой.

— Месяц?

— Тридцать тысяч лет! — выпалил я, довольный произведенным впечатлением — глаза у Оли широко распахнулись, а брови поднялись высоко-высоко. Не давая ей опомниться, я быстро продолжил свою речь.

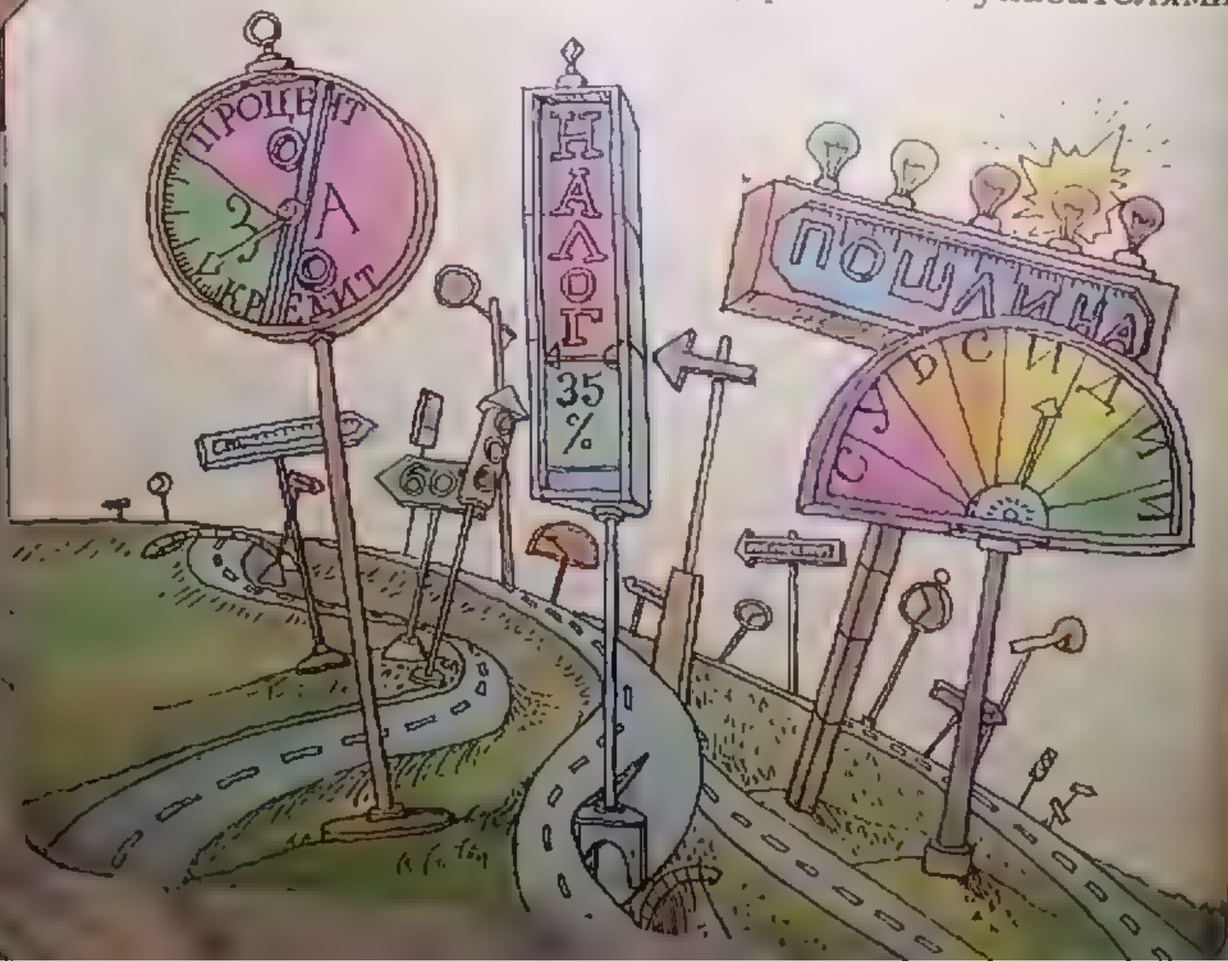
— Так что, сама понимаешь, с идеальным планом ничего не вышло. А план, составленный как бог на душу положит, по принципу: вчера сделали 100 пар тапочек, а

запланируем изготовить на 10 пар больше, дескать, людей-то стало больше, на деле оказался ничуть не лучше, чем свободный рынок, — он тоже привел к кризисам. Вот только кризисы здесь особые — кризисы недопроизводства. Здесь всего не хватает — даже асфальта. Вот потому и дороги такие, что мы будем ползти по ним до скончания века и неведомо когда вернемся домой!

— Так что же нам делать?

— Прежде всего — поесть! — решительно заявил я, направляясь к столу. — А потом будем выбираться на шоссе Экономических Регуляторов, может, там скорости повыше...

Перекусив, я снова уселся за руль и с помощью компьютера начал пробираться к шоссе Экономических Регуляторов. Наконец передо мной оказался поворот к нему. Что ж, ехать здесь было куда приятнее — машина скользила по гладкому асфальту. Но приятнее — не значит легче. Мне тут было совсем не просто. Дело в том, что это шоссе было так нашпиговано дорожными указателями и

светофорами, что я не мог ни на минуту расслабиться — все время надо было следить за тем, чтобы не нарушить правила дорожного движения. Особенно раздражали меня необычные — электронные знаки ограничения скорости.

Указываемые ими предельные скорости движения то и дело менялись, и мне приходилось все время то притормаживать, то выжимать педаль газа чуть-ли не до отказа. Правда, при всем при том средняя скорость движения (как любезно информировал меня компьютер) была все же на 10 км/ч выше, чем при движении по шоссе Свободного Рынка, и на 25 км/ч выше, чем по шоссе Единого Плана.

— Зачем их здесь так много? — жалостливо взглянула на меня Оля.

— Кого? — не понял я, не отрываясь от дороги, чтобы не пропустить очередного светофора или указателя.

— Ну, этих светофоров и дорожных знаков!

— А-а, так это же и есть те экономические регуляторы, в честь которых названо шоссе...

— Да-а-а? — с интересом протянула Оля. — И как же они действуют на экономику-то?

— А очень просто. Ты приглядись к ним повнимательнее, вспомни наши сегодняшние перипетии на других шоссе — и сама сообразишь.

— Что-нибудь понимаешь? — поинтересовался я через пару минут.

— Кажется, да, — неуверенно ответила моя спутница. — Наверное, светофоры начинают мигать желтым светом, а дорож-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ — это способы, с помощью которых можно управлять поведением людей, облегчая или затрудняя им путь к личному богатству.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ные указатели — требовать снижения скорости, если появляется опасность изготовить товаров слишком много. А зеленый свет и большая скорость — сигналы возможной нехватки товаров. Так?

— Совершенно верно, — удовлетворенно кивнул я головой.

— А почему здесь на светофорах нет красного света, а только желтый и зеленый?

— А потому, что это все же не обычные светофоры, а экономические регуляторы. И они никому ничего не запрещают — запрещать может только закон. Их задача в другом — сигнализировать изготовителям товаров, что им самим сейчас выгоднее дела[illegible] что выгоднее для всей страны в цело[illegible]дь не сл[illegible] же дорога, от которой ответ[illegible]тся [illegible] шоссе, [illegible]ся дорогой Экономичес[illegible] [illegible]была об этом, а?

— Вот и нет, — [illegible]иженно пари[illegible]зала Оля. — [illegible] какое это имеет значение тут-то?

— Первостепенное. Жители страны Экономика все, что им встречается на пути, проверяют — отвечает это их экономическим интересам или нет. Если отвечает, то есть помогает им жить лучше — богаче и спокойнее, то это выгодно и за это

надо хвататься обеими руками.

— Это что же значит, — прищурила один глаз моя собеседница, — хорошо только то, что помогает богатеть, что бы это ни было?

— Ты знаешь, однозначно я тебе ответить на этот вопрос не смогу. Общий принцип тут такой — можно и нужно делать все, что помогает лучше жить отдельным людям и всему народу страны в целом, но [illegible] того, что связано с обма[illegible] наносит такой ущерб и[illegible] других людей, котор[illegible] ство считает недоп[illegible]

— Это как? [illegible] Оля.

— А так. Бога[illegible] по-разному, [illegible] спорили о том, [illegible] допустимы, а какие нет. На[illegible]мер, церковь в древности [illegible]тала страшным грехом ростовщичество. То есть считалось, что одалживать другим людям деньги с тем, чтобы их вернули в большей сумме, чем брали, — это преступление против общества. А сегодня этим занимаются множество банков во всем мире, в том числе и банки, принадлежа-

щие самой церкви. А почему? А потому, что со временем люди поняли, что ссуживание денег в конце концов полезно для всех, лишь бы только не брали за это чрезмерную плату.

— Значит, то, что сегодня нельзя, за что сегодня могут посадить в тюрьму, завтра может быть разрешенным?

— Да, представь себе. Издавна договорились только о том, что нельзя богатеть на обмане других людей, а в остальном вся история страны Экономика — поиск ответа на вопрос о том, какие способы для обогащения отдельного человека, группы людей или даже целой страны допустимы, какие нет. И во многих местах этой страны мы с тобой столкнемся с ограничениями на способы обогащения. Но это все — исключения из общего правила, а само правило [illegible] действит[illegible] делать только то, что помогает [illegible] хо[illegible]го стране. И учитывая это, можно управл[illegible]лей. Догадываешься, как?

— Наверное, облег[illegible] путь к богатству, который люди выбрали, [illegible]

— Совершенно верно. [illegible] облегчения или осложнения очень много [illegible] потом о них еще расскажу.

— Ладно, только ты посмотри — хоть светофор и горит желтым светом, хоть скорость и ограничена, а все равно некоторые грузовики не сбавляют скорости и мчатся сломя голову. Вовсе не все слушаются твоих экономических регуляторов!

— Во-первых, они не мои, а государственные, а во-вторых, если человек хочет действовать на свой страх и риск — это его дело, но и жаловаться потом будет не на кого, кроме себя самого.

— Все равно это непорядок! Вот на шоссе Единого Плана так все было четко: есть дорога — грузовики едут, нет дороги — и ехать не могут! Все просто и ясно. А тут?

Все мигает, все меняется, на каждом шагу по три дорожных знака — глаза разбегаются! И все равно некоторые водители ведут себя как хотят, и никакие регуляторы им не указ! Чего ж тут хорошего?!

— Ты у меня максималистка — тебе нужен такой механизм, чтобы работал как часы и чтобы никаких сбоев?

— Конечно, — с явным вызовом в голосе ответила Оля. — А иначе за что же вам, экономистам, деньги платят?!

— За то платят, что помогаем придумывать, как людям лучше решать свои проблемы, как жить все богаче, да притом еще не губить природу на Земле. Главное же, над чем мы все ломаем головы, — как сделать, чтобы люди с разными экономическими интересами могли мирно и успешно сотрудничать [illegible] другом, а не брались за оружие и не шли относ[illegible]уг у друга хлеб насущный. Вот ты мне ответь — [illegible]ло тебе управлять тремя рабочими у конвей[illegible]

— Трудно, ну [illegible]

— А то, что эт[illegible]ая, но модель тех задач, которые людям п[illegible]ать в стране Экономика каждый день. И не [illegible]то ж[illegible]ивые люди, в отличие от компьютерных человечков, никогда не бывают послушны кнопке управляющего. У каждого человека, чем бы он ни занимался, свои экономические интересы, свои представления о том, что хорошо и что плохо. И думает человек прежде всего о том, как бы сделать получше жизнь своих родных и свою, а уж потом — как помочь окружающим и как сделать богаче всю свою страну.

— Ну...— возмущенно начала моя спутница, но тут уже я ее перебил.

— Знаю, знаю, что ты мне хочешь сказать — что не все люди эгоисты, что история человечества полна примеров того, как люди жертвовали ради других даже своей жизнью, а не только выгодой, верно?

— Да, — гордо кивнула головой Оля.

— Все так, и все же, увы, такие поступки могут совершать лишь немногие, самые лучшие и благородные люди. Ты подумай — не потому ли люди так чтят героев, что понимают, насколько эти герои отличаются от них самих?!

— Может быть, — задумчиво сказала Оля.

— К сожалению, дело обстоит именно так, и потому экономист всегда должен помнить о том, что людям часто присущ эгоизм, а потому с удовольствием они работают только для собственного блага. Поменять природу человека невероятно трудно — намного сложнее, чем обеспечить всеобщее благосостояние или долететь до Марса. Вся история человечества подтверждает, что можно командовать одним человеком, можно командовать армией солдат, но нельзя долго командовать жителями целой страны, не думая о том, чего они сами-то хотят. Нет, точнее будет сказать даже так: командовать-то можно, но вот чем это кончится? Как ты думаешь? Попробуй представить себя жителем такой страны.

— Наверное, люди взбунтуются, да?

— Вот именно! Кончается такое правление либо революцией, либо экономическим кризисом и обнищанием народа, что в конце концов тоже выливается в народные волнения. Вспомни историю: во всех странах постоянно происходили либо какие-то восстания, либо революции, кого-то свергали с трона, кто-то вновь приходил к власти. И всегда причина таких событий была одна и та же: люди добивались такого экономического порядка, который был бы для них более выгоден, помогал им легче зарабатывать свой кусок хлеба, да в конце концов — не мешал просто-напросто богатеть. Понятно?

— Да вроде, — протянула Оля. — Но если каждый человек думает только о своей выгоде и сколько людей — столько экономических интересов, то как же можно

успешно управлять всеми из одного центра? А если это можно, то почему тогда нельзя сделать для всех просто единый план? Что-то я совсем запуталась!

— Подожди, — удивился я и даже слегка сбросил скорость, хотя дорожный знак рекомендовал ехать не медленнее 70 км/ч, — а я разве тебе сказал, что это шоссе управляется из одного центра?

— Но ведь кто-то же включает и выключает светофоры, меняет цифры на дорожных знаках? Значит, где-то должен быть единый центр управления, который это делает?

— С чего ты это взяла? Вспомни, как управляют светофорами на московских улицах. Где-то стоят автоматы, которые меняют цвет через определенные отрезки времени, а где-то в кабинках сидят регулировщики, которые и выбирают режим работы светофора. Самое лучшее регулирование — это [illegible]гда на улицах, ведущих к перекрестку, ставятся датч[illegible], собирающие сведения о количестве машин и направл[illegible]и их движения, а уж потом на основе этих данных ко[illegible]ютер, стоящий на перекрестке, выбирает наилучш[illegible]жим работы. На научном языке это называется децен[illegible]зованным управлением. В нем что хорошо? То, что ре[illegible]ение принимается прямо на месте событий и можно успеть принять меры до того, [illegible]к нарушится нормальный ход дел.

— До того как машины столкнутся на перекрестке, — улыбнулась Оля, начиная, похоже, склоняться к моим доводам.

— Вот-вот, — обрадовался я. — Каждый перекресток — это особый рынок, и он сам себя регулирует...

— А как же это можно? — опять возмутилась Оля. — А если тем, кто торгует на этом рынке, будет выгодно делать то, что плохо для всей страны? Или так не может быть?

— Может, конечно, может, — пожал я плечами, — но

ты опять меня не дослушала. А я как раз и хотел сказать, что при плановом регулировании каждый рынок сам себя регулирует, а государство создает ему такие условия, в которых деловым людям оказывается невыгодно делать то, что вредно для страны, а выгодно — то, что идет на пользу.

— И этого действительно можно добиться? — скептически взглянула на меня юная спорщица.

— Можно и нужно, хотя и очень сложно. Но многие страны научились делать это очень умело и потому живут богатея и не зная таких тяжелых кризисов, какие случались во времена, когда через долину Пропорциональности вело только шоссе Свободного Рынка.

— А кстати, папа. Что такое рынок? Ты все время говоришь о нем, а что это такое, не объясняешь. Ведь это, наверное, не тот рынок, где мы покупаем картошку и зелень?

— Верно. Мы, экономисты, привыкли обозначать этим словом всевозможные способы, которые придумало человечество для того, чтобы было удобнее покупать и продавать товар, причем делать это свободно, что самое главное!

— А почему это так важно — свободно покупать и продавать?

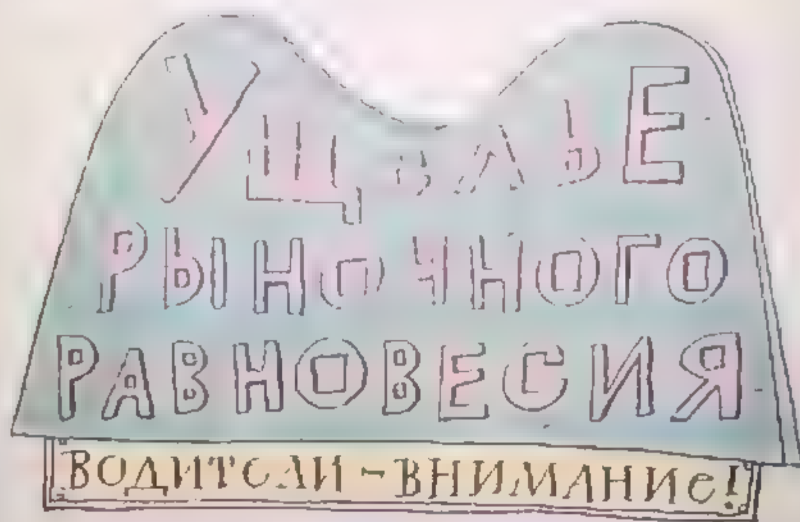
— Видишь ли, долгая история страны Экономика показала, что стоит только лишить продавцов права решать, кому и почем они хотят продать свой товар, а покупателей — права выбора, у кого и за сколько покупать, как дела в этой стране начинают идти наперекосяк и вместо свободного рынка и изобилия товаров появляются бюрократы, которые раздают товары тем, кто им милее. А магазины становятся пустыми и тоскливыми...

Солнце над страной Экономика уже клонилось к закату, когда мы, наконец, оказались у выезда из долины-

пропорциональности. Дорога впереди исчезала в расщелине между двумя большими холмами.

Странные это были холмы! Они все время менялись в размерах: то становились больше, то почти сравнивались с уровнем земли. Да и ширина расщелины между ними то увеличивалась, то уменьшалась. В лучах заходящего солнца они отбрасывали длинные тени, и эти тени, то удлиняющиеся, то укорачивающиеся, казались живыми.

Когда наш автомобиль подкатил поближе, мы увидели на обочине дороги указатель:

— Это еще что за ущелье, папа? — опасливо поинтересовалась Оля, кладя мне руку на плечо. — Почему от водителя тут требуют особого внимания?

— О, мы подъехали с тобой к одному из самых таинственных мест в стране Экономика! Но о нем я расскажу тебе завтра, а то мы сегодня так напутешествовались, что у меня глаза словно песком засыпало. Давай-ка свернем на обочину и заночуем, а поутру с новыми силами попробуем прорваться сквозь это коварное ущелье.

Так мы и сделали.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Оле приходится добывать лазер, а мне садиться за руль гоночной машины.

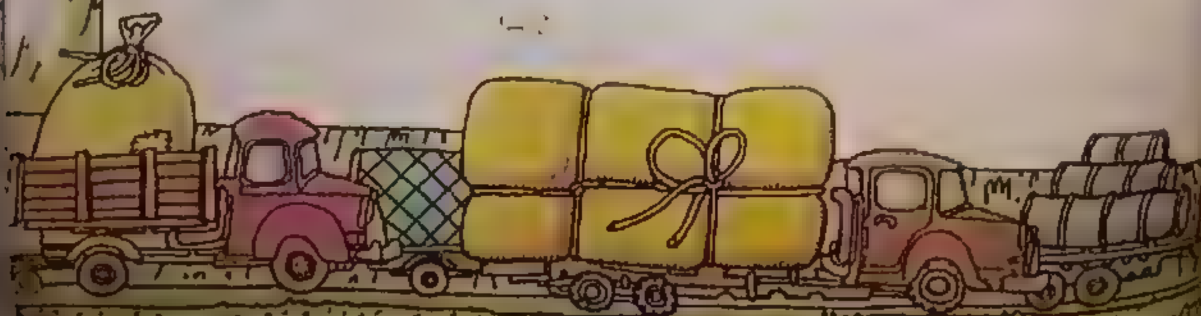
Второй ... нь нашего путешествия начался там же, гд... к... ился первый, — у въезда в ущелье Рын... ... вновесия, перед двумя все время меняющ... ... азмеры загадочными холмами.

... же это за ущелье и почему эти холмы ... шат? — поинтересовалась Оля, уютно ... а переднем сиденье автомобиля.

... ты сказала? «Дышат»? — поразился ... какое отличное сравнение — мне бы ... у не пришло! Действительно, «ды... ание отзывается по всей стране ... ведь одно из самых важных и ... т этой страны — холмы Спроса и

... е таинственное?

... холмы (тот, что слева — холм ... справа — Предложения) —

огромные магниты. Но магнитные силы у них совершенно разные. Холм Спроса притягивает товары и отталкивает деньги, а холм Предложения, наоборот, тянет к себе деньги и отталкивает товары.

— Как это?

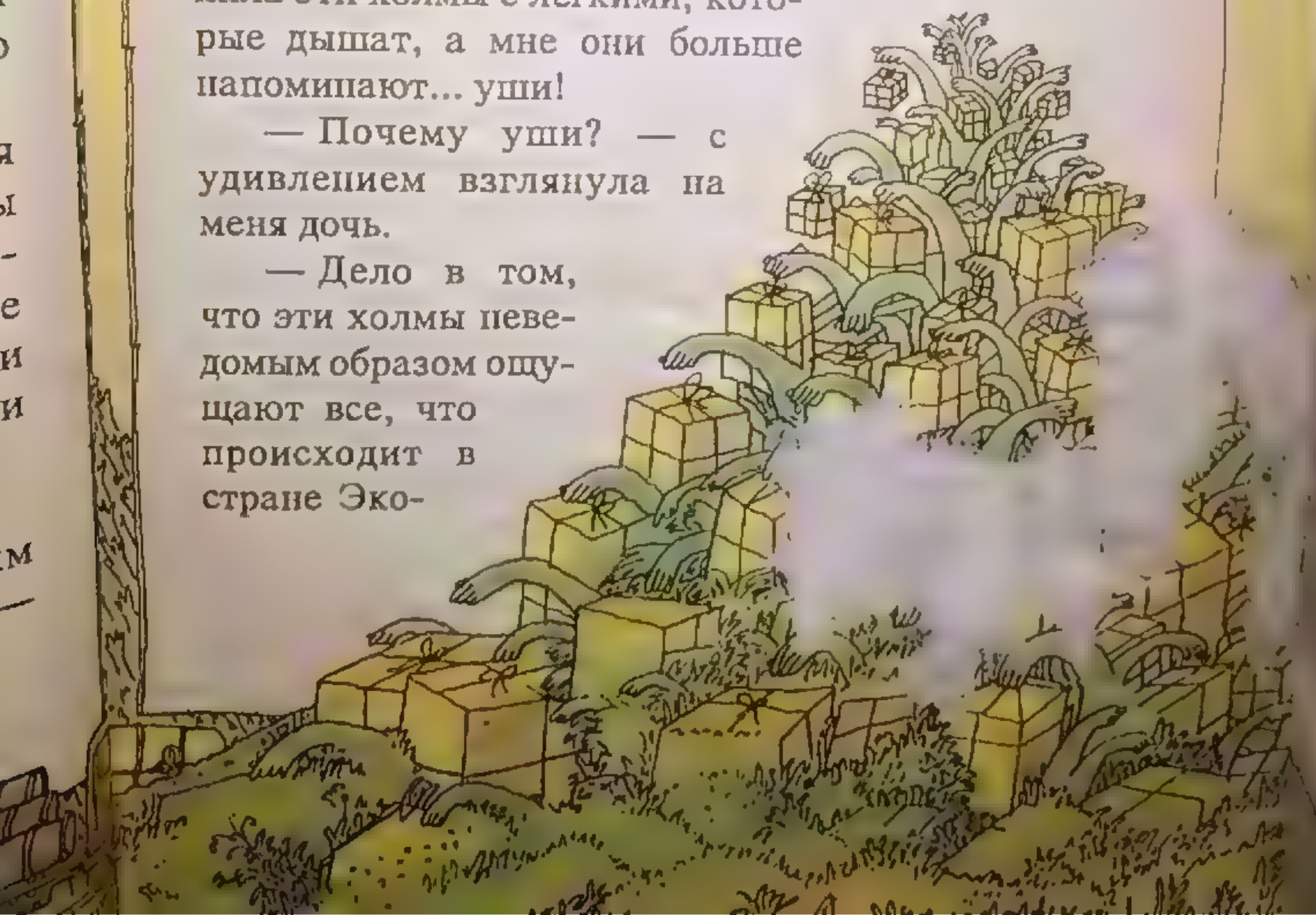
— Очень просто. Если у тебя есть деньги и ты хочешь купить себе, например, велосипед, ты идешь в магазин и спрашиваешь: « У вас есть велосипеды?» Это и есть спрос. А продавец, узнав, что у тебя хватит денег на такую покупку и ты действительно готов эти деньги заплатить, предлагает тебе велосипед. Это и есть предложение.

— А почему эти холмы все время меняют свою величину? Ты мне так и не ответил, — напомнила Оля.

— Видишь ли, ты вот сравнила эти холмы с легкими, которые дышат, а мне они больше напоминают... уши!

— Почему уши? — с удивлением взглянула на меня дочь.

— Дело в том, что эти холмы неведомым образом ощущают все, что происходит в стране Эко-

номика, и улавливают такие желания жителей, которые связаны либо с деньгами, либо с товарами.

— Это как?

— А вот так. Стоит лишь у жителей страны Экономика завестись в кошельках лишней монете и возникнуть желанию сделать новую покупку, как холм Спроса мигом начнет расти как на дрожжах. Ну, а если на какой-то фабрике начинает действовать новый цех и она выпускает больше телевизоров, велосипедов или пальто, чем вчера, то сразу начинает расти холм Предложения.

— И какой в этом смысл?

— Громадный! Ведь через это ущелье ведет единственная дорога к городу Купцовску, и размеры холмов Спроса и Предложения прямо влияют на то, что происходит с грузовиками, везущими товары мимо них.

— А что с ними случается?

— Сейчас увидишь, — и я направил наш автомобиль ко въезду в ущелье. Правда, в само ущелье я заезжать не стал и затормозил метрах в ста от него, съехав на обочину. Отсюда было как на ладони видно все, что происходило впереди. [illegible] это стоило посмотреть — ничего подоб[illegible]чи Оля никогда в жизни еще не вида[illegible].

[illegible] что оба холма все время меняли [illegible] окружность, но они еще вел[illegible] две огромные волны, то накаты[illegible]вая на шоссе так, что оно суживалось до узенькой расщелины, то разбегаясь в стороны, отчего ширина шоссе сразу намного увеличивалась. Еще более странные вещи происходили в ущелье Рыночного Равновесия с грузовиками, которы[illegible]

СПРОС

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Не забыть!

ежеминутно проносились мимо нас. Они, попав между холмами, начинали... меняться в размерах! Если проезд через ущелье был очень узок, то грузовики начинали стремительно уменьшаться, пока не оказывались в состоянии протиснуться между холмами Спроса и Предложения. Ну а если холмы, расступившись, образовывали широчайший проезд, то грузовики начинали расти в размерах, превращаясь в целые автопоезда на колесах.

Это зрелище было настолько необычным, что мы оба как зачарованные любовались им минут двадцать, совершенно позабыв, что и нам надо двигаться вперед и что нас ждет в ущелье — неизвестно.

Наконец Оля повернулась ко мне.

— Что это, папа?

— Это... — протянул я, приходя в себя (читать мне об этом доводилось не раз, а вот своими глазами я увидел впервые). — Это называется Пляской Цен, и за этой пляской, затаив дыхание, смотрит вся страна Экономика.

— Пляска? — удивленно переспросила Оля. — Да здесь же никто не танцует, только грузовики становятся больше или меньше...

— Верно. Но размер-то их [illegible] именно потому, что в этом ущелье определяетс[illegible] товаров, что везет каждый из водителей. Зде[illegible]ся ясно, сколько удастся выручить изготовите[illegible]ар и будет ли он завтра богачом или ему придется [illegible] свою фабрику. А покупатель именно отсюда получа[illegible] сведения [illegible] том, хватит ли ему денег,чтобы купить желанную вещь, и [illegible] ему будет не по карману и придется копить дальше. [illegible] здесь меняются постоянно, то приседая, то взмыв[illegible] небесам, как будто они пляшут диковинный и ве[illegible] танец, а музыку и танцевальные фигуры им задают эт[illegible] таинственные холмы...

— Холмы? — недоверчиво повторила моя дочка, [illegible] устремив взгляд на холмы Спроса и Предложения.

— Да-да, — кивнул я головой. — Не забывай, что это холмы не простые! За ними стоят интересы и желания людей, а это самая мощная сила в мире.

— Все равно не понимаю. Как это желания людей могут влиять на размеры грузовика или на то, сколько стоят товары, которые он везет?

— Очень просто. Представь себе, что у покупателей сегодня накопилось много денег на покупку какого-то товара, а его не хватает на всех...

— Дефицитен? — подсказала Оля.

— Вот именно, — кивнул головой я. — Если он дефицитен, то есть спрос превышает предложение, тогда самые богатые из людей начинают предлагать изготовителю все более высокую цену, лишь бы купить. Продавец же не спешит товар продать, стараясь выторговать цену повыше. Вот тогда-то грузовичок, который везет этот товар, и начинает расти в размерах, потому что все большей становится сумма денег, которую можно будет получить за эти товары.

— И что — цена может расти бесконечно?

— Интересный вопрос. Вообще-то какой-то верхней границы для цены не существует. Например, во всем мире регулярно устраиваются художественные аукционы, на которых продают картины знаменитых художников. Покупает их тот, кто предложит самую высокую цену. Каждый раз газеты сообщают, что на этот раз был побит мировой рекорд цены за одну ка[illegible]ну. Например, недавно за картину Ван-Гога «П[illegible]ктора Гаше» на одном аукционе зап[illegible]а долларов...

— Ого! — [illegible]кликнула Оля.

— Но м[illegible]что угодно, что пройдет время и [illegible]бит. Ведь работ старых мастеров [illegible]чень [illegible]. [illegible] уже не будет больше, то есть предложение уже никогда не увеличится. А спрос растет [illegible]е время, вместе с ним безгранично растут цены. Но это,

конечно, уникальная ситуация, а на обычные товары цена растет до тех пор, пока покупатели не скажут сами себе: «Нет, это уж слишком дорого!»

— И что тогда?

— А ты как думаешь?

— Наверное, люди тогда покупают что-нибудь другое, подешевле, да?

— Да. Или не покупают вообще ничего. И тогда продавец волей-неволей уступает товар по той цене, на которую соглашается покупатель. Размер грузовичка перестает увеличиваться, и он спокойно проезжает по ущелью Рыночного Равновесия. Ну а если товаров выпустили больше, чем люди готовы купить, то есть предложение стало больше, чем спрос, тогда товары начинают залеживаться в магазинах, и цены на них приходится снижать, чтобы их все же раскупили. Конечно, при этом грузовичок «худеет» — не до жиру, быть бы живу! Понятно? Можно ехать?

— Поехали! — наконец решилась моя спутница, и я тронул машину с места.

Мы проехали уже больше половины дороги через ущелье, когда холм Предложения вдруг начал стремительно расти и надвигаться на шоссе. Я выжал педаль газа до упора, и автомобиль прыгнул вперед как подстегнутый. Но холм Предложения рос еще быстрее.

На наших глазах один из его отрогов накрыл шоссе, давив мчавшийся впереди нас грузовик. Я так резко затормозил, что ремень безопасности больно впился мне в тело.

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Пещера! Папа, пещера! —отчаянно закричала Оля, показывая куда-то вбок.

Да, это была пещера. В подножье холма Предложения зияла черная дыра — вход в пещеру. Была ли она достаточно велика, чтобы вместить наш автомобиль? Уверенности у меня не было, но и другого выхода тоже не было. Через минуту нас могла постигнуть судьба того грузовика. Я отчаянно крутанул руль и направил машину прямо в пещеру — это был все-таки какой-то шанс на спасение!

Наша машина влетела в пещеру, чиркнув бортом о каменную стену, и в ту же секунду сзади нас что-то загрохотало и вокруг стало темно — холм Предложения обрушился на шоссе, замуровав и наше убежище. Я затормозил и выключил мотор. Вокруг господствовала полная темнота и тишина. И все же мы были живы, а это главное!

Оля шумно перевела дыхание и, нащупав в темноте мое плечо, тихо спросила:

— Мы отсюда выберемся?

В ее голосе прозвучали близкие слезы.

— Только не плачь! — я постарался, чтобы мой голос звучал как можно бодрее. — Может быть, когда холм Предложен[illegible] очередной раз уменьшаться, мы сможем про[illegible]у.

Но про се[illegible] совсем другое — вместе с холмом могла у[illegible]ины [illegible] и наша пещера, и тогда нас просто раздавил[illegible] бралс[illegible]ные стены. Во всяком случае надо было хотя [illegible], ил[illegible] пещеру — может быть, из нее есть какой-то [illegible] пустил двигатель и включил фары. Их све[illegible]е, подействовал на какие-то спрятанные в ст[illegible] элементы, и пещера внезапно ярко осветилась [illegible]е было столь неожиданным, что мы с Олей даже [illegible]ились. Когда же наши глаза привыкли к свету и мы [illegible]гляделись вокруг, то поняли, что пещера была... музеем!

Ее стены были увешаны рекламными плакатами, зазывавшими покупателей купить самые разные товары —от спортивных автомобилей до детских сосок и консервов для собак. В стены были вмурованы витрины, за стеклами которых красовались манекены в модных нарядах последних десятилетий.

Увидев такое, Оля мигом выскочила из автомобиля и как зачарованная двинулась вдоль стен пещеры, разглядывая рекламные плакаты.

— Зачем здесь этот музей, а пап? — повернулась она ко мне, когда я вылез из кабины и догнал ее у плаката, рекламировавшего плетеную мебель для сада.

— Думаю, что его создали для таких же, как мы, неудачников, которые не сумели попасть в ритм колебаний ущелья Рыночного Равновесия и потому не сумели сбыть свой товар, но все же оказались достаточно ловки, чтобы успеть спастись в этой пещере.

— Какое это опасное ущелье!

— Конечно. Ведь здесь каждого жителя страны Экономика поджидает самая страшная угроза — угроза разорения, а значит, угроза безработицы и нищеты для него самого и тех, кого он нанимает д[illegible]водства своих товаров. Эта угроза реальна для [illegible]ы никто не хочет покупать.

— Но это же неспра[illegible] их делали, старались, станки работали, [illegible]использовали, а им вдруг говорят: «Ваш товар [illegible]ужен и плакали ваши денежки!»

— А что же ты хочешь? [illegible]ны Экономика жесткие, но справедливые. Пра[illegible]ту своего труда имеет только тот, кто делал ве[illegible]е людям. А если человек жег электричество, тр[illegible]ил и свой труд впустую, потому что результ[illegible]труда людям не интересен — им ЭТО не нужно! — жалеть его нечего. Если хочешь знать — такой горе-мастер вра[illegible] общества!

— Ну уж и враг, скажешь тоже, папа!

— Конечно, враг, я не шучу. Сама подумай — людям так много еще не хватает для обеспеченной жизни, а ведь природные богатства нашей планеты не безграничны. А раз так, то из-за того, кто впустую потратил эти богатства —нефть, дерево, металл, помешал выпустить нужную обществу продукцию, люди завтра будут жить хуже, чем могли бы. И такой производитель-расточитель чужого труда должен быть наказан.

— Ну, не в тюрьму же его сажать?!

— Никто и не говорит о тюрьме. В стране Экономика свой суд — рынок и своя мера наказания — убытки, вплоть до высшей кары — разорения. А если общество оказывается слишком добреньким и берет такого горе-производителя на поруки, уберегая его от разорения, то вирус бесхозяйственности и равнодушия к реальным нуждам людей начинает распространяться как смертоносная эпидемия, и вскоре начинает лихорадить всю страну Экономика! А уж тогда лечение оказывается очень тяжелым и долгим...

— Ладно, я не спорю, но ведь изготовитель мог нагрузить свой грузовичок ненужным товаром только из-за того , что не знал — товар этот никому не нужен. Он, бедняга, думал, что люди обрадуются его изделию, старался, трудился, а ему вдруг от ворот поворот! Получается, что он без вины виноватый?

— А зачем он брался за дело, не разведав, что сегодня пользуется спросом, и не сделав рекламы своему товару? Недаром здесь любят повторять: «Реклама — двигатель торговли!»

— Не знаю, — пожала плечами Оля. — Мне лично кажется, что реклама — это всегда немножко обман.

— Ты не права, уже давным-давно люди поняли, что в рекламе можно преувеличивать, но нельзя обманывать. Для того, кто хочет преуспеть, самое дорогое — деловая

репутация. И если ты хоть один раз продашь покупателю плохой товар, задурив ему голову рекламой, второй раз тебе лучше на рынке не появляться — никто у тебя ничего не купит, все пойдут к твоим конкурентам. Так что реклама — штука серьезная, и без нее проскочить ущелье Рыночного Равновесия почти невозможно.

За этими разговорами мы обошли почти всю пещеру и вдруг оказались перед углублением в стене. Оно было не освещено, поэтому, наверное, мы и не увидели его сразу. В углублении, высота которого позволяла Оле стоять в полный рост, а мне пришлось скрючиться, стоял большой сундук весьма странного вида. Его необычность заключалась в том, что нижняя его часть явно была старинной — ее украшали изящные кованные накладки, в одном месте был виден даже какой-то старинный герб. А вот крышка у сундука была совершенно иной. Ее очертания были вполне современными, а главное — в эту крышку был вмонтирован компьютер. Я привычно щелкнул выключателем, и компьютер заработал — на пульте загорелась лампочка, а на экране появилась надпись:

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ МАРКЕТИНГОВОГО ЛАЗЕРА
ВАМ НАДО РЕШИТЬ ЗАДАЧУ
СО СЛЕДУЮЩИМИ УСЛОВИЯМИ:

ВЫ — ИЗГОТОВИТЕЛЬ БРУСНИЧНОГО СОКА И ПРОДАЕТЕ
БУТЫЛКУ СОКА ЗА 1 РУБЛЬ. ВДРУГ НА РЫНКЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ
ЕЩЕ ОДИН ИЗГОТОВИТЕЛЬ ТАКОГО ЖЕ СОКА И ПРОДАЕТ
ЕГО ПО 70 КОПЕЕК ЗА БУТЫЛКУ
ЧТО ВАМ НАДО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ КОНКУРЕНТА И
СОХРАНИТЬ СВОЕ МЕСТО НА РЫНКЕ?

ПРОСТАВЬТЕ ВАШИ РЕШЕНИЯ В ПУСТЫЕ
МЕСТА И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»,
КОГДА БУДЕТЕ ГОТОВЫ

ИТАК, ВЫ:

СНИЗИТЕ ЦЕНУ НА СВОЙ СОК НА .... КОПЕЕК

ПОВЫСИТЕ ЦЕНУ НА СВОЙ СОК НА .... КОПЕЕК

УВЕЛИЧИТЕ РАСХОДЫ НА РЕКЛАМУ СВОЕГО СОКА НА ....%

БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ ПОДАРКИ СТОИМОСТЬЮ .... РУБЛЕЙ

ТОМУ, КТО СДАСТ ВАМ 50 КРЫШЕЧЕК ОТ ВЫПИТЫХ ИМ

БУТЫЛОК С ВАШИМ СОКОМ

ВЫПУСТИТЕ В ПРОДАЖУ НОВЫЙ СОРТ ВАШЕГО СОКА

ПО ЦЕНЕ .... РУБЛЕЙ .... КОПЕЕК

— Ну и что мне тут надо отвечать? — повернулась ко мне Оля.

— Понятия не имею, — честно признался я. — Понимаешь, маркетинг — не моя специальность, так что тут мы с тобой на равных. Попробуй, например, тоже снизить цену на 30 копеек, — тогда у конкурента не будет перед тобой никаких преимуществ...

К сожалению, мой ответ компьютеру не понравился —экран лишь мигнул, и на нем снова всплыли те же условия задачи. Не лучше была реакция и на Олин вариант решения — увеличить расходы на рекламу на 50%. Не открыло сундук и наше предложение делать подарки стоимостью в 10 рублей тому, кто сдаст 50 крышечек от бутылок. То ли мы поскупились, то ли вообще попали пальцем в небо, кто же этот компьютер поймет?!

После десятой неудачной попытки я огорченно махнул рукой и выбрался из углубления, потому что у меня затекла шея. Конечно, получив лазер, мы быстренько прорезали бы в стене пещеры выход, но уж больно хитрую задачу задал нам компьютер...

Я вернулся в кабину и выключил фары, оставив гореть только подфарники — неизвестно еще, сколько нам предстояло пробыть в этой ловушке, и аккумулятор надо было беречь. Откинувшись на сиденье, я закрыл глаза и

собрался подремать, как вдруг Оля издала боевой клич, эхом прокатившийся по пещере. Судя по всему, ей удалось-таки вскрыть заветный компьютерный замок. Я выскочил из кабины и подбежал к ней.

Так и есть —последняя попытка, наконец, оказалась успешной, и теперь крышка сундука медленно поднималась кверху.

— Ну, молодец, — восторженно обнял я Олю за плечи. — Так что же надо было сделать?

— О-о-о, — хитро протянула Оля, чрезвычайно довольная собой. — Я такое придумала, такое...

— Да что же, не томи, интересно ведь! — наседал я.

— А я предложила повысить цену моего сока на 50 копеек, а кроме того, выпустить в продажу еще один сорт моего сока по цене 70 копеек за бутылку.

— Ничего не понимаю, — пожал я плечами. — Что в этом варианте хорошего-то? С какой стати покупатели будут брать твой сок за полтора рубля, когда рядом стоят бутылки по 70 копеек — и твои, и твоего конкурента?

— А вот и будут, — качнула головой моя спутница. — Люди ведь что подумают — раз мой старый сорт сока стоит почти в 2 раза дороже, чем мой же новый сок и сок конкурентов, значит, этот сок самый лучший, самый вкусный и надо покупать именно его, пусть он и дороже!

— Погоди, погоди, — не унимался я. — А если сок конкурентов на самом деле ничуть не хуже твоего? Тогда покупатели это быстренько раскусят, обидятся и вообще ничего у тебя покупать не будут!

— Ой, папа, сразу видно, что ты в магазины за продуктами ходишь редко! А то бы заметил, что люди — если у них есть деньги, конечно! — всегда стараются купить то, что подороже, веря, что это и лучше. Разве ты не слыхал поговорку —«Мы недостаточно богаты, чтобы позволить себе покупать дешевые товары»?

— Слыхал, — признался я, удивленно покачивая головой. — Ну и хитра же ты!

Но Оля уже не слышала моих слов, восторженно уставившись внутрь сундука, крышка которого наконец поднялась полностью. А там, на алом бархате, вышитом торговыми эмблемами самых знаменитых международных фирм, лежал массивный лазер, напоминавший по форме ручной пулемет. Из его ручки начинался длинный провод, исчезающий где-то в днище сундука. Ручка же лазерного «пулемета» была украшена золотой пластинкой с выгравированной на ней надписью:

ПРОИЗВОДИТЬ ТО, ЧТО ПРОДАЕТСЯ,
А НЕ ПРОДАВАТЬ ТО, ЧТО ПРОИЗВОДИТСЯ

— Ух ты! — восторженно протянула Оля, глядя на матово поблескивавшее лазерное оружие. — А почему этот лазер так странно называется, а пап? Марке..., марке..., нет, даже повторить не могу.

— Маркетинговый, — подсказал я ей. — Это от английского слова «маркетинг», а само оно родилось от слова «маркет» — рынок...

— Знаю, знаю, — хлопнула в ладоши моя дочка. — Большие магазины называют «супермаркеты».

— Верно. Так вот, маркетинг — это самый современный способ завоевания рынка, и девиз на ручке лазера — самый главный лозунг специалистов по маркетингу. Тебе понятен его смысл?

— Не очень, — честно призналась Оля.

— Сейчас объясню. Когда-то жизнь

МАРКЕТИНГ — это такой способ ведения дел, когда выпускают только те товары, которые точно будут проданы, и которые выгодно делать по такой цене, что смогут уплатить покупатели.

НЕ ЗАБЫТЬ!

любого нового товара начиналась с его изготовления, и лишь на стадии продажи включались спецы по рекламе. При маркетинге же все происходит наоборот. Сначала специалисты тщательно изучают рынок и определяют, какие товары сегодня имеют шанс на успех у покупателей и по какой цене их можно продавать. И лишь потом начинают ломать голову конструкторы и инженеры, придумывая новый товар, и организовывают его выпуск с такими затратами, которые определяли специалисты по маркетингу.

— А как же можно угадать — что и почем люди хотят купить? Это что — телепатом надо быть?

— Совсем не обязательно. Наука о маркетинге придумала массу [illegible] доступных обычному человеку способ[illegible]ми владеют, сегодня очень ценятся во всем мире [illegible]а из самых сейчас престижных профессий в [illegible]ономика. Ведь, отправляясь на рынок, надо быть очень хорошо подготовленным, иначе...

Докончить фразу я не успел — свод пещеры треснул, и я понял, что холм Предложения опять начал расти, а наше убежище быстро уменьшалось в размерах. Не теряя... секунды, я выхватил лазер и ... я к засыпанному въезду в пещеру. Легкое при... к курку — и из стержня лазера вырвался ... напоминал луч, который начал как масло разреза... Начинался длинный провод, трещал все громче, постепе... сундука. Ручка же лазерного но отверстие, вырезанное ... золотой пластинкой с выграви... светом.

Пока Оля относила лазер ... мотор и, едва она нырнула в к... ход. Через минуту мы вноь...

...ЧТО ПРОДАЕТСЯ,

...О ПРОИЗВОДИТСЯ

...отянула Оля, гл... ...е оружие. — ... что...ется. ...рудом продолжен... ...иса.

Мы помчались вперед, стараясь побыстрее покинуть негостеприимное ущелье Рыночного Равновесия.

— Кстати, папа, — спросила Оля, — а поче...

МАРКЕТИНГОВЫЙ ... АЗ...

му это место так называется? Какое здесь ...жет быть равновесие, когда все вокруг ...время меняется? ...

...— Вот потому ... так и назвали, — усмехнулся я. — ... экономистов — равновесие на ... их ... змеры спроса и начинают ломать го... ни покупатели придумывая новый товар, ... изготовители не такими затратами, которы... продавать себе в маркетингу.

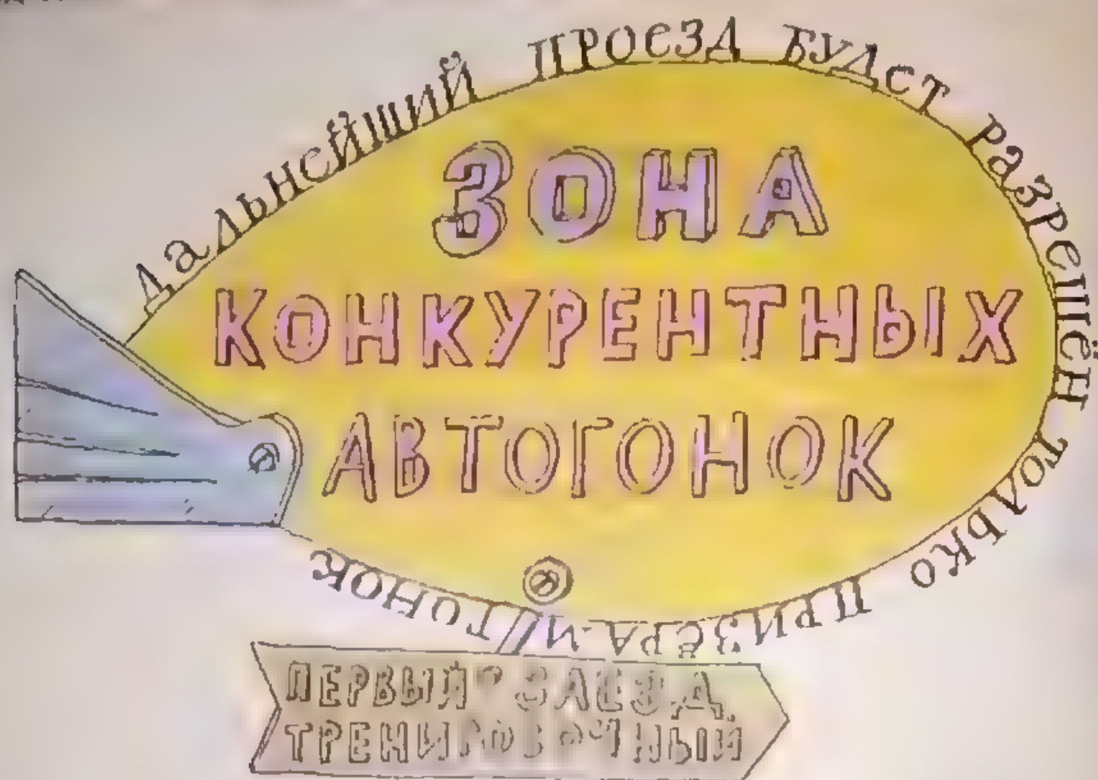
— А как же можно у... задавала. купить? Это что — теле... ии, произвело сильное

— Совсем не обяза... агрустила, и мне было мала массу ..., вп... способ... только что пережитых ... мире ... ии и поэтому, наверное, не сра... внимание на странный шум, который по... ся где-то впереди.

Чем ближе мы подъезжали к источнику этого шума, тем более знакомым он казался.

И вдруг я понял, что он мне напоминал: так ревет трасса скоростных автогонок. Я начал подумывать, не свернуть ли с трассы, чтобы полюбоваться хотя бы несколькими заездами, как вдруг впереди

возник знак, предупреждавший о крутом повороте вправо, а над ним — большой дорожный указатель:

Такого поворота событий я не ожидал — любоваться автогонками доводилось не раз, но участвовать в них — никогда! И эта перспектива, честно говоря, меня не очень вдохновляла — один тренировочный заезд нельзя было, конечно, считать достаточной подготовкой. Увы, судя по всему, выбора у нас не было, и я послушно направил наш автомобиль туда, куда указывали стрелки. Вскоре наш автодом уже стоял на стоянке, а мы — у столика регистрации участников. Получив номер, я узнал, что участие в гонках придется принять и Оле — гоночные автомобили здесь были двухместными и участие в гонке штурмана являлось обязательным.

Переодевшись в раздевалке в комбинезоны из негорючей ткани и получив шлемы, мы вышли к трассе автогонок. Собственно говоря, трасс было две — одна для соревнований, а вторая для тренировок. Дожидаясь своей очереди на тренировочный заезд, мы получили указания от нашего инструктора. Как оказалось, гонки эти были устро-

ены, как и все в стране Экономика, не совсем так, как мы думали.

Первое, что меня удивило, был внешний вид самих гоночных машин. В отличие от тех чудищ, которые были мне знакомы раньше, здешние машины были красивы и имели каплевидную форму.

Оказывается, здешние автомобили могли развивать не очень большую скорость — не более 150 км/ч, но зато они были оснащены ракетным двигателем, который можно было включить во время гонки только один раз, что давало мгновенное увеличение скорости до 220 км/ч и позволяло выиграть гонку, если двигатель был включен в подходящий момент.

Для этого в автомобиле и было предусмотрено место для штурмана, который должен был выбрать наилучший момент для включения.

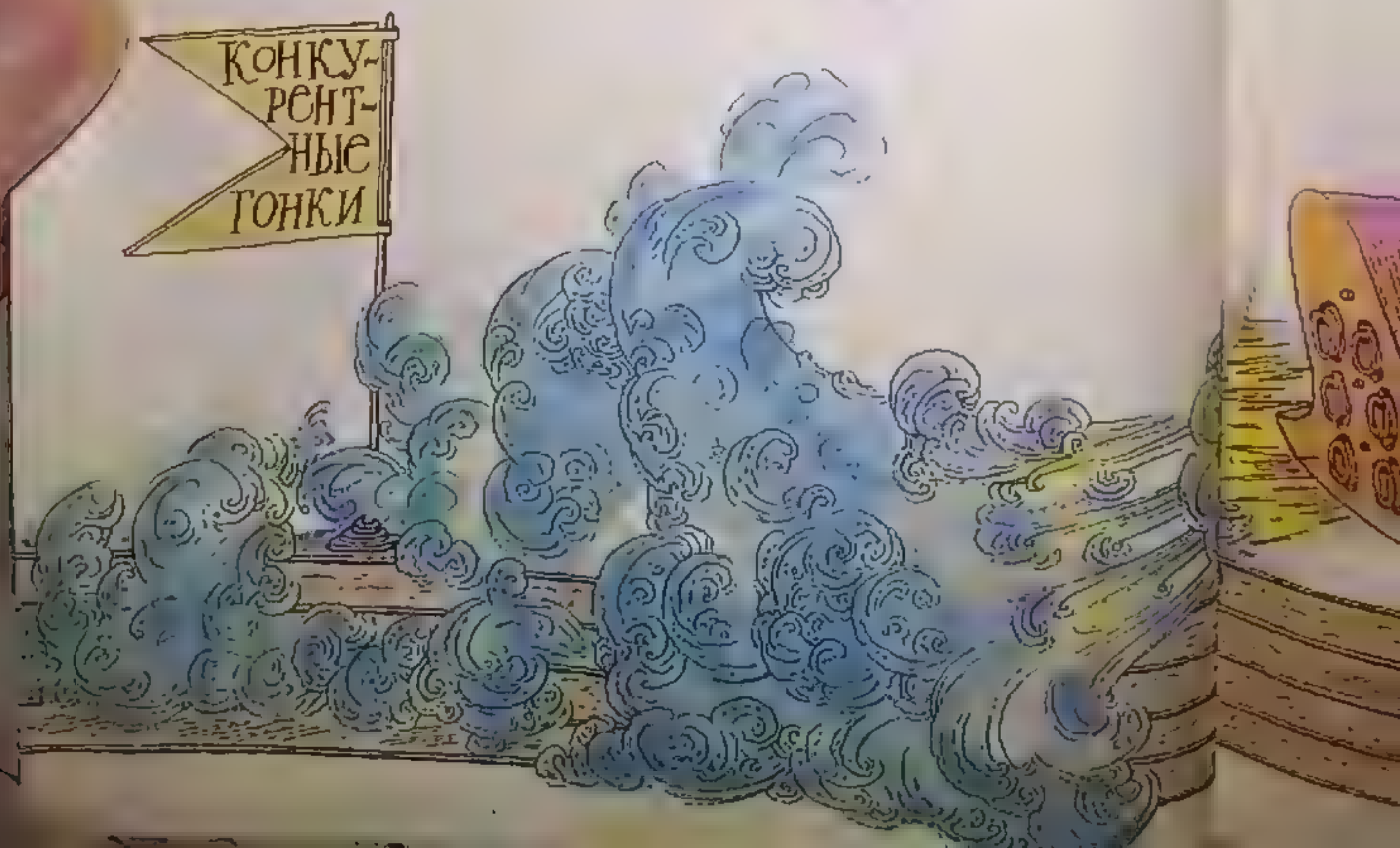
Куда меньше мне понравилось следующее сообщение инструктора. Дело в том, что возникающая в момент включения порохового заряда реактивная струя обычно сметала с шоссе те автомобили, которые были в тот момент сзади. Правда, каплевидная форма гоночных автомобилей спасала гонщиков от гибели — сброшенные с трассы автомобили просто раскатывались по сторонам, но такое бултыхание в автомобильной «бочке», конечно, трудно было назвать приятным ощущением.

Увы, вскоре мы в этом убедились сами — первые три заезда кончились для нас тем, что мы беспомощно болтались внутри кувыркавшегося автомобиля, крепко притянутые к сиденьям ремнями безопасности. Правда, в четвертом заезде мы на шоссе удержались — Оля включила реактивный двигатель в тот же момент, что и машина впереди нас, и это помогло нам удержать равновесие. Но кончили мы заезд все равно пятыми из восьми стартовавших машин, и, значит, нам предстояло вновь выходить на старт.

Удачу — и какую! — нам принес лишь девятый заезд. Мне с самого начала удалось вырваться в лидеры и удержаться в этой позиции до последнего поворота перед финишной прямой. Когда же мы в облаке пыли пронеслись мимо сигнального флажка, Оля мигом включила ускоритель. Его струя ударила прямо по настигающему нас автомобилю одного из соперников. Он подскочил, ударил по заднему автомобилю, тот — рикошетом — по следующему, и через миг все наши семь соперников раскатились в разные стороны с шосс[illegible]ку мы кончали в гордом одиночестве.

Только натужно ре[illegible] двигатель, заглушая крики болельщиков, да колот[illegible] в днищ[illegible] машины мелкие камушки. И вот наконец - заветная лини[illegible]иниша и судья с клетчатым флагом!

Когда, переодевшись в раздевалке [illegible] и наверх, чтобы получить пропуск на право д[illegible] проезда, старший судья молча протянул нам [illegible]пуска еще один листок бумаги. На нем было на[illegible]

ПОЗДРАВЛЯЮ С ВЕЛИ ЭЛЕПНОЙ ПОБЕДОЙ !!!
ТЕПЕРЬ ВЫ — М О Н О П О Л И С Т.
НА ВАШУ МАШИНУ БУДЕТ УС ТАНОВЛЕН ПРИЗОВОЙ БАК
С ГОРЮЧИМ, НО ПОЛОВИ У СОДЕРЖИМОГО БАКА
ВЫ ОБЯЗАНЫ ОТД Ь В ВИДЕ ШТРАФА
ЗА МОНОПОЛ АЦИЮ РЫНКА !
ЖЕЛАЕМ ВЫС ИХ ПРИБЫЛЕЙ !

— Что это за чепуха' возмутилась Оля. —Как же можно одновременно позд ать и штрафовать?! И вообще — зачем все эти го аз мы уже благополучно прорвались мимо холмов С и Предложения? Я так понимаю — проехать через это коварное ущелье может только тот, а товары будут пользоваться спросом у покупателей а, ко о ведь? А р ключ мы тоже вали Дел ехать дальш

С какой же стати нас заставили еще и здесь терять столько времени?!

— Не горячись. Конечно, если бы товары каждого вида делал бы только один изготовитель, то есть если бы все здесь были, как говорят экономисты, монополистами, тогда, конечно, твое возмущение было бы справедливым и никакие конкурентные гонки не нужны. Но если дела в стране Экономика идут нормально, то чаще всего одинаковую или очень похожую продукцию всегда выпускают много разных фирм, порой даже из разных стран. И потому на рынке всегда идет жесткая конкурентная борьба. И в ней побеждает тот, кто либо сумел разорить своих конкурентов, либо нашел такую приманку для покупателей, до которой не додумались его соперники.

— Приманку? — хихикнула Оля. — Ты так смешно говоришь, можно подумать, что покупатели — это рыбки в пруду, а изготовители — рыболовы: одни ловят на муху, другие — на мотыля, а третьи — на червяка!

— Можешь смеяться сколько хочешь, но на самом деле конкурентная борьба — жестокая повседневность любого нормального рынка, и потому зевать тут некогда: чуть расслабишься — конкуренты победят, не моргнув глазом. И надо все время думать, на чем же их можно обойти. Иногда победу в этой бесконечной схватке приносит более высокое качество продукции, порой — более низкая цена, нередко — хорошо налаженное послепродажное обслуживание (особенно сложной техники), часто — изобретательная и дорогая реклама. Это все честные способы конкурентной

Не забыть!

КОНКУРЕНЦИЯ — это борьба между теми, кто делает одинаковые товары. КОНКУРЕНТЫ борются за то, чтобы продать покупателям как можно больше своих товаров и заработать на этом побольше денег. Ради этого им приходится всё время что-то придумывать НОВЕНЬКОЕ, а это в конце концов полезно для всех.

борьбы, а ведь еще существует и масса незаконных способов! И все для того, чтобы захватить как можно большую долю рынка и в идеале стать монополистом, то есть главным или даже единственным поставщиком какой-то продукции.

— Но если все к этому стремятся, значит, это нормально. Тогда за что же нас-то наказали, забрав половину горючего из призового бака?!

— Погоди-погоди, ты начала за здравие, а кончила за упокой! Верно, что все производители стремятся стать монополистами, но совсем не верно, что это нормально и отвечает законам страны Экономика.

— Не понимаю — ведь это же очень разумно. Ты один делаешь какую-то продукцию, значит, ты можешь не волноваться, что ее у тебя не купят, и угроза разорения над тобой не висит. А остальные могут делать другую продукцию и не тратить силы и деньги на конкуренцию с тобой. И вообще это здорово!

— Да почему же? — удивился я.

— А потому, что если каждый товар будет делать только одна фирма, легче будет управлять всей страной Экономикой, да и кризисы перепроизводства не будут возникать, и жизнь здесь будет очень спокойная и хорошая.

— Нет, конечно, какая-то логика в твоих рассуждениях есть, и надо сказать, что такая идея приходила в голову людям до тебя. Вот когда мы приедем в город Деловых Людей и посетим его район под названием «ХОЗРАСЧЕТОВО», ты там увидишь свою идею, воплощенную на прак-

М О Н О П О Л И С Т — это тот, кто сумел захватить большую часть рынка, где продаются его товары. Быть монополистом выгодно, но для остальных людей монополисты вредны, и их монополию надо ограничивать.

НЕ ЗАБЫТЬ!

тике. Там, действительно, каждый товар изготавливает чаще всего один завод. Было время, когда это казалось очень разумным: и рабочие тут собирались самые квалифицированные, и оборудование использовалось наиболее полно, и проблемы со сбытом продукции не было. Да и в другом районе этого города — «БИЗНЕС-СИТИ» — тоже поначалу решили, что это верное лекарство от кризисов...

— А разве не так?

— Представь себе, все оказалось не так просто. Конечно, конкуренция — штука неприятная и даже опасная, но есть у нее одна полезная черта, которой нет у монополии. Если ты живешь в условиях конкуренции, тебе надо постоянно напрягать свои мозги, надо каждый день искать способы получше организовать дело и поменьше потратить денег на производство своих товаров. И это — в конечном-то итоге — двигает вперед всю страну, способствует техническому прогрессу и повышению качества товаров. А коль ты монополист — жизнь твоя становится спокойной, как вода в болоте: все равно ведь кроме как у тебя такой товар купить негде. И ты можешь не думать ни о повышении качества, ни о снижении затрат — коль продукция нужна, покупатели возьмут ее по любой цене, да и на недостатки в качестве глаза закроют.

И тогда...

— Вода в болоте покрывается ряской...— подхватила Оля, точно уловив тон моего рассказа.

— Вот именно, — не дал я себя сбить, — вода тухнет и покрывается ряской. А в экономических делах застой смерти подобен — дела при нем идут все хуже и хуже, а люди живут все беднее и беднее. А потом эта страна начинает проигрывать на зарубежных рынках, потому что конкуренция всегда идет не только внутри одной страны, но и между различными странами и народами...

— Ты меня совсем запутал — и конкуренция плохо, и монополия — не лучше! Что же выбрать?

— А разве я тебе говорил, что в стране Экономика все просто и понятно?! Тут такие загадки попадаются, что над ними ломать голову приходится многим поколениям людей. Во всяком случае сегодня большинство считает, что монополия — зло даже большее, чем конкуренция, и потому многие страны даже приняли специальные законы, которые ограничивают возможности для слишком большой монополизации рынка.

— Но почему же тогда судья нас сначала поздравил с победой в автогонках?

— Так он же нас поздравил, а не всех. А с твоей точки зрения, конечно же, стать монополистом хорошо — вот он нас вежливо и поприветствовал, но тут же и наказал...

— Ну и коварная же эта страна Экономика — на каждом шагу жди подвоха!

Под эти разговоры мы вернулись к нашему автодому, где нас уже поджидал автозаправщик, бесплатно заправивший нас тем количеством бензина, которое осталось

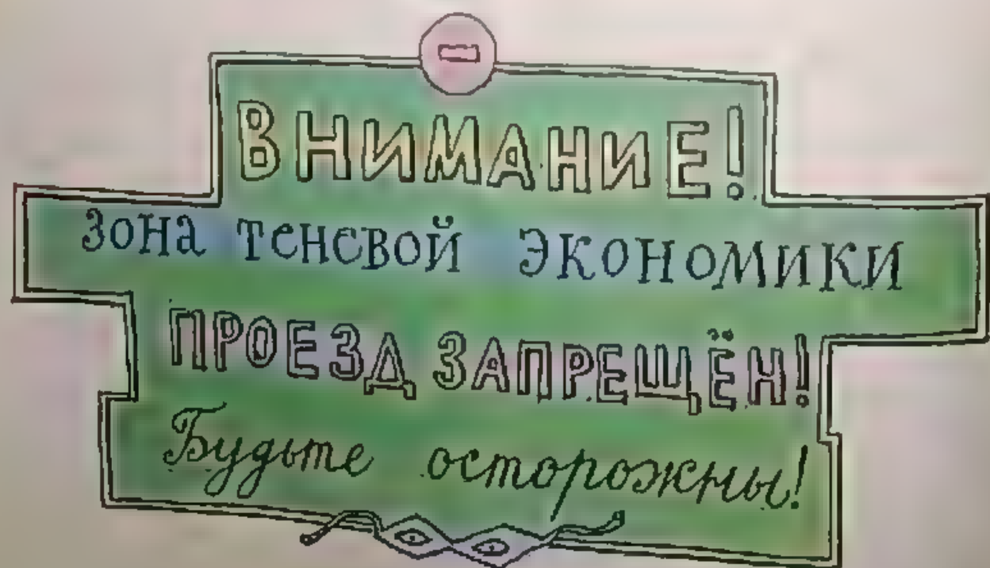
Вот уж никогда не думала, что придётся участвовать в АВТОГОНКАХ!
Девчонки умрут от зависти, когда я им об этом расскажу.
Вот только когда я их снова увижу?
Лучше об этом не думать, а то что-то в носу щиплет.
Ладно, должны же быть отсюда какие-то пути назад в наш мир.
И мы их обязательно найдем!

после уплаты штрафа за монополизм. Поблагодарив шофера бензовоза, мы покинули стоянку и, миновав контрольно-пропускной пункт, снова выкатили на шоссе, убегавшее в глубь страны Экономика. Придорожный указатель сообщил нам, что шоссе это ведет к городу Купцовску.

После напряжения автогонок вести автомобиль по скоростному многорядному шоссе было сплошным удовольствием, и я начал тихонько мурлыкать себе под нос какую-то песенку, как вдруг мои музыкальные упражнения были прерваны Олей.

— Смотри, папа, — она показывала вперед, — что они там вытворяют!

Действительно, порядок на автомагистрали был нарушен. Несколько машин, одна за другой, совершали левый поворот прямо через газон, отделяющий правую и левую части магистрали. Проскочив под носом у встречного транспорта, эти машины въезжали на боковую дорогу, над которой висел огромный знак «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Дорожный указатель на обочине сообщал:

Мы привыкли уже к тому, что в стране Экономика приходится строго соблюдать правила поведения, и такой

пример дорожного хулиганства прямо среди бела дня мы здесь увидели впервые.

— Ну и дела, — удивленно протянула Оля. — Где же местная автоинспекция, почему она никого не штрафует?

— Видишь ли, тут дело непростое. Въезд на эту дорогу запрещен законами юридическими, но, увы, иногда выгоден по законам экономическим. А поскольку они в этой стране главные, то автоинспекция и не вмешивается, а только предостерегает.

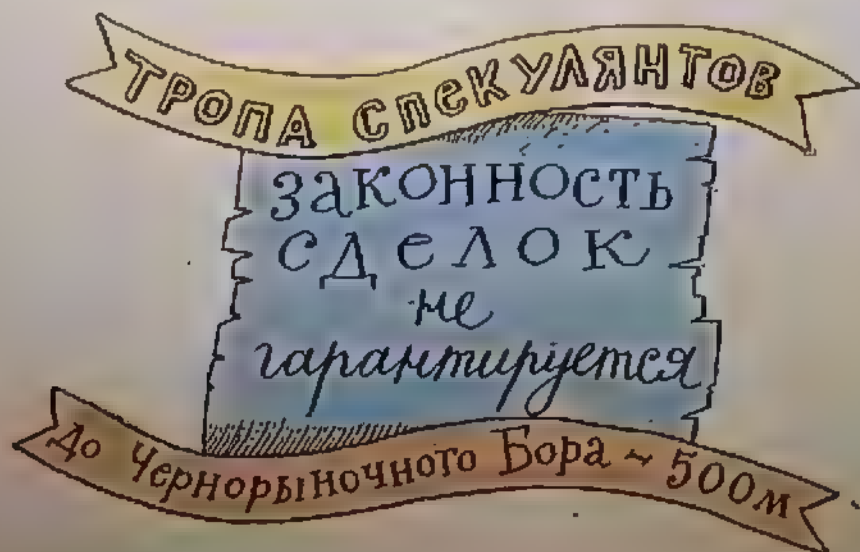
— От чего?

— Словами это не расскажешь, — усмехнулся я. —Это видеть надо. Если тебе это так интересно, можно попробовать туда свернуть.

— А это не опасно?

— Не знаю, но, как говорится, «риск — благородное дело», и больше такой возможности нам не представится. Ну что, поехали?

— Давай, — отчаянно махнула рукой Оля, и я направил нашу машину через разделительный газон, круто повернув руль влево. Сзади кто-то осуждающе просигналил, но я даже не обернулся, внимательно глядя вперед. Едва мы скатились с главного шоссе на дорогу, ведущую к зоне Теневой Экономики, как увидели на обочине указатель:

Дорога явно шла под уклон, и вскоре мы въехали в огромное ущелье, заросшее древним могучим лесом. Едва миновали его опушку, как из невидимых динамиков полилась весьма разудалая мелодия. Под ее аккомпанемент наперерез нам двинулись фигурки каких-то людей. Как только обе группы людей сошлись, перегородив шоссе, они сразу же начали выкладывать прямо на асфальт свои товары. Чего здесь только не было: женские платья, микрокалькуляторы, магнитофоны и даже такие же компьютеры, как тот, по вине которого мы перенеслись в эту страну. Мне пришлось затормозить, и торговцы сразу же окружили нашу машину, наперебой уговаривая купить их товары, которые, конечно же, были «самыми лучшими и самыми дешевыми». Над шоссе тем временем зазвучал задорный женский голос. Песню, которую пела неведомая нам певица, можно было смело назвать гимном спекулянтов:

Ну-ка, ближе подъезжай
И товары выбирай.
Хочешь сделку совершить —
Нам изволь-ка заплатить.
Пусть высокая цена,
Все же выгода видна:
Дефицит у нас найдешь,
Не жалей на радость грош!
Есть товары по дешевке:
Только закажи торговке.
Все, что видишь — первый сорт.
Если купишь — будешь горд!!!

— Папа, — поинтересовалась Оля, не рискуя выбраться из кабины и лишь с любопытством озираясь вокруг, — а почему этих людей называют спекулянтами? По-моему, это обычные торговцы, как на любом рынке...

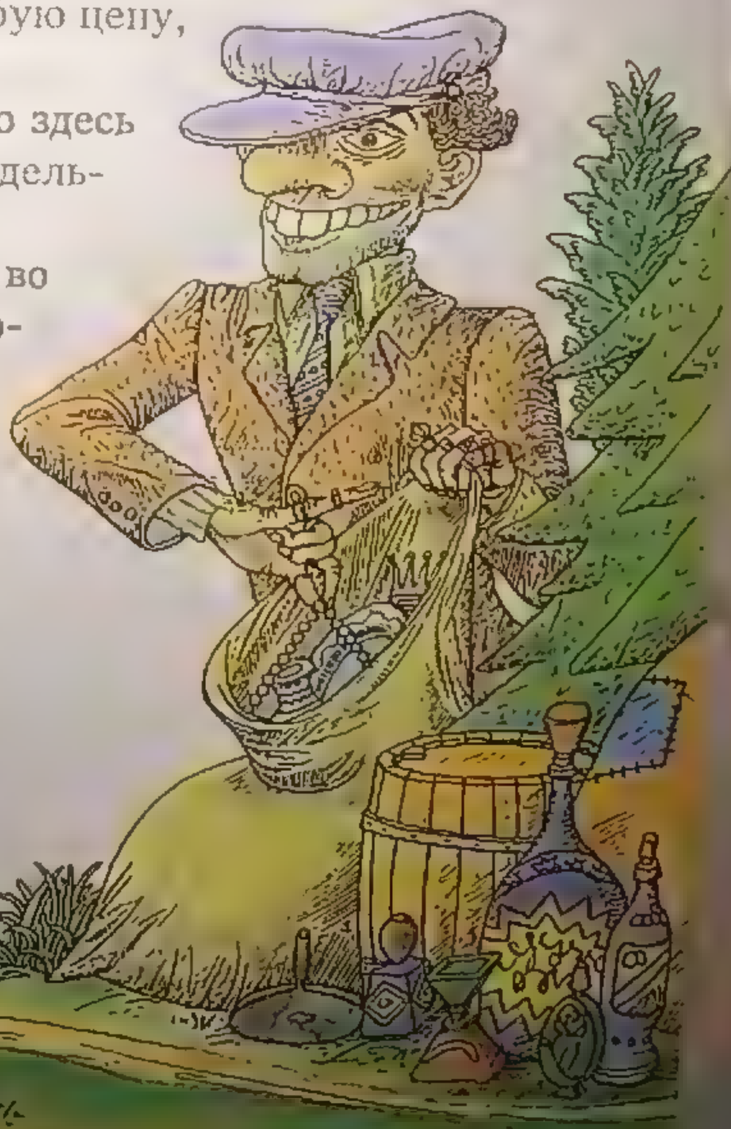
— Э, нет, — качнул я головой. — Обычные торговцы ведут свои дела в городе Купцовске. А здесь торгуют те, у кого товары либо краденые, либо поддельные, либо спрятанные ради спекулятивного взвинчивания цен. Классическое описание спекулятивной сделки есть у Джека Лондона в его знаменитой повести «Смок и Малыш». Ты ее, кажется, читала?

— Да.

— Помнишь, там есть история под названием «Яичный переполох», когда Смок и Малыш ради развлечения скупили все яйца в округе и цена из-за этого поднялась с двух до десяти долларов за штуку? Вот это и есть спекуляция — спекулянт скупает дефицитный товар, припрятывает его и только тогда, когда люди готовы заплатить любую цену, начинает его продавать.

— Пап, а ты сказал, что здесь еще могут продаваться поддельные товары. Это как?

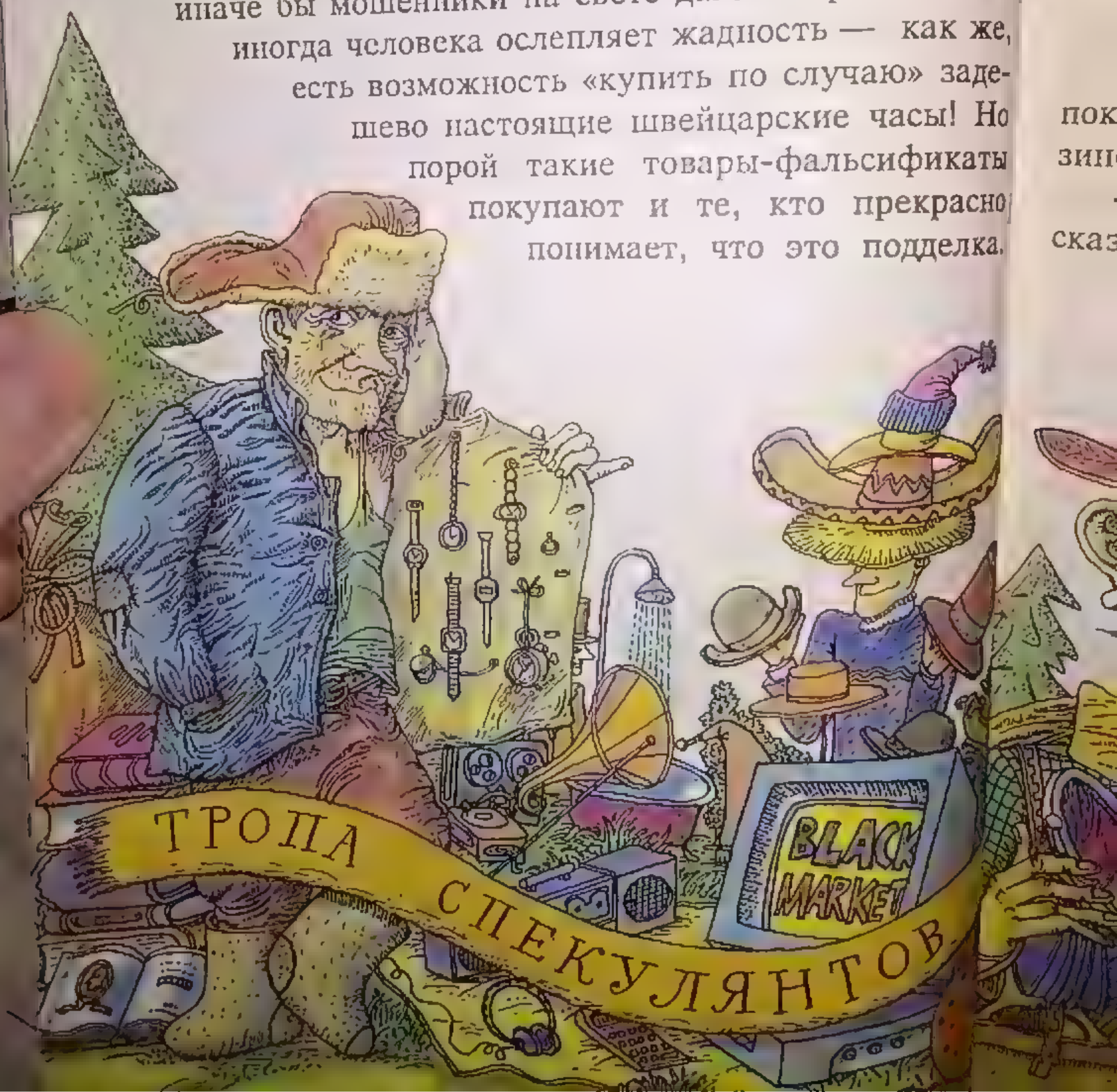
— А вот так. Например, во всем мире большим авторитетом пользуются швейцарские часы. И вот в ряде азиатских стран дельцы нелегальной или, как чаще говорят, «теневой» экономики наладили производство поддельных «швейцарских» часов. По внешнему виду они вовсе неотличимы от самых

знаменитых швейцарских марок, например «Роллекс» или «Лонжин». Но начинка, сама понимаешь, далеко не та. Вот такие часы и продаются потом по всему миру по дешевке — долларов за 20 вместо 300 долларов, которые надо выложить за настоящие часы марки «Роллекс» или «Картье».

— И кто же их покупает-то? Это же надо дураком быть, чтобы не догадаться!

— Ну, во-первых, в мире полно легковерных людей, иначе бы мошенники на свете давно перевелись. А иногда человека ослепляет жадность — как же, есть возможность «купить по случаю» задешево настоящие швейцарские часы! Но порой такие товары-фальсификаты покупают и те, кто прекрасно понимает, что это подделка.

Ими движет просто тщеславное стремление казаться богаче, чем они есть на самом деле. Ведь всем известно, что швейцарские часы очень дорогие. А если они у тебя на руке, значит, ты состоятельный человек, не так ли?

— И неужели таких людей много?

— Много,Оля,ох много! Так много, что для выпуска товаров-фальсификатов создаются целые подпольные фабрики. Приходится изготовителям подлинных товаров с помощью полиции проводить крупные операции по конфискации таких фальсификатов и их уничтожению.

— Как это — уничтожению?

— А вот так. Помнишь, по телевизору недавно показывали, как в Австралии в обувном магазине резали ножом поддельные кроссовки?

— Помню. Комментатор тогда даже сказал, что эти поддельные крос-

совки по качеству почти не уступали подлинным и было ужасно жалко, что их разрезали. Лучше бы отдали беднякам!

— Э, нет, в стране Экономика такая помощь беднякам невозможна. Крупные фирмы готовы скорее отдать часть своих доходов, чем разрешить раздачу беднякам поддельных товаров. Смириться с таким пиратством невозможно — слишком это опасная штука. Например, экономисты подсчитали, что только в Европе из-за продажи в магазинах поддельных товаров без работы сидят 100 000 человек.

— А почему? — не поняла Оля.

— Чего ж тут непонятного? Кошельки-то у покупателей не бездонные, и если они купили за 10 марок поддельный товар с маркой известной фирмы, то у них уже не будет денег, чтобы купить подлинный товар по цене, скажем, 15 марок. А раз так, что произойдет? Уменьшится спрос на товары-подлинники, и фирмам, которые их делают, придется сокра-

щать производство и увольнять ставших ненужными рабочих. Вот и получается — где-нибудь в Таиланде мастерят поддельные «швейцарские» часы, а швейцарские часовщики оказываются безработными! А компьютерное пиратство, когда новую программу покупает один человек, а потом ее у него бесплатно, «по дружбе», переписывает человек десять? Американцы как-то подсчитали, что их страна из-за этого ежегодно теряет полмиллиарда долларов! Так что «теневая экономика» — серьезный враг экономики законной.

— Ну ладно, ты меня уже убедил, но у меня вопрос есть. Вот ты все время говоришь «теневая экономика, теневая экономика». А что это такое — это вот и есть те спекулянты, которые нам проезда не дают?

— Ну что ты! Спекулянты — это только, если хочешь, послы «теневой экономики», а главные ее дельцы и командиры просто так на глаза не показываются.

— Да? — разочарованно протянула Оля. — Значит, мы их так и не увидим? Зачем же мы тогда сюда сворачивали?

— Возможно, что нам удастся заметить плоды главной деятельности этих «гномов» страны Экономика. Но для этого нам надо, думаю, двинуться дальше...

Однако это оказалось непросто. Хотя я отчаянно сигналил, спекулянты не желали уступать нам дорогу, требуя, чтобы мы обязательно сделали хоть какую-нибудь покупку. Я уже собрался запустить двигатель, как Оля вдруг решила действовать самостоятельно. Она опустила стекло в своей дверце и, прежде чем я успел глазом моргнуть, уже отсчитала какой-то спекулянтке деньги за яркую сумочку с этикеткой знаменитой итальянской фирмы «Гуччи». Спекулянты загалдели и расступились.

Вдруг кто-то из них истошно завопил «Облава!», показывая пальцем почему-то в небо. Мы взглянули вверх и обомлели. Увлеченные перспективой сбыть нам свои

товары, спекулянты не услышали, как к ним подобрались полицейские вертолеты, и теперь сверху, как семена одуванчика, один за другим сыпались полицейские-парашютисты. Началась страшная паника, побросав свои товары, спекулянты со всех ног бросились в лес. Но уйти удалось не всем, и вскоре целая цепочка арестованных выстроилась у люка приземлившегося полицейского вертолета. Полицейский офицер неторопливо направился в нашу сторону. Чувствуя, чем дело пахнет, я полез в карман за документами.

Разговор наш был недолгим. Офицер заявил, что мы приобрели поддельный товар и тем самым нарушили правила поведения в стране Экономика. Этот поступок не является уголовно наказуемым, и поэтому мы не будем арестованы. Но штраф он на нас наложит. После чего он решительно залез в кабину нашего автомобиля, вставил в прорезь бортового компьютера какую-то дискету и начал колдовать над клавишами пульта управления. Компьютер затикал и затих. Полицейский вынул дискету, козырнул и, не сказав больше ни слова, удалился к вертолету. Еще минута — и вертолеты взмыли в небо. Стало тихо. Шоссе было пустынно. Можно было ехать дальше.

Увы, оказалось, что сделать это мы не можем. Компьютер заблокировал двигатель, и я не мог его запустить. На экране же компьютера появилась надпись:

ШТРАФНАЯ ЗАДАЧА

НЕКТО ПРОДАВАЛ КОНЯ И ПРОСИЛ ЗА НЕГО 1 000 РУБЛЕЙ.
КУПЕЦ СКАЗАЛ, ЧТО ЗА КОНЯ ЗАПРОШЕНА
СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ ЦЕНА.
«ХОРОШО, — ОТВЕТИЛ ПРОДАВЕЦ, — ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ,
ЧТО КОНЬ ДОРОГО СТОИТ, ТО ВОЗЬМИ ЕГО СЕБЕ
ДАРОМ, А ЗАПЛАТИ ТОЛЬКО ЗА ОДНИ ГВОЗДИ В ЕГО
ПОДКОВАХ,

А ГВОЗДЕЙ ВО ВСЯКОЙ ПОДКОВЕ ПО 6 ШТУК. И БУДЕШЬ ТЫ МНЕ ПЛАТИТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ: ЗА ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ — 1/4 КОПЕЙКИ, ЗА ВТОРОЙ ГВОЗДЬ — 1/2 КОПЕЙКИ, ЗА ТРЕТИЙ — КОПЕЙКУ, И ТАК ДАЛЕЕ ЗА ВСЕ ГВОЗДИ: ЗА КАЖДЫЙ В 2 РАЗА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗА ПРЕДЫДУЩИЙ». КУПЕЦ ЖЕ, ДУМАЯ, ЧТО ЗАПЛАТИТ НАМНОГО МЕНЬШЕ, ЧЕМ 1 000 РУБЛЕЙ, СОГЛАСИЛСЯ.

ПРОТОРГОВАЛСЯ ЛИ КУПЕЦ, И ЕСЛИ ДА, ТО НА СКОЛЬКО? НАБЕРИТЕ ЗАПЛАЧЕННУЮ ИМ СУММУ ДЕНЕГ И НАЖМИТЕ «ВВОД»

— Ну, — с облегчением выдохнула Оля, — разве это наказание! Сейчас я быстренько все подсчитаю...

Увы, уже на 16-м гвозде она начала пыхтеть — лошадь дорожала так быстро, что без калькулятора обойтись оказалось невозможно. Пришлось мне попросить компьютер вызвать на экран окошечко с изображением микрокалькулятора — без его помощи мы бы не сумели подсчитать нужную цифру и до заката солнца, а ночевать в этом лесу нам чего-то не хотелось.

Закончив, наконец, свои утомительные расчеты и определив, что купец в итоге заплатил... (это уж вы сами подсчитайте, а ответ — для проверки точности ваших вычислений — можете потом посмотреть в конце книги), Оля тихонько присвистнула:

— Бедный купец! Угораздило же его...

— А что ж его жалеть, — усмехнулся я. — Его сгубила собственная жадность. А это качество не только в сказках, но и в стране Экономика приносит больше вреда, чем пользы... Вспомни-ка слова из пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде» :

А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за д[illegible]евизной».

— Сказка ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок, — ответно улыбнулась Оля.

— Вот-вот, и я про то же. Ладно, давай-ка двигаться дальше, пока снова спекулянты дорогу не перекрыли...

Оля ввела в память компьютера наш ответ на штрафную задачу, и мотор автомобиля сразу басовито заурчал. Мы тронулись в путь.

Вспоминая эту дорогу, я могу с уверенностью сказать, что менее приятного леса я еще в своей жизни не видал. Чем дальше мы ехали, тем плотнее смыкались над нами кроны громадных деревьев и тем реже попадались навстречу случайные спекулянты. Лишь изредка из-за деревьев выходили какие-то подозрительные личности, судя по всему — продавцы наркотиков.

Когда же в одном месте деревья вдруг расступились и за ними мелькнула симпатичная полянка, я решил остановиться. Не тут-то было. Из-за крайних деревьев сразу появились два угрюмого вида парня и, держа руки в карманах плащей (где, похоже, у них были пистолеты), левой рукой дали нам знак проезжать не задерживаясь...

Неожиданно для себя мы обнаружили, что некоторые из придорожных деревьев были фальшивыми, маскируя то, что не полагалось видеть случайным проезжим вроде нас с Олей. Первый раз мы увидели, как эти фальшивые деревья сдвигаются в сторону, открывая потайную дорогу, по которой промчался спортивный автомобиль с желто-зеленой военной маскировочной окраской.

Второе открытие потайных «дверей» Чернорыночного бора чуть не закончилось для нас аварией. Я едва успел затормозить, когда прямо перед носом нашего автодома на шоссе из леса, с потайной дороги, вылетел роскошный открытый лимузин с весело хохочущей компанией пьяных людей. Деревья-двери сразу сомкнулись, и мы так и не успели понять, откуда эти гуляки здесь взялись.

— Что же там делается за этими деревьями, а пап? — повернулась ко мне Оля. — Чем занимается теневая экономика?

— Прежде всего, малыш, она занимается людскими слабостями...

— Как это?

— Очень просто. Одна из главных сил теневой экономики — мафия, которая зарабатывает огромные деньги, потакая человеческим слабостям и порокам. Алкоголь, наркотики, азартные игры, сомнительные развлечения— все это источники наживы для дельцов теневой экономики. Например, американская мафия расцвела в тот период, когда в США ввели «сухой закон», то есть запретили продажу алкогольных напитков. Бандиты сразу же создали сеть подпольных фабрик по изготовлению виски, открыли тайные рестораны, наладили контрабандный ввоз вина из других стран... И заработали на этом десятки миллионов долларов, которые сразу пустили «в дело»: давая взятки судьям и полицейским, создавая тайные игорные притоны, подкупая судей и игроков, чтобы обманывать болельщиков и загребать в свои руки выигрыши в спортивных лотереях типа «Спортпрогноза». Сегодня мафия зарабатывает миллиарды на наркотиках — первые дозы дают бесплатно, а потом обирают попавшихся на крючок наркоманов как липку.

— Значит, «теневая экономика» — это самые главные мафиози?

— Верно, но не только это. Вообще-то мы, экономисты, относим к теневой экономике всех, кто зарабатывает деньги незаконно, то есть не зарегистрировавшись в госу-

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА – это когда делаются дела, но при этом нарушаются законы и не платятся налоги государству.

НЕ ЗАБЫТЬ!

дарственных организациях, а главное — не отдает государству часть своих доходов в виде специальных платежей. Они называются налогами, и во всем мире это главный источник доходов государства. А «теневики» из жадности не хотят платить налоги, не соблюдают правила честной экономической «игры», часто связаны с мафией. Поэтому все страны мира активно борются с ними и, поймав их на нарушениях закона или неуплате налогов, сажают в тюрьму.

— За что же в тюрьму-то сразу?! Ну подумаешь, не заплатили они государству какие-то налоги, тоже еще преступление! Не убили же никого, не ограбили, не подожгли. Оштрафовать и все. Но сажать в тюрьму — это уж чересчур!

— Ну, это как сказать. Пойми, если кто-то уклоняется от налогов, то государство лишается возможности, например, помогать бедным, больным, содержать школы и университеты, охранять границы... Получается, что, скрывая свои доходы от обложения налогом, дельцы теневой экономики обворовывают самых бедных и обделенных судьбой членов общества. Там, где есть теневая экономика, там пышным цветом расцветают взятки, а это страшнее чумы...

— Как долго тянется этот Чернорыночный бор! — зябко передернула плечами моя спутница. — Неужели «теневиков» так много?

— Много, очень много. Сегодня во всех странах мира теневой сектор экономики стал серьезной проблемой. Его доходы измеряются десятками миллиардов долларов или рублей. Один мерзостный наркобизнес — изготовление наркотиков и их сбыт — чего стоит! Вот в Боливии правительство решило ликвидировать наркомафию, так там началась настоящая гражданская война...

— Но ведь за это очень строго наказывают — я где-то читала, что в Малайзии за 50 граммов героина сажают в

тюрьму на 15 лет! И неужели же люди не боятся этим заниматься?

— Боятся, конечно, боятся — всякого страшат долгие годы гнусной тюремной жизни. И тем не менее жажда наживы, увы, оказывается для многих людей даже сильнее страха, сильнее инстинкта самосохранения. Вот тебе пример: в истории Польши самый сильный расцвет черного рынка произошел в годы гитлеровской оккупации, даже несмотря на то, что за это в те времена полагался расстрел на месте. Как видишь, жадность человеческая мощнее даже страха смерти!

— Значит, с теневой экономикой и черным рынком справиться невозможно?

— Этого я не говорил. Очень трудно, но можно. Надо только очень умело организовать экономическую жизнь. Сделать так, чтобы выгоднее стало зарабатывать деньги легально, не нарушая законов, а не пускаться в сомнительные авантюры, рискуя конфискацией имущества и свободой.

Жадность сильнее страха за свою жизнь...
Думать об этом ПРОТИВНО,
а не думать не получается.
Как странно устроен человек!
И неужели он никогда не станет другим?
Воровать, обманывать, ловчить —
и так всю жизнь?!
КАКАЯ СКУЧНАЯ СУДЬБА...

Моя спутница замолчала и, откинувшись на спинку кресла, продолжала всматриваться в мелькавшие мимо пейзажи Чернорыночного бора.

Наконец шоссе вырвалось из объятий этого мрачного леса и начало сворачивать вправо. Еще несколько минут — и мы вновь оказались на главной дороге к городу Купцовску.

Еще через полчаса из-за горизонта показались контуры каких-то зданий, и вскоре Купцовск открылся перед нами во всей красе.

Это был очень странный город. Обычно люди стараются строиться на ровном месте, чтобы удобнее было жить. А город Купцовск весь был возведен на холмах. В центре теснились холмы повыше, а вокруг них группировались холмы пониже. Строгий порядок в расположении этих возвышенностей сразу же наводил на мысль о том, что это дело рук человеческих. Подъехав поближе, мы остановили машину, чтобы спокойно осмотреться.

Больше всего это напоминало картину муравейника, правда, механизированного. По всем улицам у подножья холмов сновали грузовички с товарами. Добравшись до нужного холма, грузовичок замирал, и к нему сразу поворачивалась стрела грузового крана, чтобы снять груз и переставить его на ленту конвейера, тянущуюся к вершине холма. Все небо же над Купцовском было затянуто паутиной фуникулерных линий, связывавших высокие холмы с маленькими.

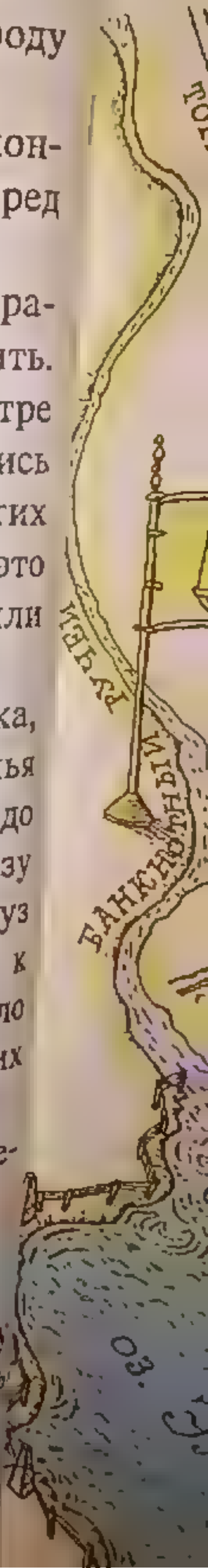
— А что в этих кабинках, а пап? — сразу же заинтересовалась Оля.

— А ты сама посмотри.

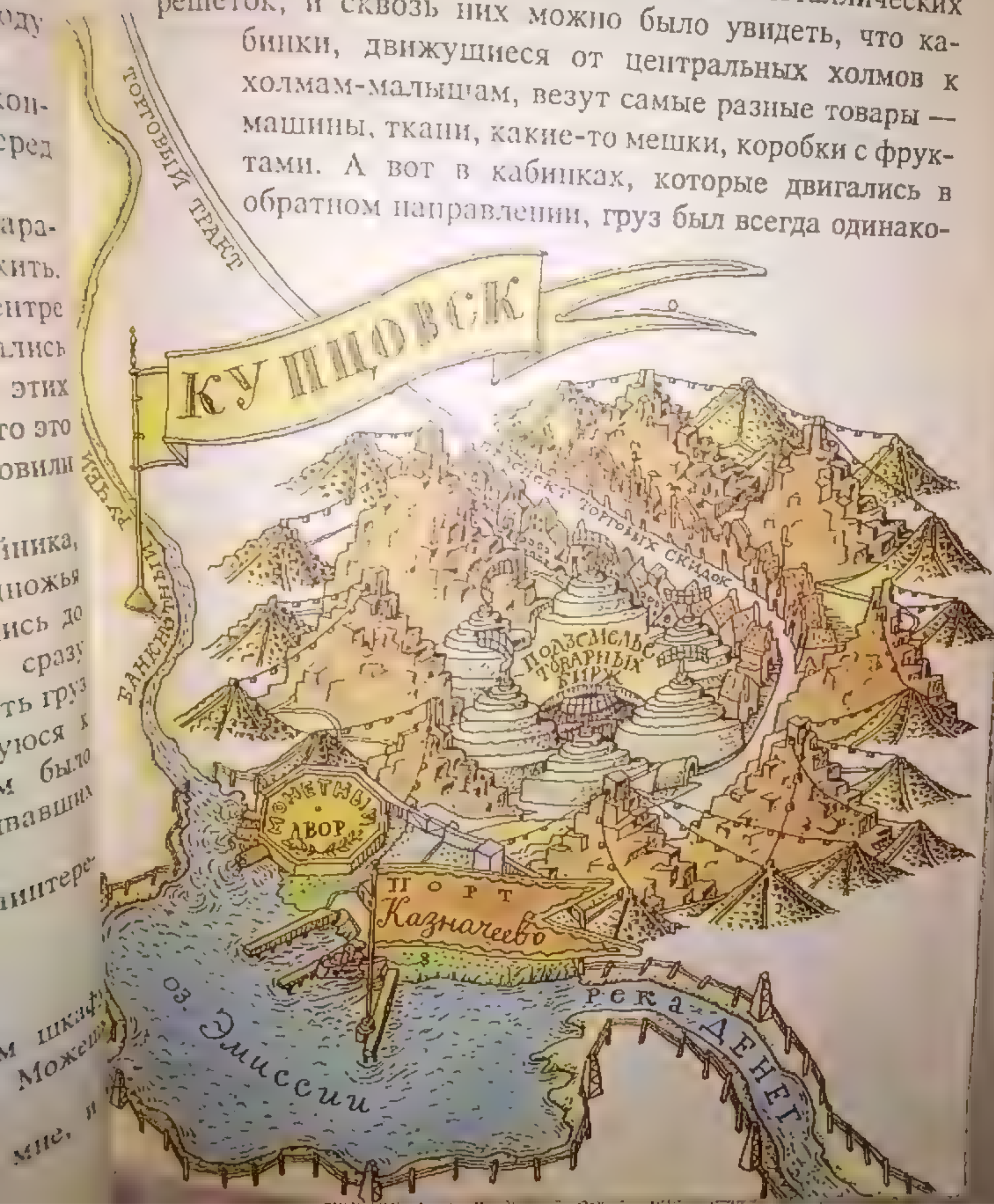
— Как?

— Очень просто. Я обнаружил в платяном шкафу нашего автодома настоящий морской бинокль. Можешь его достать.

Минут через пять Оля передала бинокль мне, и я

приложил его к глазам. Мощная оптика приблизила кабинки фуникулеров так, что казалось — они плывут прямо перед нами: протяни руку и дотронешься. Оказалось, что стены кабинок сварены из металлических решеток, и сквозь них можно было увидеть, что кабинки, движущиеся от центральных холмов к холмам-малышам, везут самые разные товары — машины, ткани, какие-то мешки, коробки с фруктами. А вот в кабинках, которые двигались в обратном направлении, груз был всегда одинако-

вым. Эти кабинки везли...деньги, порой несколько пачек, а иногда — целые мешки, а охраняли деньги инкассаторы с автоматами на груди.

— Ну, тут все ясно, — голос Оли оторвал меня от созерцания плавно плывущих в небе фуникулеров.

— Да? И что же тебе понятно? — скептически усмехнулся я, опуская бинокль.

— Ну, понятно, что на центральных холмах стоят магазины, из которых товары развозят покупателям, живущим на маленьких холмах. А от них обратно везут плату за эти товары. Так тут все и крутится, как колесо: туда-сюда, туда-сюда...

— Это ты точно подметила насчет колеса. Торговая жизнь, действительно, крутится, как колесо: купить товар у изготовителя, продать его покупателю, на вырученные деньги снова купить товары, чтобы снова их продать, и снова, и снова...Это даже принято называть таким «круглым» словом — товарооборот. Товар — деньги, деньги — товар — пока это колесо крутится, пока ни деньги, ни товары не залеживаются без толку у их владельцев, дела в стране Экономика идут нормально, а люди живут все лучше и лучше. Но если в ось этого колеса попадают камушки из-за неумелых действий механиков — управленцев или само колесо наталкивается на камень кризиса ...же са... производства, трясти начинает всех ...олько ...ссажиров экипажа «Страна Экономика»...Кстати, — перебил я сам ...ое ее не ...ы в себя, — в одном ты все же ошиблась.

— В чем? — искренне удивилась Оля.

— В том, что решила, будто на маленьких холмах

ТОВАРООБОРОТ — так называется то, ...ем занимаются купцы. Они покупают товар на фабриках и продают его, чтобы потом часть вырученных денег взять себе КАК ЗАРАБОТОК, а остальные - снова ВЛОЖИТЬ В ДЕЛО для приобретения товаров.

Не забыть!

живут покупатели. Вовсе нет — там стоят магазины розничных продавцов, тогда как высокие холмы — место обитания продавцов оптовых ...

— Каких-каких? — не поняла моя спутница.

— Оптовых, — терпеливо повторил я.— Видишь ли, в городе Купцовске давно поняли, что далеко не все товары выгодно везти прямо в магазин. Это хорошо только, если ты продаешь скоропортящийся товар, например рыбу или фрукты. В других же случаях удобнее воспользоваться услугами оптовых торговцев, которые покупают товар у изготовителя большими партиями — оптом и уж потом перепродают его владельцам тех магазинов, где он будет поджидать конечных покупателей.

— А зачем вообще устраивать все так сложно? Не проще разве везти товары с фабрик прямо в магазины, где их купят люди?

— В стране Экономика «проще» далеко не всегда означает «лучше». Вот представь себе такую ситуацию: ты владелица крупной текстильной фабрики, и на твоей фабрике начали выпускать ткань с новым модным рисунком. Тебе выгодно сразу изготовить как можно большую партию этой ткани, чтобы не перелаживать лишний раз оборудование, теряя драгоценное рабочее время, а значит — и доходы. Но как сбыть такую большую партию ткани? Ни один владелец да[illegible] крупного магазина у тебя ст[illegible] возьмет — он знает, что быстро в[illegible] распродаст, а занимать склад [illegible] магазине ему невыгодно. Лучше он туда положит запасы других товаров, чтобы у него выбор был пошире и покупатели к нему заха-

ОПТОВЫЕ ПРОДАВЦЫ — это торговцы, которые покупают товары помногу и держат их на складах, чтобы удобнее было работать РОЗНИЧНЫМ ПРОДАВЦАМ, тем, кто торгует в магазинах.

Не забыть!

живали поохотнее. Короче говоря, твои экономические интересы и экономические интересы владельцев розничных магазинов будут различными.

— А договориться никак нельзя? Например, ткань они у меня купят, а хранить я ее буду у себя на фабрике, на собственном складе?

— Хороший вопрос, вполне экономически грамотный. Но ведь, подумай, это и тебе невыгодно — надо строить при фабрике огромные склады, платить зарплату сторожам, заботиться, чтобы ткань при хранении не попортилась. Зачем тебе такие хлопоты?

— Что ж делать — не могут же быть и волки сыты, и овцы целы. Кто-то должен уступить, — рассудительно заключила Оля.

— Вовсе не так! Есть у этой задачки вполне разумное решение — оптовая торговля, которая становится посредником между изготовителем и продавцом. Оптовый торговец скупает всю большую партию ткани сразу, оптом и везет на свои склады. А уже оттуда он понемножку, в соответствии с регулярными заказами, развозит эту ткань по розничным магазинам. При этом он обслуживает сразу много магазинов, потому ткань и у него не залеживается. Удобно всем. И изготовителю — он сбыл ткань с рук, получил свои доходы и может больше ни о чем не думать, и розничным торговцам — на складе у них хранится минимум товаров и выбор в магазине обеспечен —оптовый торговец позаботится о широком ассортименте тех же тканей, заключив договоры со многими фабриками. Да и оптовый торговец не грустит —он нашел способ заработать себе на жизнь, и способ весьма неплохой, если только он ведет свое дело умело.

Похоже, что этот ответ удовлетворил Олю, и она замолчала. За этими разговорами мы миновали окраины Купцовска и выехали, судя по всему, на центральную улицу города —проспект Торговых Скидок. Стоявшие

вдоль этого проспекта дома были самой разной высоты, да и архитектура их была весьма пестрой. Но у всех зданий были две общие черты. Во-первых, каждое из них имело на крыше большой флюгер — символ товара (автомобиль или корову, станок или ботинок). Такие кованные эмблемы мы с Олей уже видали однажды, когда бродили по улочкам старого Таллинна, — они означали профессию владельца какой-либо мастерской или информировали покупателя о том, какие товары продаются в данном магазинчике.

Более удивительной была вторая примета этих домов. В центр каждого из них был встроен толстый стеклянный стержень, начинавшийся где-то под землей и доходивший до самой крыши. Стержни были заполнены разноцветными жидкостями, и на них были нанесены метки, как на термометре. Собственно говоря, в первый момент мы с Олей и подумали, что это гигантские термометры. Но тут же заметили, что «температуру» все эти стержни показывают совершенно разную — в одних стержнях жидкость подступала почти к самой крыше, в других — не доходила до верха на 2 — 3 этажа, в третьих — едва достигала половины высоты здания.

— Папа, если это термометры, то что они показывают?

— Насколько я понимаю, эти «термометры» показывают уровень торговых скидок при продаже тех товаров, которые изображены на флюгерах. Понятно?

— Не-а, — покачала головой моя спутница. — А что такое «скидка»?

— Ну, это главное слово в Купцовске! Ради него тут все и крутятся, потому что торговая скидка — источник доходов всех, кто занимается торговлей в любой стране мира. Смысл ее очень прост —изготовитель товара продает его купцам по цене ниже, чем заплатит потом покупатель. Эта разница в цене для торговли и для покупателя и называется скидкой. За ее счет торговцы покрывают свои собственные расходы по содержанию

ма
ски

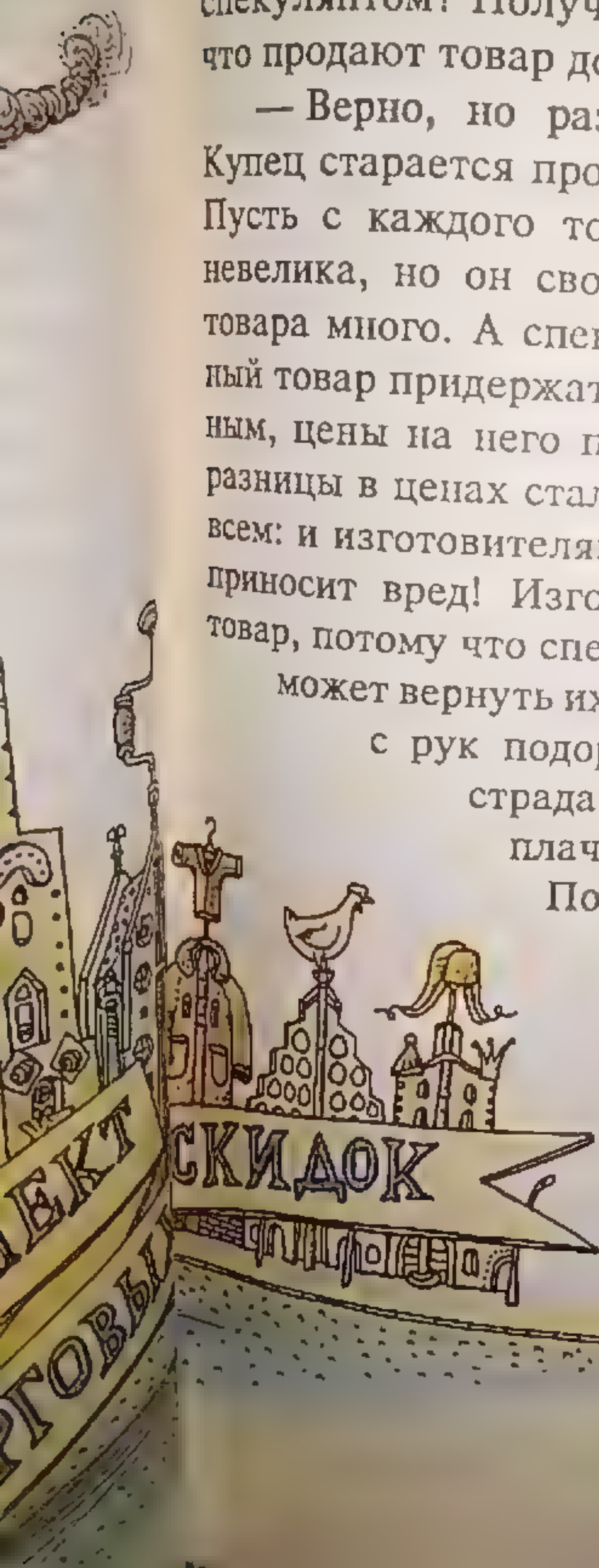
Ол
пер
спе
что

Куп
Пуст
неве
товар
ный
пым,
разни
всем:
прино
товар,
м

магазинов, рекламе, оплате труда продавцов, а остаток от скидки становится их доходом...

— А у меня тогда вопрос есть! — перебила меня Оля. — Ты меня совсем запутал, и я теперь окончательно перестала понимать — какая же разница между купцом и спекулянтом? Получается, что оба богатеют за счет того, что продают товар дороже, чем купили?!

— Верно, но разница между ними очень большая. Купец старается продать товаров побольше и побыстрее. Пусть с каждого товара скидка в его пользу будет и невелика, но он свое возьмет за счет того, что продал товара много. А спекулянт, наоборот, старается купленный товар придержать на складе, чтобы он стал дефицитным, цены на него поднялись и спекулянтский навар от разницы в ценах стал побольше. Потому от купца польза всем: и изготовителям, и покупателям. А спекулянт всем приносит вред! Изготовители не могут продавать свой товар, потому что спекулянт уже вложил свои деньги и не может вернуть их до тех пор, пока не сбудет, наконец, с рук подорожавший товар. Ну а покупатели страдают тем более — им приходится переплачивать за нужную вещь вдвое-втрое. Понятно?

— Более-менее, — уклончиво покачала головой моя собеседница.

— Тогда ответь мне на такой вопрос: а с какой такой стати вообще владельцу фабрики приходит в голову продавать купцам свой товар задешево?

— Почему задешево? — удивился я. —Размер торговой скидки по

многим товарам очень велик. Посмотри, в большинстве зданий уровень жидкости — а он означает уровень цены, по которой изготовитель продает товар купцу, — лишь немного ниже верхней отметки, показывающей величину цены, по которой товар в конце концов достается покупателю. Обычно скидка составляет не больше одной десятой от цены. Но это в среднем, а уж сколько скидка составляет по каждому договору — это тайна!

— Тайна? — удивилась Оля. — Что ж тут секретного?

— Как это что! Каждый продавец борется здесь за покупателя, уговаривает его купить товаров побольше. И в качестве приманки использует именно скидку с цены, соблазняя возможностью купить подешевле. Например, здесь дают скидку тем больше, чем большее количество товара ты покупаешь за раз. При этом за каждую штуку изготовитель получает все меньше и меньше, но зато общий размер его дохода становится все больше и больше. В Купцовске известно множество разных видов скидок, и умение ими пользоваться — основа успеха любого торговца.

— Послушай, пап, а зачем владельцу фабрики вообще пользоваться помощью торговцев, если за это приходится отдавать часть цены? Разве не проще и выгоднее было бы самому продавать товары?

— Ни в коем случае, — решительно качнул я головой. — Давай опять представим, что ты владелица текстильной фабрики и сама решишь продавать свои ткани в розницу. Тебе нужно будет выложить деньги на постройку магазинов, нанять продавцов, организовать р

ТОРГОВАЯ СКИДКА — это часть цены, которая остаётся у торговца после того, как он покроет все свои расходы на покупку товаров на фабрике, где их сделали, или на складе оптового продавца.

НЕ ЗАБЫТЬ!

кламу, платить за освещение магазина и нести еще массу других расходов. Конечно, ты возместишь эти расходы, если твои ткани будут пользоваться спросом и ты сможешь продать их по цене, покрывающей все твои затраты. Но зато сколько у тебя прибавится проблем, сколько дополнительно людей придется нанимать! Куда проще и, как показала вся история человечества, выгоднее разделить обязанности, чтобы каждый занимался своим делом. А за освобождение от забот не грех и заплатить. Не так ли?

— Может быть, — задумчиво сказала Оля, видимо, пытаясь представить себя в роли владелицы фабрики.

Тем временем проспект Торговых Скидок вдруг резко повернул направо, и перед нами выросло удивительное сооружение. В этом месте холмы одинаковой высоты сошлись аккуратным кольцом. На каждом из них стояли непрерывно вращающиеся радары. У основания ближайшего из холмов зияло устье огромного туннеля, в который въезжали и выезжали грузовые машины.

— Что это, папа? — сразу заинтересовалась Оля.

— Понятия не имею, — честно признался я, не в силах сообразить, зачем в городе Купцовске — самом мирном городе в мире — такой военный атрибут, как радары.

Мы переглянулись, и, подбодренный кивком Олиной головы, я направил нашу машину в туннель.

Минут пять мы мчались в потоке машин мимо монотонно-серых бетонных стен и вдруг...оказались в огромной стеклянной трубе, а глазам нашим открылось совершенно фантастическое зрелище!

Под холмами, оказывается, была гигантских размеров пещера, стены которой терялись в темноте. Все пространство подземелья было заполнено фантастической паутиной стеклянных труб, по которым в разных направлениях мчались разноцветные грузовики. Между собой трубы-шоссе были связаны огромными шарами, в которых были устроены дорожные развязки, что позволяло грузовикам

переезжать из одной трубы в другую. Эти шары-перекрестки попадались чуть ли не каждые пять километров, и, как мы вскоре поняли, сделано так было не случайно. Не успели мы еще как следует налюбоваться необычной картиной, как вдруг наша труба наполнилась нестройным гулом —это сигналили друг другу водители машин, требуя уступить дорогу к ближайшему шару-перекрестку. Дело в том, что почему-то все машины в нашей трубе вдруг решили ехать в совершенно ином направлении. Подгоняемые нетерпеливыми гудками сзади, мы тоже вынуждены были переехать в эту трубу и помчаться неведомо куда.

Через пять минут эта ситуация повторилась снова, а дальше мы уже сбились со счета, так часто приходилось менять нам свой маршрут. Вскоре мы поняли, что окончательно заблудились и не знаем, как выбраться из этого странного подземелья. После часа бесплодного плутанья по загадочному подземному лабиринту я, наконец, стал догадываться, куда мы попали. Оставалось только сообразить — как отсюда выбраться? Но сосредоточиться на этом вопросе я просто не мог —слишком большого напряжения требовала езда в потоке машин, все время готовых изменить свой маршрут. Поэтому, когда в одном из шаров я заметил маленькую площадку с надписью «Автосервис», не замедлил туда свернуть.

Пока нашу машину заправляли бензином, я откинулся на спинку сиденья и попросил Олю помассировать мне плечи.

— Где мы находимся, папа? — спросила она, наконец, усиленно разминая мне шею.

— Насколько я понимаю, это подземелье Товарных Бирж. Я о нем слыхал,но самому видеть его никогда не доводилось — на биржу обычно посторонних не пускают, здесь могут торговать лишь те, кто сдал специальные экзамены и допущен биржевым комитетом...

— А разве здесь тоже идет торговля? — удивилась Оля, прервав на мгновение свою работу массажиста.

— Конечно, еще какая! Даром что ли в этих трубах носится столько грузовиков. Товарные Биржи — это всемирный рынок, на котором продают простые товары, но зато — в огромных количествах. Здесь торгуют зерном, шерстью, хлопком, сахаром, нефтью — всем тем, что нужно всем странам мира и всегда.

— Подожди, но ведь если здесь идет торговля, то товары-то должны доставаться тому, кто их купил! А мы с тобой — и другие грузовики тоже — никак никуда не доедем, а только мечемся то туда, то сюда без всякого смысла.

— Э, нет, — улыбнулся я, — смысл в этом есть — и немалый. Вспомни о тех холмах наверху, которые стоят над этим подземельем.

— Это те, которые с радарами?

— Они самые. Я сразу-то не догадался, для чего они служат, а теперь сообразил. Дело в том, что эти радары самым непосредственным образом влияют на то, что происходит на подземных шоссе...

— Как это? Тут что, грузовики с радио, что ли?

— Похоже на то. Видишь ли, мир так огромен,что одним и тем же товаром торгуют на биржах, расположенных в разных странах. Например, зерном торгуют биржевики Нью-Йорка, Лондона, Амстердама и Антверпена. Хлопок миллионами тонн продают на биржах Ливерпуля, Гавра, Бремена и Нью-Йорка, а сахар — в Лондоне и Париже. И на каждой бирже в одно и то же время суток цены могут быть немножко

ТОВАРНАЯ БИРЖА — это рынок, где торгуют простыми товарами, но в ОГРОМНЫХ КОЛИЧЕСТВАХ.

Не забыть!

иными — чуть выше или чуть ниже. Но ведь сделки заключаются на миллионы тонн, и это «чуть-чуть», умноженное на миллионы, превращается в огромные суммы. Вот потому на биржах вечно идет игра на разнице в ценах и, подчиняясь правилам этой игры, мечутся здесь под землей грузовики с товарами...

— Игра на ценах? — удивленно протянула Оля. — Это как это?

— Очень просто. Допустим, что какая-то страна собрала в этом году плохой урожай и, чтобы спастись от голода, ей надо купить крупную партию пшеницы у других стран. Ее представители являются на биржу и начинают заключать договора о приобретении зерна. Значит, спрос на зерно на этой бирже увеличивается, и потому сразу же здесь подскакивают цены. Об этом моментально узнают во всех биржах, и со всего мира продавцы зерна через своих представителей-маклеров направляют именно на эту биржу имеющиеся у них запасы. Из-за этого резко подскакивает уже предложение зерна: оно становится больше спроса, и цены снова падают. Тогда зерно, которое не успели продать по повышенным ценам, снова отправляется в путь — туда , где в эту минуту цены самые высокие...

— Как сложно-то!

— Очень. И то я тебе рассказал лишь о самых простых сделках на биржах, а ведь здесь порой проводят такие сложные комбинации, что о некоторых из них даже книги потом пишут. Недаром профессия биржевого маклера — одна из самых сложных и высокооплачиваемых. Он ведь обычно получает часть выгоды, которую сумел обеспечить своим клиентам. И такая оплата — ее называют комиссионными — порой составляет сотни тысяч и даже миллионы долларов. Люди, которые пытаются играть на бирже на свой страх и риск, чаще всего разоряются.

— Ясно. Вот только как нам отсюда выбраться — мы же с тобой не маклеры!

— Думаю, что нам пора вызвать помощь, иначе мы с тобой можем тут болтаться еще много дней, пока сумеем выбраться на поверхность.

Для вызова маклерского патруля мне пришлось снова воспользоваться помощью бортового компьютера и долго объясняться с биржевым комитетом, как это мы смели сюда забраться. Хорошо еще, что дело обошлось без штрафа —меня только отчитали за неразумную склонность въезжать в неведомые туннели. Затем нам было приказано следовать за лоцманским автомобилем, который вывел нас на поверхность.

Дальше мы ехали по проспекту Торговых Скидок, прикидывая, где бы остановиться на ночлег, как вдруг проспект кончился, а перед нами появилась огромная река, подъехать к которой мы не могли. Дело в том, что сколько хватало глаз — всюду река была отгорожена высоким забором с колючей проволокой. В заборе были ворота, а за ними, как мы поняли, — речной порт. Увы, ворота были закрыты.

Пришлось мне отогнать наш автодом на расположенную неподалеку автостоянку. Там мы и заночевали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой приятная прогулка по реке оказывается весьма опасным занятием

Третье утро нашего путешествия по стране Экономика началось с того, что мы пошли посмотреть — не открылись ли ворота порта. Увы, они были затворены столь же плотно, как и вчера вечером. Вокруг не было никого, кто бы мог нам подсказать, как проникнуть за загадочную решетку. В конце концов наше внимание привлекла телефонная будка, но когда Оля распахнула дверцу, то оказалось, что в будке... нет телефона. Вместо него был установлен маленький компьютер. Я включил его, и на экране появилась надпись:

ПРОХОД НА ТЕРРИТОРИЮ
ПОРТА «КАЗНАЧЕЕВО»
РАЗРЕШАЕТСЯ
ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ДАСТ

ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС:
КАКИЕ ИЗ ИЗОБРАЖЕННЫХ НИЖЕ ПРЕДМЕТОВ
МОГУТ ИЛИ МОГЛИ БЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ
КАК ДЕНЬГИ?
НАБЕРИТЕ НОМЕР ВЕРНОГО
ОТВЕТА И НАЖМИТЕ «ВВОД»

А ниже на дисплее, аккуратно пронумерованные числами от 1 до 10, были изображены: бык, лиса, красивая витая раковина, слоновий бивень, три слитка металла с надписью на первом «железо», на втором — «медь» и на третьем — «олово», пачка чая, мешочек с надписью «соль» и, наконец, кучка песка, на которой было написано «золото».

— Ну, это даже я знаю, подумаешь, вопрос, — пренебрежительно усмехнулась Оля, набирая число 10. — Всем известно, что самая большая ценность — это золото, и потому герои Джека

Лондона готовы были перенести любые муки, лишь бы намыть побольше золотого песка!

Увы, ответ компьютеру не понравился, и на экране появилась новая надпись:

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ —
ВАШ ОТВЕТ НЕПОЛОН.
ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРАВА НА ВТОРУЮ ПОПЫТКУ
РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:
ДВОЕ КРЕСТЬЯН ПОДЕЛИЛИ МЕЖДУ СОБОЙ 7 РУБЛЕЙ,
ПРИЧЕМ
ОДИН ПОЛУЧИЛ НА 3 РУБЛЯ БОЛЬШЕ ДРУГОГО
СКОЛЬКО ДЕНЕГ ДОСТАЛОСЬ КАЖДОМУ?
ПРОСТАВЬТЕ ОТВЕТЫ В ПУСТЫЕ МЕСТА
И НАЖМИТЕ «ВВОД»
ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН ПОЛУЧИЛ.....РУБЛЕЙ
ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН ПОЛУЧИЛ.....РУБЛЕЙ

— Подумаешь, задача, — обрадовалась моя неунывающая спутница и быстро набрала на клавиатуре ответ (какой — определите сами, а проконтролировать правильность решения вы сможете, заглянув в конец книги). На этот раз она была [illegible]а, и на экране вновь появился рисунок с вопросо[illegible]еньгах. Теперь Оля думала дольше и, набрав опять номер 10 — золото, добавила к нему еще и те номера, под которыми были изображены лиса и слоновий бивень. Но и этот ответ не удовлетворил компьютер, и на экране вспыхнула надпись:

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ —
ВАШ ОТВЕТ НЕПОЛОН.
ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРАВА НА ТРЕТЬЮ ПОПЫТКУ
РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:

КРЕСТЬЯНИН, ПОКУПАЯ ТОВАРЫ, СНАЧАЛА УПЛАТИЛ
ПЕРВОМУ КУПЦУ ПОЛОВИНУ СВОИХ ДЕНЕГ И ЕЩЕ 1 РУБЛЬ;
ПОТОМ УПЛАТИЛ ВТОРОМУ КУПЦУ
ПОЛОВИНУ ОСТАВШИХСЯ ДЕНЕГ ДА ЕЩЕ 2 РУБЛЯ
И, НАКОНЕЦ, УПЛАТИЛ ТРЕТЬЕМУ КУПЦУ ПОЛОВИНУ
ОСТАВШИХСЯ ДЕНЕГ ДА ЕЩЕ 1 РУБЛЬ.
ПОСЛЕ ЭТОГО ДЕНЕГ У НЕГО СОВСЕМ НЕ ОСТАЛОСЬ
А СКОЛЬКО ВООБЩЕ У НЕГО ДЕНЕГ БЫЛО ВНАЧАЛЕ?
У КРЕСТЬЯНИНА БЫЛО....РУБЛЕЙ
ПРОСТАВЬТЕ ЦИФРУ И НАЖМИТЕ «ВВОД»

Над этой задачей Оле пришлось попотеть всерьез. Во всяком случае пока она, наконец, подсчитала, что у крестьянина вначале было...рублей (ответ попробуйте найти сами!), я успел наполовину проглядеть раздел биржевых новостей в местной газете, которую купил неподалеку от входа в порт. К счастью, ответ оказался правильным, и компьютер предоставил нам третью попытку. На этот раз Оля решила рискнуть и набрала на клавиатуре все десять номеров с 1 до 10. Глаза ее при этом извергали молнии, и я ее вполне понимал: обидно было так споткнуться на вроде бы пустяковом вопросе.

Но каково же было Олино удивление, когда этот ответ-вызов вдруг пришелся компьютеру по вкусу: в его передней стенке поднялась маленькая заслонка, а за ней лежал какой-то металлический жетон. Похоже, именно этот жетон должен был помочь нам открыть ворота порта.

Оставив Олю разбираться с тем, куда надо было вложить этот жетон, я отправился на стоянку за нашим автомобилем. Когда я подъезжал к порту, ворота уже медленно открывались — моя спутница воспользовалась жетоном, видимо, в точном соответствии с инструкциями. Миновав ворота и посадив Олю в кабину, я направил автомобиль вглубь порта, к причалам.

В этот ранний час они были еще пустынны. Только у центрального причала, крепко прихваченный толстыми канатами, слегка покачивался на волнах небольшой изящный катер, на борту которого сияла надпись «КУПЮРА». По палубе его неторопливо ходили два бравых морячка, занимавшихся, судя по всему, подготовкой к отплытию. Мы подошли и познакомились. Моряка повыше звали Чек Бук, а низенький крепыш представился как Билл Вексель. Как оказалось, это и был весь экипаж «КУПЮРЫ», и через полчаса они действительно собирались плыть вниз по течению реки Денег.

Причину такого названия нам объяснять не пришлось — вместо воды в этой удивительной реке действительно текли, тихо шурша, мелкие денежные купюры. Иногда поток выталкивал на поверхность новенькие монеты, и они ярко вспыхивали в лучах солнца, прежде чем опять опуститься в глубину.

Чек и Билл охотно согласились прихватить нас с собой, а Билл загадочно обронил: «В таком плавании иностранец порой лучше своего...» Что он имел в виду, мы не поняли, а расспросить не успели, потому что Чек, который, похоже, был на катере за старшего, вдруг поднял руку, требуя тишины, и быстро поднес к уху переносной радиопередатчик, который болтался у него на груди. Судя по всему, он получил приказ о немедленном отплытии, потому что оба моряка вдруг засуетились, и мне пришлось бегом нестись на берег, чтобы успеть до отхода катера отогнать верно послуживший нам автодом на стоянку.

Через 10 минут «КУПЮРА» уже плавно скользила по денежному потоку, и вскоре холмы Купцовска исчезли с горизонта. Картина пустынных берегов, обнесенных забором с колючей проволокой и «украшенных» только сторожевыми вышками, была скучной, и я, разнежившись на солнышке, прикрыл глаза. Из этого блаженного состояния меня вывела Оля.

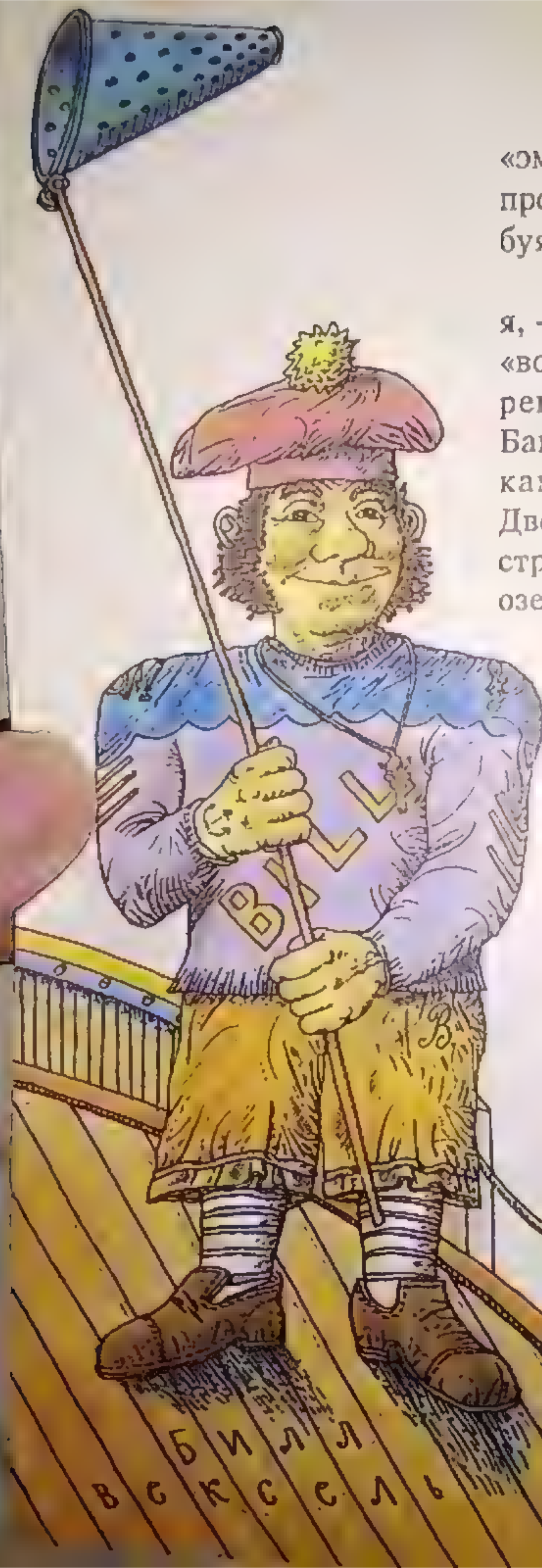
— Папа, а почему этот порт так строго охраняли? Там же внутри ничего нет. Даже кораблей, кроме этого катера.

— А иначе и быть не может, — пожал плечами я. — Это же порт «Казначеево», и на его территории, в строго охраняемых подземельях, расположен Монетный Двор — место, где чеканят монеты и печатают мелкие бумажные деньги...

— А почему только мелкие, а крупные откуда берутся?

— Видишь ли, река Денег берет свое начало из Банкнотного ручья, что рождается в недрах пещеры, принадлежащей государственному, то есть самому главному, банку этой страны. Особенность Банкнотного ручья в том, что в нем текут только крупные денежные бумажки, которые удобны только при дорогих покупках, но малопригодны в булочной или в обувной мастерской. И потому Монетный Двор выпускает по подземным трубам здесь в реку мелкие бумажки и монеты. От этого река Денег разливается в Эмиссионное озеро, которое мы пересекли в начале своего плавания.

— Какое звучное слово «эмиссионное» ... — медленно произнесла Оля, как будто пробуя это название на вкус.

— Звучное, — согласился я, — и очень важное. От уровня «воды» в этом озере (а он регулируется плотиной на Банкнотном ручье и задвижками на трубе Монетного Двора) зависит очень многое в стране Экономика. Размеры озера Эмиссии обсуждаются самыми главными органами управления страной!

Это объяснение удовлетворило Олю, и она дала мне покой, перебравшись поближе к Биллу Векселю, который устроился на борту катера с длинным черпаком. Им он периодически зачерпывал из реки Денег новенькие купюры и монеты и выливал их в воронку

аппарата, который сразу принимался урчать, а на его пульте вспыхивали разноцветные лампочки. Кроме того, на аппарате был установлен крохотный радар, который все время поворачивался. Приглядевшись, я заметил, что такие же радарчики были установлены и на красных буях, покачивающихся на просторах реки Денег. Заинтересовавшись этим непонятным устройством, я тоже подошел к Биллу и попросил его объяснить, что он делает.

— Я-то? — охотно откликнулся Билл, доставая очередную порцию своего денежного «улова». — Да вот, подкармливаю наш денежный анализатор. Прожорливый, будь он неладен!

— А зачем он нужен? — решилась задать вопрос и Оля.

— Так как же без него-то? — удивился вопросу Билл. — С его помощью мы проверяем, не попали ли в реку Денег фальшивые купюры. Это раз. Он проверяет скорость течения реки, собирая информацию с контрольных буев. Это два. И самое главное — он определяет покупательную способность денег, текущих в этой реке.

— А это важно? — не отставала от него Оля.

— Еще как! — воодушевился Билл, почувствовав в нас благодарных слушателей. — Ну, про фальшивомонетчиков я говорить не буду — это понятно. А вот скорость течения реки Денег — это, я вам скажу, штука серьезная. Если река Денег начинает течь медленно, значит, где-то образовались тихие заводи, где деньги застаиваются и перестают работать. Например, люди зарплату-то получили, а купить на эти деньги нечего. Непорядок? Непорядок! Значит, надо сразу что-то делать. Вот чтобы таких сбоев не было, наш анализатор и ведет постоянное измерение скорости течения и передает информацию на берег, а уж в Купцовске-то ее ждут не дождутся. От нее все тамошние сделки зависят — если деньги у людей застаиваются без дела, значит, надо срочно везти в магазины новые товары, чтобы эти денежки выманить. Ну,

а если деньги у людей мигом просачиваются сквозь пальцы и все живут от получки до получки, значит, пока не стоит изготовлять и везти в магазины товары дорогие — все равно никто не сможет накопить на них столько денег, сколько нужно. Понятно?

— Да, — кивнула Оля, с уважением взглянув на мигающий разноцветными лампочками анализатор.

— Вот, — удовлетворенно покивал головой Билл, —а что касается, значит, покупательной способности денег, то...

Но Билл не успел закончить свой рассказ, так как его позвал в рубку Чек Бук. Я вернулся на свою лавочку и собрался опять позагорать. Но не тут-то было — Оля сразу пристроилась рядом со своим очередным вопросом.

— Папа, а почему все-таки компьютер согласился с моим ответом о том, что деньгами может быть все изображенное им на экране? Я-то, честно говоря, набрала все десять номеров просто так, из злости. Я вовсе и не думала, что деньгами может быть... бык!

— Вообще-то, конечно, злость не лучший советчик, но тут ты случайно попала в самую точку. Как тебе ни трудно в это поверить, но действительно все, что было изображено на дисплее, когда-то было денежным товаром у того или иного народа. Скот был деньгами у древних греков, римлян, славян и других народов Земли, за меха и шкуры можно было выменять любой товар в древних скандинавских государствах и у индейцев Северной Америки. Чай был универсальным средством обмена в Монголии, соль — в Китае, а раковины служили деньгами племенам, жившим на островах Тихого океана и в Африке...

МОНЕТНЫЙ ДВОР — место, где чеканят монеты и печатают бумажные деньги.

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Как ты странно сказал — «денежный товар». Я такого никогда не слыхала, все говорят просто — деньги.

— Естественно, ведь все уже давным-давно забыли, что деньги тоже когда-то были обычным товаром. И если бы не историки и археологи, вообще бы никто об этом не помнил. А между тем в древности «деньгами» становилась любая вещь, которая для этого годилась.

— А что значит годилась?

— Ну, во-первых, чтобы она была достаточно редкой —сосновые шишки не сделаешь деньгами, поскольку каждый сам может пойти в лес, набрать их полную корзину, но на них не выменять ни ткани, ни овец и вообще ничего. Во-вторых, денежный товар должен быть ценен для всех или для подавляющей части населения. Монголы, например, очень любили чай, а своего у них не было — они только его могли покупать у китайцев. Значит, китайцы могли обменять чай на все, что им было нужно, то есть чаем можно было за все ЗАПЛАТИТЬ. А ведь это, согласись, и есть то главное свойство, которое должно быть у денег, не так ли?

— Наверное... — не слишком уверенно кивнула головой Оля.

— И наконец, как стало людям со временем ясно —деньги должны быть...удобными!

— Это-то почему? Они же не стул и не кровать?!

— Странный вопрос! Представь себе, что ты живешь в стране, где денежным товаром служит скот. Значит, если ты хочешь что-то купить в соседнем городе, тебе надо направиться туда, погоняя перед собой стадо коров. Но и это не самая

БАНКНОТЫ – Это бумажные денежные знаки на большую сумму. Сколько их можно выпускать, решает в каждой стране самый главный ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК.

НЕ ЗАБЫТЬ!

главная проблема. Самое сложное — как при таких «денежках» платить за дешевые товары? Чем сдачу-то давать?

— Телятами! — развеселилась моя спутница.

— Да уж — весьма удобная «мелочь»! А как учесть то, что телята могут иметь разный вес? Что ж, прикажете везде таскать с собой весы для взвешивания скота? Вот, помаявшись с такими проблемами, человечество и стало искать удобные формы денег. И в конце концов главным денежным товаром стало золото. Уж больно удобным оно оказалось! И не ржавеет, и однородное. Значение имело и то, что золото — тяжелый металл и потому даже маленькая монетка имеет большую ценность. Поэтому золото прекрасно смогло сыграть роль денег, став на многие века одной из главных сил в стране Экономика.

— Как это — сил?

— Видишь ли, став главным денежным товаром, желанным для всех людей, золото многим из них стало казаться вообще самым главным в жизни. Одни на него молились, другие проклинали как источник всех человеческих бед.

— А ты, папа, как думаешь — кто прав?

— Видишь ли, как экономист я отчетливо понимаю, что без денег человеческая цивилизация сегодня не смогла бы прожить и дня — все рухнуло бы. Хотя, конечно, тут не все так просто...

Мой рассказ был прерван странным гулом, который раздался вдруг над рекой Денег. Прямо по курсу нашего катера из пучин реки Денег к небу медленно всплывала исполинская статуя, отлитая из золота!

В лучах утреннего солнца она сияла нестерпимым блеском, который усиливался тем, что статуя непрерывно вращалась, обнаруживая свою необычную форму.

Дело в том, что статуя была.... многогранной, напоминая тотемные столбы древних индейских племен. И на каждой грани — а их, как мы быстро подсчитали, было

пять — изображение было иным. Нет, менялось не лицо Бога Денег — оно на всех гранях было одинаковым, круглым и плоским, как стертая монета. Его оживляли лишь сверкавшие в глазницах огромные бриллианты, которые бросали на его щеки и губы изменчивые отсветы. От этого лицо становилось то угрюмым, то злобным, то насмешливым. Но добрым нам это лицо не показалось ни разу.

Разница же между гранями заключалась в том, что было у Бога Денег в руках. На одной грани он держал в руках аптекарские весы, на второй — колесо, на третьей — пачку денег(причем одна рука явно эту пачку давала, а вторая — брала). На четвертой грани в руках у Бога Денег был большой старинный сундук, запертый на замысловатый висячий замок. Но самой любопытной была пятая грань — там руки Бога Денег держали огромную монету ребром вверх, а на ребре этом каким-то чудом держалось изображение земного шара.

— Ух ты! — испуганно протянула Оля, не отрывая глаз от небывалого зрелища. — А почему он пятигранный?

— В этом есть магический смысл...Видишь ли, деньги в стране Экономика играют пять разных ролей, и каждая из сторон этой статуи как раз и символизирует одну из этих ролей.

— И какие же роли играют деньги? — недоверчиво поинтересовалась Оля.

— Самая главная роль — роль Всеобщего Соизмерителя. Проще говоря, когда люди стали меняться плодами своих трудов, то постепенно на рынке сложились определенные соотношения обмена товаров друг на друга. Например, Карл Маркс в своей книге «Капитал» давал такие пропорции обмена товаров: 20 аршин холста = 1 сюртуку = 1 фунтам чая = 40 фунтам кофе = 1 квартеру пшеницы = 1/2 тонны железа. При этом любой товар из этой цепочки равенств мог быть обменен и на определенное количество

золота — в данном случае, насколько я помню, на 2 унции золота. Тогда-то и родились слова «на вес золота».

— А разве и сегодня платят золотом?

— Нет, теперь уже золотых монет не чеканят, повсюду пользуются только древним китайским изобретением — бумажными деньгами, но деньги по-прежнему единственный универсальный соизмеритель всех видов человеческого труда. Об этом и напоминают руки с весами. Ну, а что означают руки с сундуком, как ты думаешь?

— Вообще-то в таких сундуках обычно прятали сокровища...

— Отлично, ты права. Эта сторона статуи Бога Денег показывает, что деньги — это символ накопленного богатства. Лучше всего эту роль деньги играли в те времена, когда их чеканили из золота или серебра. Сегодняшние бумажные деньги справляются с этой ролью куда хуже, и вместо них все чаще в экономическом спектакле роль Сокровища исполняют другие актеры.

— А какие? — сразу заинтересовалась Оля.

— Разные, — пожал я плечами. — Ювелирные изделия, драгоценные камни, произведения искусства и старинные вещи, земельные участки,короче говоря, все то, что менее бумажных денег подвержено страшному бедствию — инфляции.

— Что-то ты об этом говорил, но я уже не помню что.

— Ладно, я думаю, что мы с тобой об этом еще разок поговорим, но попозже. Лучше ты мне скажи, что, по-твоему, означает земной шар на ребре монеты?

— Понятия не имею!

— Ладно, сейчас объясню. Это символ одной из самых трудных ролей — роли Мировых Денег, роли посредника в торговле между разными странами. Ведь у каждой страны — свои деньги, или, как говорят экономисты, — своя национальная валюта: рубли, доллары, марки, фунты стерлингов, йены и так далее, и тому подобное.

— Папа, а почему нельзя было всем странам договориться и ввести одну валюту для всего мира? Как было бы удобно — приезжаешь в любую страну, а твои деньги и там годятся!

— Видишь ли, не все так просто. Дело в том, что издавна право выпускать деньги во всех странах принадлежит государству. И в этом есть большой смысл. Ты когда-нибудь задумывалась над тем, сколько стране нужно денег?

— Сколько стране нужно денег? — недоуменно переспросила Оля. — Да чем больше денег, тем лучше!

— Если бы...— покачал я головой.— На самом деле в любой стране должно быть ровно столько денег, сколько нужно для покупки продающихся в этой стране в течение года товаров. А если учесть, что каждая денежная бумажка успевает за год помочь нескольким покупкам, то денег нужно даже значительно меньше. Если денег слишком мало, то колесо торговли начинает скрипеть, как несмазанное. А если денег слишком много...

— Да разве может быть денег слишком много? — перебила меня Оля.

— Может, и ты, возможно, скоро увидишь, к чему это приводит. Но пока поверь, что для нормального хода дел в экономике любой страны обязательно должно быть строго определенное количество денег — и не больше, и не меньше. Обязанность же государства — следить за этим, когда оно печатает деньги. Вообще-то каждая выпущенная государством денежная бумажка — это справка о том, что на нее ты можешь в любой момент купить нужный товар.

— Ну и что? — не сдавалась Оля. — Так ведь если бы существовали единые мировые деньги, то уж тем более на них всегда можно было бы купить товар: не в этой стране, так в другой. Мир-то огромный, и если в Африке не хватит холодильников, то где-нибудь в Гренландии их наверняка полно.

— Все равно необходимо следить за соответствием количества денег и товаров. А кто это может сделать? Единое мировое правительство? ООН? Увы, в нынешнем мире каждое правительство доверяет только себе и потому обязывает граждан пользоваться только теми деньгами, которые им выпущены. А выпуск собственных денег — дело выгодное для любого правительства... Ими же государство может расплатиться за то, что нужно ему самому.

— Тогда я не понимаю, что такое — мировые деньги? Это что — золото?

— Да, когда-то золото действительно было мировыми деньгами, но уже много десятилетий нигде в мире не пользуются золотыми монетами. Их чеканят только для коллекционеров, но золото продолжает оставаться ценностью, и потому банки всего мира хранят в своих сейфах его запасы.

— Значит, и не золото... — обреченно вздохнула Оля. —Тогда что же все-таки годится на роль мировых денег?

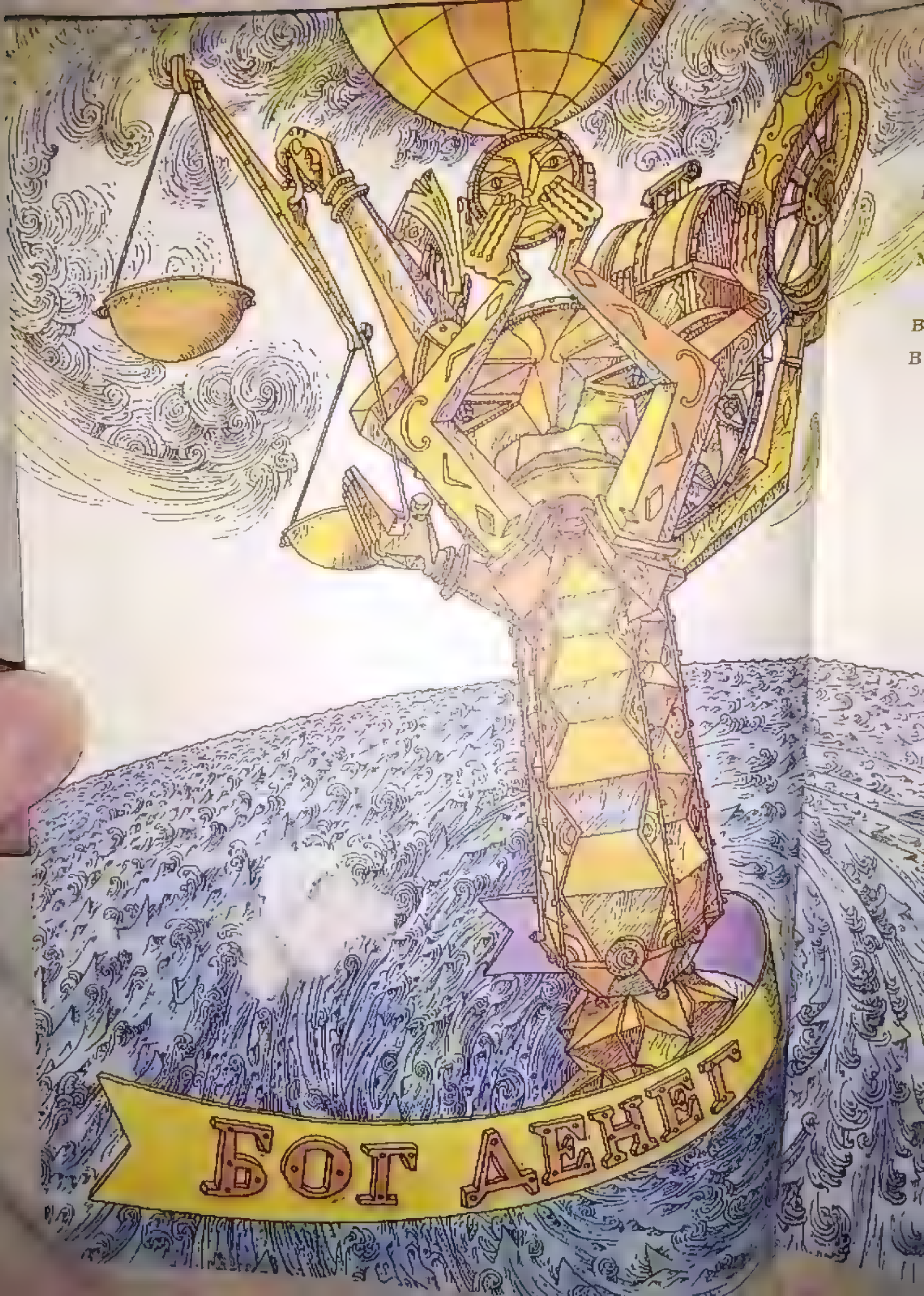
— Сейчас такими мировыми деньгами стали национальные валюты самых богатых стран, где в избытке товары высокого качества. Добиться высочайшего авторитета своих денег, сделать национальную валюту конвертируемой, то есть годной для обмена на валюту любой другой страны мира, удалось только нескольким

богатейшим странам мира — США, Японии, Великобритании...

Перечень конвертируемых валют мне не удалось закончить. Дело в том, что скорость вращения статуи Бога Денег резко увеличилась, а сопровождавший ее гул перешел в тягостный свист, похожий на рев реактивного двигателя. Вид же самой статуи резко изменился: все, что было ниже шеи Бога Денег, из-за бешеного вращения слилось в ослепительно сверкающий золотой столб. Лицо же Бога, казалось, застыло на месте, но зато стало странно живым. Его глаза-бриллианты мерцали все сильнее и сильнее, и этот блеск властно завораживал и тянул к себе...

БОГ ДЕНЕГ

Из тягостного оцепенения меня вырвал испуганный крик Оли:

— Папа, нас затягивает в воронку, а они только молятся!

Я огляделся вокруг. Оля была права. Из-за бешеного вращения статуи вокруг нее образовалась огромная воронка, в которую с ревом устремлялся

денежный поток. Наш катер, подхваченный течением, тоже несло туда. Но Чек Бук и Билл Вексель, казалось, не замечали этого. Бросив управление катером на произвол судьбы, они сидели на корточках на палубе и неотрывно смотрели в лицо Бога Денег. Я бросился их расталкивать. Увы, это было бесполезно — они были в состоянии гипноза и не реагировали ни на что. В отчаянье я бросился в рубку катера, хотя мне никогда в жизни не доводилось управлять такими судами. Но бездействовать было нельзя — наш катер уже оказался во власти водоворота и начал все быстрее вращаться вокруг ревущей статуи. Я попытался вывернуть штурвал, нажимал на все кнопки, которые

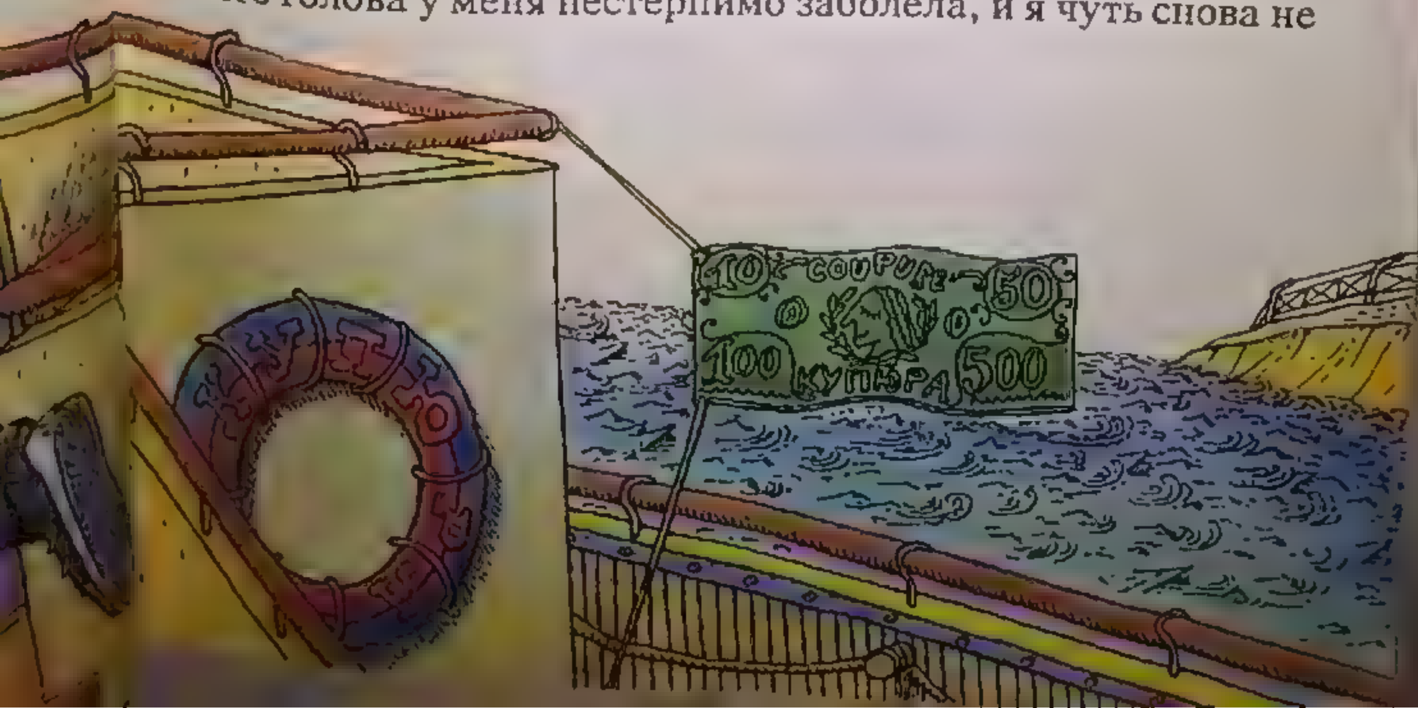
попадались мне на глаза, надеясь хотя бы бросить якорь и выиграть время. Все было без толку. Высунувшись в окно рубки, я приказал Оле срочно нацепить спасательный жилет и сам его надел. И тут заметил какой-то красный рычаг, утопленный в боковую стенку пульта управления катером. Терять мне было нечего, и я потянул за него изо всех сил.

То, что последовало потом, я помню плохо. Видимо, этот рычаг привел в действие аварийную компьютерную систему управления катером, а она включила мощные водометные двигатели, которые вырвали нас из водоворота. При этом катер резко рванул в сторону, и от толчка я потерял равновесие, упав и ударившись головой о стену. Удар был настолько силен, что я потерял сознание...

В себя я пришел оттого, что мне на лицо что-то капало. С трудом открыв глаза, я обнаружил, что это Олины слезы. Моя голова лежала у нее на коленях, а сама она сидела на полу рубки и, похоже, оплакивала и меня, и свою молодую жизнь, пропавшую ни за грош в стране Экономика...

Увидев, что я открыл глаза, она заплакала еще громче, пытаясь что-то рассказать мне. Но слезы мешали ей говорить, и я толком ничего не понял.

— Успокойся, — сказал я ласково и рывком сел. От этого голова у меня нестерпимо заболела, и я чуть снова не

Я чуть не умерла со страху на этой ужасной Реке Денег! Когда я вбежала в рубку и увидела, что папа лежит без сознания на полу, у меня просто в глазах потемнело. Хорошо, что всё обошлось, а то... даже представить страшно! Какая же коварная штука деньги!

потерял сознание. Оглядевшись вокруг, я увидел, что коварная статуя Бога Денег осталась далеко позади и наш катер снова плавно скользит вниз по течению. Хуже было то, что оба наших спутника до сих пор не пришли в себя и лежали навзничь на палубе, глядя немигающими глазами в небо. Я попытался их растормошить, но и на этот раз моя попытка оказалась безуспешной — Бог Денег погрузил их в глубокий гипнотический транс, и когда они могли из него выйти, я и представить не мог. С трудом мы перетащили их с палубы вниз в кубрик и уложили на койки, привязав ремнями, чтобы они случайно не упали на пол.

— Что с ними? — тревожно спросила Оля, когда мы, наконец, сели на скамейку, чтобы перевести дыхание.

— Думаю, что ничего страшного. Они заснули гипнотическим сном, завороженные Богом Денег. Похоже, что оба члены секты златопоклонников. Странно, что я об этом не догадался сразу, когда они назвали свои имена. Имена-то у них денежные!

— Как это денежные? — удивилась Оля.

— А вот так. Я где-то читал, что члены этой секты, вступая в нее, отказываются от своих прежних имен и берут имена, связанные с деньгами. Вот и у наших моряков имена не простые, а со смыслом. «Чек Бук» это по-английски значит «чековая книжка». Это такая специальная книжка с отрывными страницами — чеками, которыми можно расплачиваться за товары вместо денег, если у тебя есть деньги в банке. Ты просто пишешь на чеке, сколько денег готов заплатить, и отдаешь чек продавцу или тому, кому ты должен эти деньги, а он потом идет в банк и получает по этому чеку деньги.

— А вексель что значит?

— Вексель — это тоже денежный документ, известный с древних времен. Например, когда один купец покупал товар у другого, он мог расплатиться не деньгами, а выписать обязательство, что заплатит эти деньги, допустим, через месяц в таком-то городе. Порой такие долговые расписки были удобны и для продающего, и для покупающего, и поэтому в форме векселя они дожили до наших дней...

— Папа, а что бы с нами стало, если бы ты не сумел справиться с катером?

— Ну, честно говоря, с катером справился не я, а компьютер. Видимо, такие аварийные ситуации здесь случаются, наверное, поэтому Билл и обрадовался тому, что мы иностранцы и, значит, менее подвержены чарам Бога Денег. А вот что с нами случилось бы? Честно говоря, точно я не знаю. Думаю, что на дно нас бы не утащило, но закрутило бы вокруг постамента статуи с такой скорос-

тью, что мы бы потеряли голову и, став рабами Бога Денег, думали бы только о деньгах, мечтали бы только о деньгах, радовались бы только деньгам...Короче говоря, стали бы такими же «скупыми рыцарями», как тот старик барон, о котором писал Пушкин. Помнишь, этот барон говорит:

Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут.

— Да уж,— скривилась Оля, — веселенький барончик! Эти деньги, по-моему, настоящая зараза — не будь их, люди были бы добрее друг к другу, а жизнь — веселее!

— Знаешь, Оля, не все так просто. Глупо относиться к деньгам только как ко злу. В жизни же все имеет и хорошие, и плохие стороны. Мне кажется, что правильнее всего о сути денег сказал знаменитый английский экономист Уильям Петти. Вот послушай:

Деньги — это не более как жир политического тела, избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь... подобно тому как жир служит как бы

ЧЕКОВАЯ

НЕ ЗАБЫТ

Это что-то вместо кошелька. Страничками этой книжки можно платить вместо денег за любые покупки, если предварительно положить деньги в банк, который выдаст

ЧЕКОВУЮ КНИЖКУ.

смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, заполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государстве — они ускоряют его деятельность, питают иностранным продуктом в случае неурожая у себя дома, погашают долги...и все украшают; впрочем, последнее относится главным образом к тем лицам, которые имеют деньги в изобилии.

— Здорово сказано! — впервые после происшествия улыбнулась Оля, оценив не состарившийся за триста лет юмор Уильяма Петти.

— Очень! И вообще должен тебе сказать, что отношение к деньгам — вопрос очень важный и для страны в целом, и для каждого человека в отдельности. Мне даже кажется, что экономический разум страны и человека проявляется именно в отношении к деньгам. Тот, кто относится к деньгам пренебрежительно, твердя, как попугай, «не в деньгах счастье», на самом деле стоит не выше денег, а ниже их, и более того — такой человек не образец для подражания, а в чем-то даже враг обществу...

— Ну уж и враг?! — недоверчиво пожала плечами Оля.

— Может быть, конечно, это и слишком сильное слово, но резон тут есть. Сама посуди. Богатство общества создается лишь трудом всех его граждан. Экономическая жизнь общества очень напоминает упряжку волов, тянущую в гору тяжело груженную повозку. Если один из них будет тянуть вполсилы, то другим придется надрываться сверх меры. Если же все тянут усердно, то нагрузка на каждого поменьше, а повозка катится вверх быстрее. Иными словами, чем лучше трудится каждый, тем богаче живут все. С этим ты согласна?

— Согласна. Ну и что?

— А то, что в стране Экономика каждому платят по труду. Если же человек выбирает себе позицию «не в деньгах счастье» и решает довольствоваться в жизни малым, черпая все радости только из книг, музыки, живописи, общения с друзьями, то и трудиться он будет без особого усердия — ему ведь не нужны большие заработки. Ты скажешь, что это спорное утверждение и такой человек все равно может работать хорошо просто потому, что он сознательный. Возможно, и все же подавляющее большинство людей работают не из сознательности, а из желания обеспечить себе и своей семье как можно лучшую жизнь.

— Ты меня опять запутал! То ты говоришь, что стать рабом Бога Денег и видеть счастье только в полном кошельке — страшная беда, то утверждаешь, что тот, кто не стремится к большим заработкам, вредит всем своим согражданам. Ты что же, не согласен с тем, что счастье — не в деньгах?!

— Знаешь, если бы за многовековую историю человеческой цивилизации кто-нибудь нашел способ обеспечить всем людям счастье и достаток без денег — сегодня мы видели бы деньги только в музейных витринах! Но в истории любой страны есть примеры того, что люди, нажившие крупные состояния, почти все свои деньги обратили на помощь людям или развитие науки и куль-

туры. Лучшая коллекция русского искусства — Третьяковская галерея — собрана и подарена Москве богатым купцом Павлом Васильевичем Третьяковым, купец Константин Сергеевич Станиславский создал прославленный Московский Художественный театр, а купец Щукин основал Музей современного западного искусства, коллекция которого стала основой всемирно известного Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Зажиточным коммерсантом был и великий ученый Фридрих Энгельс — друг и соратник Карла Маркса, а купец Савва Морозов давал деньги не только нищим художникам, но и партии большевиков...

— Я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Да к тому, что к деньгам — если они зарабатываются честным трудом — нельзя относиться пренебрежительно. Главное не то, сколько ты получаешь денег, а как ты их зарабатываешь и на что тратишь. И чем выше твой трудовой заработок, тем достойнее ты уважения. Ведь это означает, что ты вносишь больший, чем другие, вклад в процветание страны. Надо только правильно выработать жизненную позицию — уберечься от «золотой лихорадки», но и не заболеть «аллергией на деньги», когда всякого, кто стремится к большим заработкам, сразу же называют рвачом. Знаешь, русский народ придумал мудрую поговорку «Не в деньгах счастье», но он же не менее мудро сформулировал и другую поговорку — «Тому хорошо живется, у кого денежка ведется». И мне кажется, что умнее всего поступает тот, кто живет, всегда помня обе эти поговорки, а не одну из них...

Я замолчал, потому что палуба ощутимо качнулась у меня под ногами. Качку заметила и Оля. Она вопросительно посмотрела на меня в надежде, что я объясню ей, откуда на равнинной реке Денег берутся большие волны. К сожалению, мне нечего было сказать ей, и я лишь молча пожал плечами. Между тем качка становилась все

сильнее, и мы с Олей решили для безопасности покинуть палубу, укрывшись в рубке.

И вдруг впереди я увидел источник волн. На первый взгляд это напоминало небольшой фонтан. Но откуда взяться фонтану посередине реки?

— Что это за фонтан? — спросила Оля.

И вдруг я понял, что это такое, и уже открыл рот для ответа. Но тут фонтан вдруг взмыл к небесам, на наш катер накатила огромная волна денег, подхватила его, завертела и выбросила далеко на берег. И сразу же извержение прекратилось и все стихло. Правда, по реке Денег еще катились пенистые волны, но с каждой секундой они становились все меньше и меньше.

— Ух ты! Кораблекрушение! — от пережитого страха Оля даже раскраснелась. — Но как же нам обратно спустить катер на воду?

— Самим нам не справиться, — грустно сказал я, — надо вызывать помощь.

Катер наш лежал почти на боку, и подобраться по наклонной гладкой палубе к пульту управления оказалось совсем не просто. И все же, напоминая самому себе муху, я прополз несколько метров и, уцепившись за стойку штурвала, повис над пультом, лихорадочно выискивая клавишу вызова помощи. Увы, ничего похожего там не было — передо мной была лишь стандартная клавиатура компьютера. Делать было нечего, и я решил нажать клавишу F1, которая уже не раз помогала нам. Она сработала и на этот раз. На экране компьютера появилась рамочка с надписью:

ВЫЗОВ ПРИНЯТ. СООБЩИТЕ ПРИЧИНУ ВЫЗОВА:
1.НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ.
2.ПОЛОМКА КАТЕРА 3.КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.
НАЖМИТЕ НУЖНЫЙ НОМЕР И КЛАВИШУ «ВВОД»

Я торопливо нажал нужные клавиши, и надпись в рамочке сразу изменилась:

ВЫЗОВ ПРИНЯТ.
ВЫСЫЛАЕМ ПЛАВУЧУЮ РЕМОНТНУЮ БАЗУ.
ЖДИТЕ ПОМОЩИ ! ЖДИТЕ ПОМОЩИ ! ЖДИТЕ ПОМОЩИ !

— Помощь придет, но придется подождать, — сообщил я Оле, отпуская стойку кабины и соскальзывая вниз по палубе, как по горке. — А пока давай-ка выберемся на берег. Я только спущусь в кубрик, посмотрю, как там Чек и Билл.

К счастью, там все было в порядке. Ремни удержали их на койках, и они лежали там целые и невредимые. Глаза их наконец закрылись, и теперь они просто спали крепким сном, приходя в себя. Выкарабкавшись из трюма, я спрыгнул на берег и сел на горячий песок рядом с Олей. Мы помолчали, каждый думал о своем. Оля загрустила.

— Папа, что с нами случилось? Мы потерпели кораблекрушение, а ты мне даже не хочешь сказать, что это за страшный фонтан?!

Я понял, что обязан все объяснить дочери, которая очень повзрослела за время нашего путешествия, и я должен это учесть.

— Это не фонтан. Это подводный гейзер. Называется он Инфляционным и считается самым страшным бедствием для плавающих по этой реке. Впрочем, когда происходит его извержение, а оно порой бывает очень долгим, отзвуки его ощущаются по всей стране Экономика — от инфляции-то здесь никто не защищен...

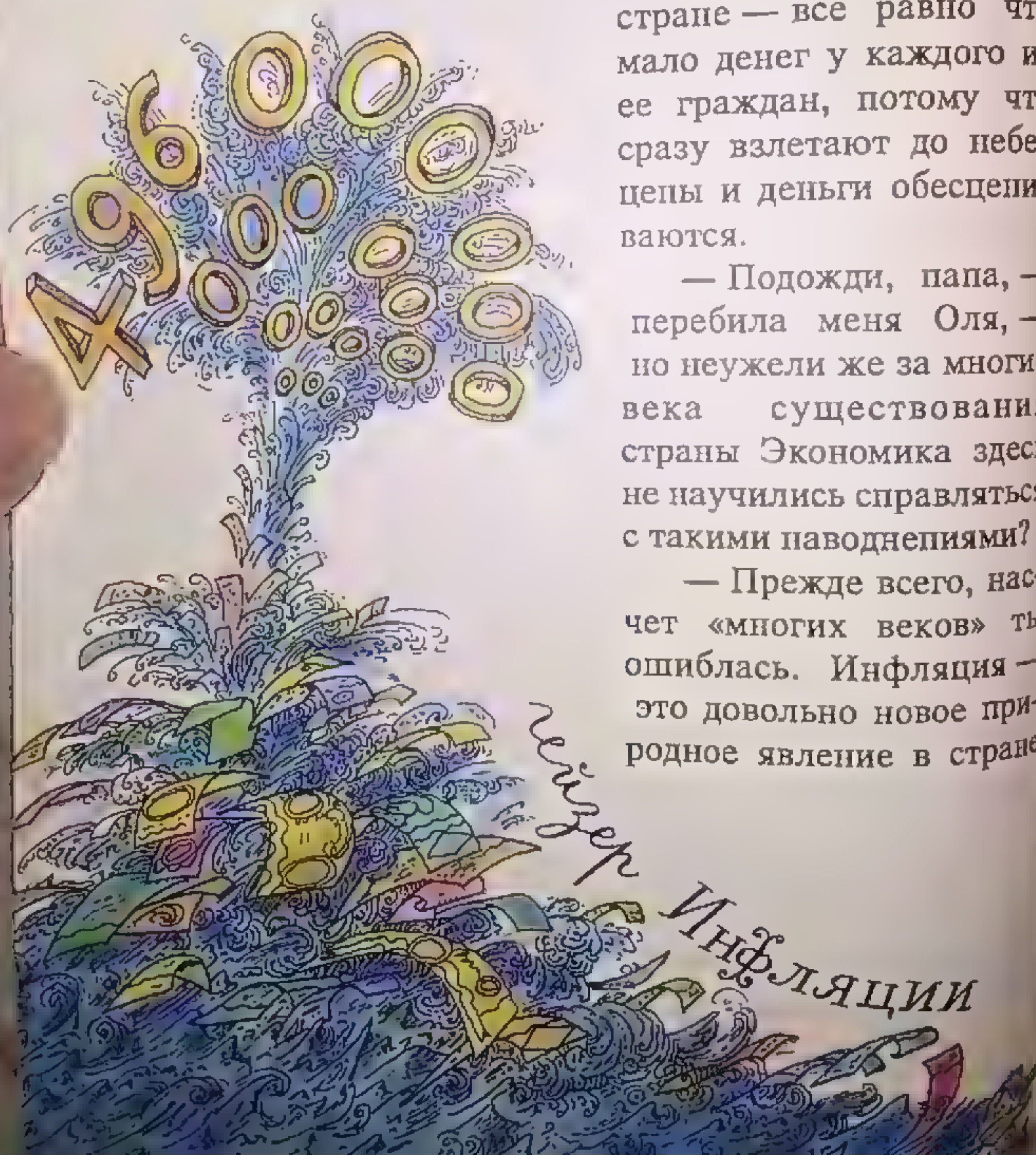
— Подожди, подожди, папа, — перебила меня Оля. — Ты сначала мне объясни, что это вообще такое — инфляция, а то ты уже несколько раз о ней упоминал и никак не скажешь, что же это за беда-то такая?

— Что такое инфляция... — задумчиво протянул я и

сел поудобнее перед тем, как начать свой рассказ. — Видишь ли, экономисты называют инфляцией наводнение на реке Денег, когда поток денежных знаков в ее русле становится слишком мощным и река выходит из берегов. Проще говоря, инфляция возникает тогда, когда денег становится слишком много, куда больше, чем их нужно для нормальной жизни в городе Рыночном. А ведь мы с тобой, если помнишь, уже договорились о том, что слишком много денег это не радость, а беда для страны Экономика. Слишком много денег в стране — все равно что мало денег у каждого из ее граждан, потому что сразу взлетают до небес цены и деньги обесцениваются.

— Подожди, папа, — перебила меня Оля, — но неужели же за многие века существования страны Экономика здесь не научились справляться с такими наводнениями?

— Прежде всего, насчет «многих веков» ты ошиблась. Инфляция — это довольно новое природное явление в стране

Экономика. Она известна здесь всего лишь лет двести, с тех пор, как местные жители стали широко пользоваться бумажными деньгами.

— А почему так получилось? Чем плохи бумажные деньги?

— Вообще-то они всем хороши, иначе бы не смогли во всем мире победить золотые деньги. Но есть у бумажных денег два крупных недостатка: их слишком легко выпускать и они плохо годятся на роль сокровища. Ведь для того, чтобы отчеканить золотую монету, надо сначала добыть нужное количество золота. А это всегда было сделать непросто: золото — металл редкий, да и добыча его требует больших затрат. И потом, золото нужно и стоматологам, и ювелирам, и в промышленности спрос на него всегда велик. Поэтому цена золота может расти, может снижаться, но никогда не может упасть слишком низко. А вот бумажные деньги сами по себе никакой ценности не представляют. Это всего лишь красиво напечатанные листочки бумаги. Из-за этого стоимость бумажных денег может оказаться даже ниже стоимости бумаги, на которой они напечатаны!

— Как это? — не поняла Оля.

— А вот так. Например, в Германии после первой мировой войны количество денег — марок — выражалось вот таким числом:

496 000 000 000 000 000 000.

— Это сколько же? — не поняла Оля, вглядываясь в число, начертанное мною на песке.

— 496 квинтиллионов. Чтобы справиться с таким половодьем ничего не стоивших денег, их пришлось потом поменять на новые марки, причем сделать это таким образом, что за одну новую марку давали один триллион, то есть 1 000 000 000 000 старых марок. Ну-ка, попробуй посчитать, сколько стало в Германии обращаться марок после этой денежной реформы?

— Сейчас... Кажется, у них стало 496 миллионов марок. Верно?

— Да. И эти деньги уже представляли для людей настоящую ценность. Пока снова не началась инфляция...

— И что же, вообще с ней нельзя справиться?

— Знаешь, Оля, это еще не удалось никому в мире. В лучшем случае правительства ухитряются лишь ослабить ее размеры, добиться, чтобы столб Инфляционного гейзера не взмывал к небесам, приводя к росту цен в течение года в несколько раз, а лишь чуть показывался над гладью реки Денег, вызывая рост цен только на несколько процентов...

— Постой-постой, папа, — сразу перебила меня Оля. — А цены тут при чем? Мы же все время говорили только о деньгах?

— А разве я тебе еще этого не объяснял? — удивился я.

— Нет, не объяснял.

— Видишь ли, когда Инфляционный гейзер начинает свое извержение, денег оказывается слишком много, то есть больше, чем нужно для нормальной торговли. Деньги становятся немножко «дутыми», и наполненный этими «легкими» деньгами холм Спроса сразу вздувается куда выше холма Предложения. А раз так, то моментально начинают как на дрожжах расти цены на все товары...

— Папа, а разве правительство не может запретить повышать цены?

— Запретить-то можно... Вот только к чему это приведет, как ты думаешь, если денег на руках у людей больше, чем нужно для покупки всех хороших товаров?

— Ну, наверное, люди сначала раскупят все хорошие товары, а потом начнут покупать и товары похуже, да?

— Возможно, возможно. Но только сна-

ИНФЛЯЦИЯ — Это когда все цены ползут вверх, а вот цена денег ползёт вниз, потому что на них можно купить всё меньше и меньше товаров.

Не ЗАБЫТЬ!

чала-то возникнет дефицит товаров хороших, и сразу же люди бросятся искать их в Чернорыночном бору. И уж тогда теневая экономика расцветет пышным цветом, а законную начнет трясти, как в жестокой лихорадке, потому что с каждым днем круг дефицитных товаров будет все расширяться и расширяться. Деньги будут оседать у дельцов теневой экономики, но ни к государству, ни в законную экономику эти деньги возвращаться почти не будут, и чтобы залатать дыры, правительству придется все время печатать дополнительные денежные знаки. От этого инфляция будет еще усиливаться, а дела во всех уголках страны Экономика — идти все хуже и хуже...

Я собирался и дальше рассуждать на эту любимую всеми экономистами тему, но тут наша беседа была прервана резким гудком. Я поднял голову и обнаружил, что спасательный корабль уже подошел к нам.

Еще через полчаса «КУПЮРА» благополучно покачивалась на волнах, Билла и Чека перенесли на борт спасательного судна и ими занялся врач, а их место на борту катера заняли два других моряка.

Увы, у них тоже были «денежные» имена — Джон Депозит и Поль Авуар — видимо, все моряки на этой реке были членами секты златопоклонников! Оставалось только надеяться, что до конца плавания осталось недолго.

Между тем наш катер устремился вниз по течению, послушный рукам Джона, занявшего место у штурвала. Поль же занялся анализатором денег. То ли река Денег разлилась после извержения Инфляционного гейзера, то ли мы приближались к ее устью, но чем дальше мы плыли, тем больше расступались берега, пока они вовсе не скрылись из виду.

— Это что — море Денег? — прервала молчание Оля, когда наш катер стало явно покачивать на волнах.

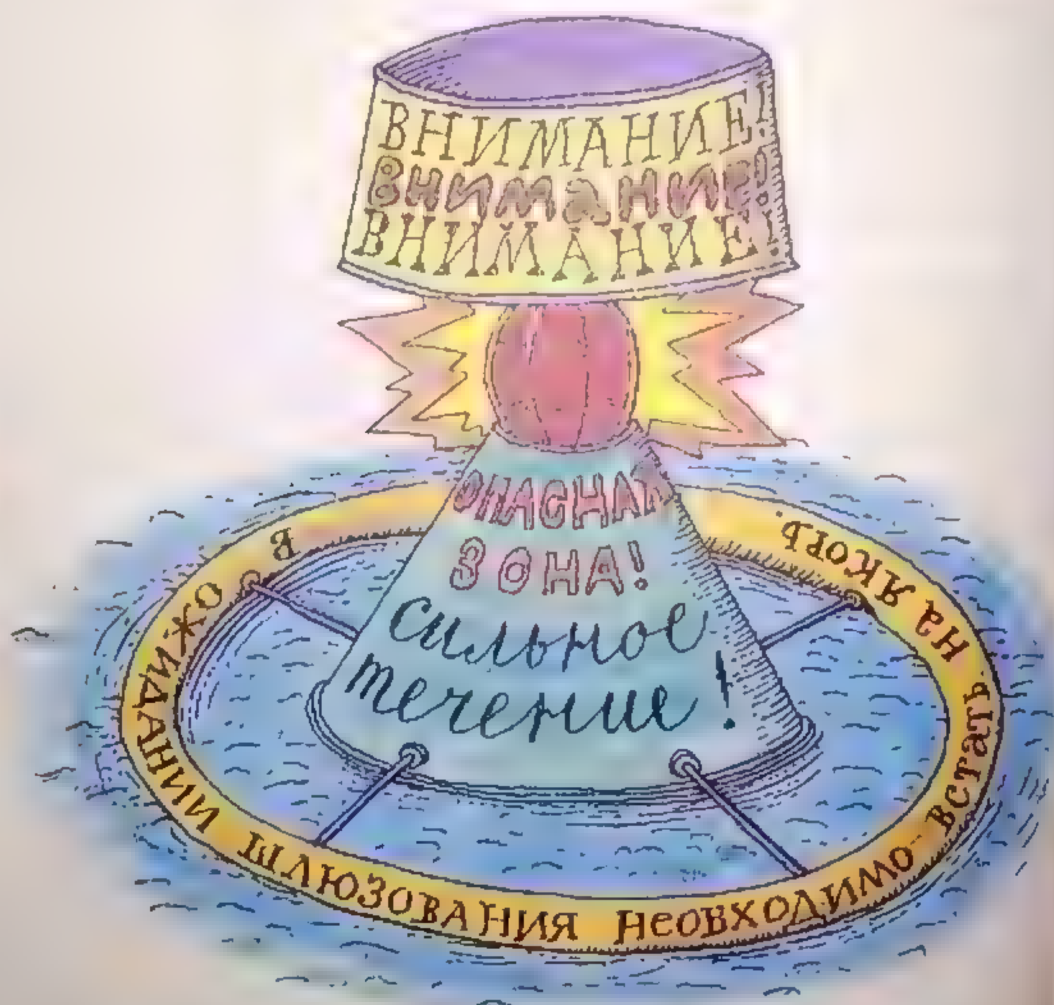
— Можно и так его назвать, но вообще-то на картах страны Экономика его обозначают как Банковское море.

Оно ведь образовалось после того, как жители этой страны решили зарегулировать реку Денег и построили Банковскую плотину и шлюзы.

— А мы пойдем через шлюз? — сразу заинтересовалась Оля, читавшая о путешествиях только в книжках.

— А как же, — отозвался Джон, — иначе ведь нельзя миновать Банковскую плотину!

Вскоре на глади реки Денег появились плавучие бакены, указывающие путь к шлюзам, а затем перед нами возник плавучий указатель с надписью:

— Течение-то здесь откуда? — удивилась Оля. — Вроде река-то равнинная.

— Это ты, конечно, права, но дело в том, что Банковская плотина не сплошная — по центру ее устроен

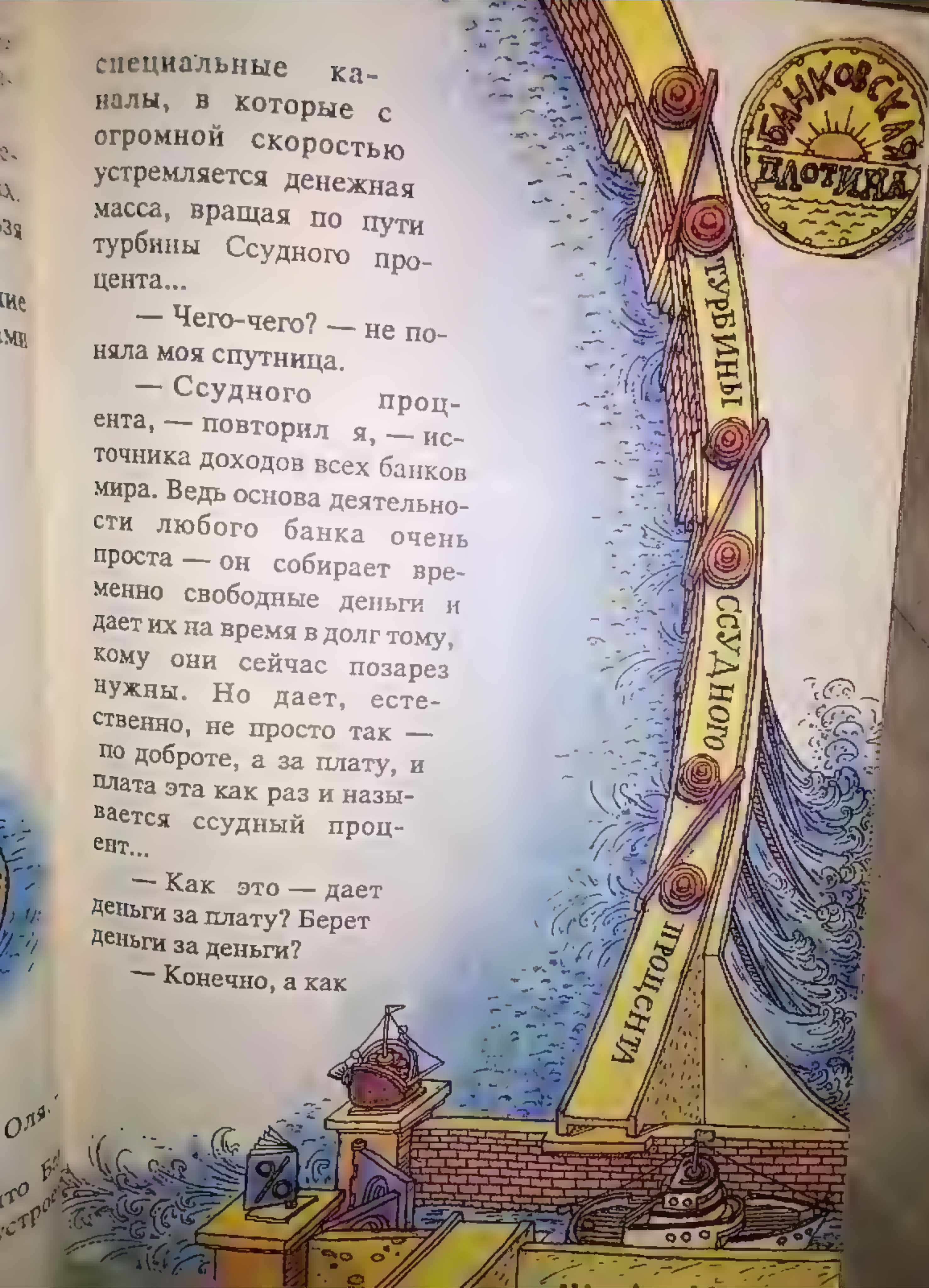
специальные каналы, в которые с огромной скоростью устремляется денежная масса, вращая по пути турбины Ссудного процента...

— Чего-чего? — не поняла моя спутница.

— Ссудного процента, — повторил я, — источника доходов всех банков мира. Ведь основа деятельности любого банка очень проста — он собирает временно свободные деньги и дает их на время в долг тому, кому они сейчас позарез нужны. Но дает, естественно, не просто так — по доброте, а за плату, и плата эта как раз и называется ссудный процент...

— Как это — дает деньги за плату? Берет деньги за деньги?

— Конечно, а как

же иначе? Ведь для человека, который берет ссуду или, проще говоря, одалживается у банка, это очень ценная услуга — без такой ссуды он не может начать какое-то большое дело. И потому он готов заплатить за эту услугу — отдать банку часть прибыли, которую смог получить благодаря своевременно взятой ссуде. С другой стороны, если бы банк не платил тем людям, которые ему самому предоставили свои временно свободные деньги, — никто бы ему ни копейки не дал! Вот ссудный процент и помогает организовать дело так, что это выгодно всем: владельцу денег, банку-посреднику и тому, кто берет ссуду.

— И все-таки я не очень понимаю, как это получается, — честно призналась Оля.

— Да очень просто. Допустим, ты положила в банк тысячу рублей и я положил столько же. Банк, приглашая нас хранить свои деньги у него, обещал, что через год выплатит нам за пользование этими деньгами, допустим, 5 процентов от принадлежащих нам сумм...

— То есть по 50 рублей? — сразу подсчитала Оля.

— Совершенно верно. И вот после этого банк одалживает наши деньги какому-то предприятию, у которого их временно не хватает, например, потому, что оно не получило денежный перевод от покупателей своей продукции, а ему самому уже надо платить за новую партию сырья. Но банк одалживает ему деньги уже под 6 процентов, то есть предприятие берет 2 000 рублей, а вернуть должно 2 120 рублей. Из этих 2 120 рублей банк положит снова на наши счета по 1 000 рублей плюс по 50 рублей — наш про-

ССУДНЫЙ ПРОЦЕНТ — Это плата, которую банкир берёт за то, что даёт деньги в долг на время. Плата устанавливается в ПРОЦЕНТАХ к той сумме, что ты ОДАЛЖИВАЕШЬ.

Не ЗАБЫТЬ!

центный доход, а 20 рублей останутся ему — это уже его собственный доход. Если учесть, что суммы кредитов ежегодно измеряются сотнями миллиардов рублей, то не трудно понять, что и доходы тут образуются очень большие... Ясно?

Тем временем подошла наша очередь на шлюзование, и Джон уверенно направил катер в распахнутые створки шлюзовой камеры. Они задвинулись за нашей кормой, и уровень денежного потока стал потихоньку опускаться, а с ним и «КУПЮРА». Минут пять Оля с любопытством оглядывалась вокруг, а потом, похоже, однообразный процесс шлюзования стал ей неинтересен, и она повернулась ко мне.

— Пап, вот что хочешь, а я никак не пойму — банк-то за что деньги получает? Ну, хозяин денег — это еще понятно, хотя тоже — он же пальцем о палец не ударяет, а ему за то, что он богатый, еще и платят...Но банк-то вообще сбоку припека — у одного взял, другому передал, и получай денежки за здорово живешь!

— Это ты зря говоришь, — вступился я за честь банкиров всего мира. — На самом деле банковское дело —одно из самых сложных в стране Экономика, и доходы свои банки получают за дело. Во-первых, надо еще суметь собрать деньги, уговорить их владельцев доверить свои сбережения чужим людям. А во-вторых, и это самое трудное, решить, кому и какую сумму денег можно дать в долг.

— И чего тут сложного? Надо давать деньги только честным и ловким хозяйственникам и все!

— Если бы

БАНК —
Это пункт проката денег, где их на время берут те, кому нужна большая сумма, чтобы начать какое-то дело или купить дорогой товар.
Такой прокат ещё называют КРЕДИТОМ.
ССУДОЙ.

...не
забыть!

все было так просто...— улыбнулся я. — На самом деле решить — кому, сколько, на какой срок и под какой процент можно ссудить деньги, чрезвычайно сложно, и потому во всем мире банковские служащие оплачиваются очень хорошо, а умелый руководитель банка ценится воистину на вес золота. Более того, во многих странах именно банки играют главную роль в регулировании экономики.

— Да как же они могут это делать? Они же не могут приказывать, кому что делать, а кому чего не делать?

— Командовать не могут, тут ты права абсолютно, а управлять могут, решая, например, за какую плату одалживать деньги. Дело в том, что в нормально управляемой экономике самый главный дефицит — дефицит денег. Если экономика идет в гору, то денег всегда оказывается меньше, чем спрос на них со стороны деловых людей. Ведь каждый из них жаждет вложить в свои операции как можно большую сумму средств, чтобы и доходов получить побольше...

— Ох-хо-хо! — внезапно тяжело вздохнула моя спутница. — Неужели же в стране Экономика у всех людей один свет в окошке — деньги, деньги, деньги?! Прямо как в старинной песенке, которую я где-то слышала:«Всюду деньги, всюду деньги, всюду деньги, господа, а без денег жизнь плохая — не годится никуда!»

— Опять ты о том же! — рассердился я. — Да пойми ты, что деньги сами по себе ни плохи, ни хороши. Но если они помогают людям жить с каждым днем все лучше, все легче, благодаря тому что с их помощью делаются нужные людям товары, за что же их клеймить? Страна Экономика устроена так, что почти везде заработать большие деньги можно лишь делая то, что нужно людям. Да, одни люди при этом оказываются несравненно богаче других и присваивают себе больше, чем по справедливости заслужили. И это одна из главных бед страны Экономика, с которой еще

предстоит в будущем справиться. Но если бы люди вообще не стремились заработать большие деньги или им это не позволяли, то бедно жили бы все — потому что никто бы особенно себя не утруждал.

В этот момент выпускные створки шлюза начали, наконец, раздвигаться, и еще через пять минут мы уже швартовались к причалу, над которым светилась крупная надпись «ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ».

Простившись с Джоном, мы устроились на ночлег в портовой гостинице. Был уже поздний вечер, но трубы не прекращали своей работы ни на минуту, напоминая огромных удавов, которые никак не могут напиться.

— Это и есть кредитные каналы? — тихо спросила Оля, встав около меня у раскрытого окна. — Как же их много! Неужели никто не может обойтись без того, кто одалживает деньги?

— Никто, — подтверждающе кивнул я головой. — Кредитами пользуются практически все, кто ведет сколь-нибудь серьезные дела в стране Экономика. Да и отдельные люди тоже охотно берут ссуды на свои личные нужды. Кредит — штука выгодная. Если, конечно, ты ведешь свои дела с умом! Кредит — это ведь прежде всего выигрыш времени: ты можешь начать дело или купить нужную тебе вещь сразу же, сегодня, не дожидаясь, пока у тебя наберется нужная сумма собственных денег. А жизнь-то коротка, да и потом — ты можешь ведь и не набрать никогда такой суммы! Начав же дело на основе кредита, ты потом легко расплатишься с банком из полученных прибылей. И ты разбогател, и банк с доходом, а значит, получат прибавку к своим деньгам и те, кто положил свои сбережения в банк на депозит, то есть на хранение...Впрочем, хватит разговоров, — прервал я сам себя, —пора спать. Завтра нам предстоит осмотр города Деловых Людей, и надо как следует отдохнуть.

И я решительно выключил свет в комнате.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой нам приходится считать горшки и кареты, а в конце концов ночевать в древнем подземелье.

Утром, позавтракав, мы вышли из гостиницы, чтобы отправиться на осмотр города Деловых Людей. Оглядевшись по сторонам, мы обнаружили, что рядом с гостиницей есть два пункта проката, где можно на время взять в пользование автомобиль. Один пункт предлагал своим клиентам роскошные спортивные лимузины с откидной крышей, хозяин этого пункта почти уже уговорил нас воспользоваться именно его услугами. Но когда он назвал свою цену, я только прищелкнул языком — денег, которые были оставлены для нас в первый день неведомыми хозяевами в автодоме, нам бы хватило лишь на два часа такой шикарной поездки. Пришлось двинуться ко второму пункту проката. Автомобили здесь были не первой молодости, но зато и плата за них, которая шла в доходы городских властей, была несравненно ниже.

Взятый нами на прокат автомобиль был весь изукрашен рекламными объявлениями разных фирм. Например, коврик на сиденье водителя сообщал: «На мне — хоть вокруг света!», а на лобовом стекле красовалась надпись:«Сквозь наши стекла мир особенно красив!» Но главное — машина была достаточно комфортабельна и даже снабжена встроенным компьютером, который, как оказалось, должен был исполнять роль экскурсовода. К своим обязанностям он приступил сразу, едва я повернул ключ зажигания. Компьютер сразу весело затикал, загружая программу работы, и на его экране появилась надпись на русском и английском языках:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

WELCOME TO BUSINESS CITY!

Затем приветствие рассыпалось на крохотные звездочки, из которых родилась новая надпись:

ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ЭКСКУРСИЮ
ПО НАШЕМУ ГОРОДУ !
ДЛЯ НАЧАЛА РЕКОМЕНДУЕМ ОЗНАКОМИТЬСЯ
С ОБЩИМ ПЛАНОМ ГОРОДА —
КЛАВИШИ «ВВОД» + «0».
ПЛАНОМ РАЙОНА «БИЗНЕС-СИТИ —
КЛАВИШИ «ВВОД» + «Б».
ПЛАНОМ РАЙОНА «ХОЗРАСЧЕТОВО» —
КЛАВИШИ «ВВОД» + «Х».
ВЫБРАВ РАЙОН ДЛЯ ОСМОТРА, НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «Ins»,
А ПОТОМ ОДНОВРЕМЕННО :
КЛАВИШИ F1 И «Б» — ДЛЯ ОСМОТРА «БИЗНЕС-СИТИ».
КЛАВИШИ F1 И «Х» — ДЛЯ ОСМОТРА «ХОЗРАСЧЕТОВО»

Оля нажала клавиши «ВВОД» и «0», и на экране вспыхнул план города Деловых Людей. Города с такой странной планировкой мы никогда не видывали.

Словно разрезанное пополам яблоко, он раскинулся по обе стороны от стены, рассекшей его посередине. Оба района города были одинаковыми по размерам и внешним очертаниям. Районы были со всех сторон окружены широкими рвами с водой, и въехать в них можно было только через одни ворота, обращенные к порту.

— Город-крепость... — протянула Оля, вглядываясь в экран дисплея.

— Похоже, — согласился я. — Но нас туда готовы пустить, хотя здесь и не очень жалуют праздных гуляк. Здесь живут люди, для которых девиз «Время — деньги !» — не пустые слова. Ну что, будем рассматривать планы каждого из районов или сразу поедем на осмотр «БИЗНЕС-СИТИ»?

— Поедем! Чего зря время терять...

Я коснулся рекомендованных компьютером клавиш, и на экране возник план района «БИЗНЕС-СИТИ». При этом на него уже был нанесен красной пунктирной линией наилучший маршрут экскурсии. Едва я тронул автомобиль с места, как на этой линии вспыхнул зеленый квадратик, который, как мы вскоре поняли, должен был показывать местонахождение нашего автомобиля в данный момент. С таким компьютерным лоцманом ехать было одно удовольствие, и вскоре мы уже лихо промчались сквозь ворота, ведущие в «БИЗНЕС-СИТИ».

А еще через несколько минут, после очередного поворота шоссе, мы подъехали почти вплотную к той громадной стене, которая делила город Деловых Людей пополам.

Впрочем, сказать, что мы подъехали к этой стене вплотную, можно было лишь с натяжкой. На самом деле к ней и подойти-то было нельзя — от шоссе ее отделял глубокий ров. А за ним высился забор из нескольких рядов колючей проволоки, натянутой между сторожевыми вышками, на которых были установлены крупнокалиберные пулеметы. На обочине шоссе высился огромный дорожный указатель:

Такую серьезную охрану мы в стране Экономика увидели впервые — даже река Денег охранялась слабее. Не удивительно поэтому, что Оля оробела и попросила меня остановиться.

— Зачем здесь такая охрана? Это что — секретный завод? Или здесь хранят золото?

— Ни то ни другое, — улыбнулся я. — Хотя, если ты присмотришься, то увидишь, что вся стена действительно состоит из сейфов для хранения ценностей. Но лежат в этих сейфах не золотые слитки, не бриллианты, а...бумага.

— Бумага? — недоверчиво повернулась ко мне Оля. — Обычная бумага?

— Конечно, не обычная. Здесь хранятся документы, которые подтверждают право жителей «БИЗНЕС-СИТИ» владеть, пользоваться и распоряжаться землей, лесами, фабриками, магазинами, банками и многим еще другим. Проще говоря, в этих сейфах лежат права местных жителей на частную собственность, с помощью которой они зарабатывают деньги.

— А что такое частная собственность?

— О, это основа основ всей жизни в «БИЗНЕС-СИТИ»!

— А почему?

— Видишь ли, именно право частной собственности обеспечивает получение некоторыми жителями «БИЗНЕС-СИТИ» больших доходов. Чтобы ты не запуталась, сразу скажу, что есть собственность личная и собственность частная. Личная собственность — это твое имущество, которое нужно тебе для жизни, например одежда, посуда, личный автомобиль и даже собственный дом. Но вот если ты поку-

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — это то, чем люди владеют, пользуются и распоряжаются, для того чтобы зарабатывать ДЕНЬГИ.

НЕ ЗАБЫТЬ!

паешь грузовой автомобиль, который будешь использовать для перевозки грузов за плату, — этот грузовик уже считается твоей частной собственностью. Я понятно объясняю? Ты улавливаешь разницу?

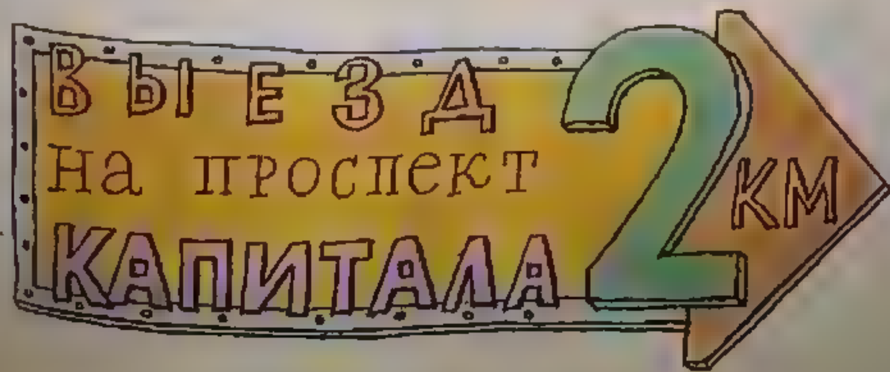
— А чего тут сложного, — небрежно повела плечом Оля, —частная собственность — это то, что используется для получения заработка, верно ведь?

— Вот именно, — удовлетворенно кивнул я головой. — И потому для богатых граждан «БИЗНЕС-СИТИ» частная собственность куда важнее личной. Личная собственность может сгореть, ее могут украсть. Это несчастье, но если ты сохранил свою частную собственность, то получишь от нее новые доходы и восстановишь утраченное. А вот если тебя лишат частной собственности...

Договорить я не успел — компьютер издал резкий звук и на экране вспыхнула рамка с надписью:

ПРОЕЗЖАЙТЕ ДАЛЬШЕ !!!
СТОЯНКА У СТЕНЫ СОБСТВЕННОСТИ ЗАПРЕЩЕНА.
ОХРАНА СТРЕЛЯЕТ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ !!!

Таких строгостей я не ожидал. Но спорить было некогда, и через мгновение наш автомобиль снова мчался по шоссе, удаляясь от стены из сейфов. Вскоре над дорогой мы увидели большой указатель:

Плавный поворот налево — и мы оказались на широком проспекте, застроенном небоскребами с зеркальными стеклами.

— Роскошные здания! — протянула Оля, с интересом оглядываясь вокруг.

— Конечно. Тут же все нашпиговано деньгами — едем-то мы с тобой по проспекту Капитала.

— «Капитал» — это, кажется, по-английски значит «столица»? —решила блеснуть своей ученостью моя спутница.

— Верно, но к названию этого проспекта такое значение данного слова никакого отношения не имеет. Предок у этих слов общий —латинское слово «капиталис», что означает «главный». Вот только в «БИЗНЕС-СИТИ» слово это приобрело значение не географическое, а сугубо экономическое. Оно стало обозначать действительно самое главное для тех людей, которые здесь живут.

— И это, небось, опять деньги, — иронически усмехнулась Оля.

— Да, деньги, но не простые, а...

— Золотые! — хихикнула Оля.

— Работающие, — не дал я сбить себя с возвышенного тона.

— Как это «работающие»? — искренне удивилась Оля. — Как же это бумажка может работать, у нее же и рук-то нет?!

— Это ты не права — денежка денежке рознь, хотя и отличаются они только номерами и сериями. В стране Экономика — и особенно в городе Деловых Людей — жители четко различают

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — это когда земля, заводы или магазины принадлежат всему народу страны. Это и ХОРОШО, потому что, если эту собственность используют с толком, богатеют все жители страны, и ПЛОХО, так как то, что принадлежит всем, обычно используют плохо, а от этого бедствуют все.

НЕ ЗАБЫТЬ!

деньги живые и мертвые, деньги-лентяи и деньги-труженики, деньги реальные и деньги «дутые», как воздушный шарик. Иначе и быть не может — без тонкого чутья на деньги, чутья не хуже, чем у создателя дамских духов, — стать деловым человеком невозможно. Истинный бизнесмен должен отличать деньги, пахнущие убытками, от денег, источающих сладостный аромат доходов.

— Странно, — задумалась Оля. — Мне-то казалось, что деловой человек занимается прежде всего не деньгами — он же не банкир, так? Он должен делать ДЕЛО — создавать заводы, организовывать выпуск товаров, налаживать их перевозки и продажу. Конечно, без денег ему не обойтись, это я понимаю, но это, по-моему, все-таки не главное. Или нет?

— Или нет! — передразнил я ее. — В конечном счете деловые люди занимаются именно тем, о чем ты говорила, но деньги для них вовсе не второстепенная забота, как тебе кажется, а самый главный инструмент в работе. Деньги нужны всем, на них можно купить все и потому, когда они попадают в руки деловому человеку, то сразу начинают действовать как магнит и притягивают к себе все, что нужно для организации любого ДЕЛА. Такие деньги получают титул КАПИТАЛА, а капитал в «БИЗНЕС-СИТИ» — главный двигатель деловой жизни. Это и есть работающие деньги, в отличие от денег-лентяев, лежащих мертвым грузом в сундуках у «скупых рыцарей». Если бы надо было придумать девиз для жителей этого района, то лучше всего им подошли бы слова, написанные великим Уильямом Шекспиром:

НЕ ЗАБЫТЬ!

ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — это всё, чему я хозяйка, чем могу распоряжаться, как хочу только я. Это может быть и одежда, и завод, но тогда завод чаще называют ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ, потому что я им не просто владею, но ещё зарабатываю с его помощью ДЕНЬГИ.

Зарытый клад ржавеет и гниет,
Лишь в обороте золото растет!

— Как — в обороте? — не поняла Оля.

— Видишь ли, капитал тем и отличается от просто денег, что он все время в движении, заставляя крутиться всех жителей страны Экономика. Его вкладывают в дело, чтобы купить станки, металл, заплатить рабочим и так далее. И этот вечный кругооборот капитала — основа жизни здешних горожан, которые тратят все свои силы, чтобы кругооборот не прекращался ни на минуту!

Убаюканный безукоризненным асфальтом проспекта Капитала, я набрал большую скорость, но неожиданно пришлось резко затормозить, потому что внезапно я обнаружил, что пути вперед нет — проспект уперся в высоченную решетку. С визгом тормозов наш автомобиль застыл, едва не врезавшись в нее. То, что мы увидели, поразило нас.

За решеткой простиралась большая площадь, с трех сторон огражденная высокой стеной из черного мрамора. Поверхность этой стены была украшена золотыми знаками, в которых я узнал символы денег разных стран и изображения наиболее знаменитых монет всех времен и народов. На площади было много фонтанов, из которых били разноцветные денежные потоки, вздымаясь в высоту метров на пятнадцать. Но главная диковинка была расположена в самом центре площади. Там, облицованный разноцветным мрамором, находился огромный бассейн, а в центре его возвышался большой стеклянный купол, увенчанный хрустальным шпилем. Видимо, искусные мастера нанесли на шпиль тончайшие алмазные грани, потому что в лучах солнца он переливался всеми цветами радуги, бросая блики и на камни площади, и на мраморную стену. Бассейн был так велик, что по нему свободно плавали лодки с такими же, видимо, как мы, экскурсантами.

Надо ли говорить, что мы захотели к ним присоединиться, чтобы вблизи рассмотреть купол и то, что было под ним. А о том, что под куполом было что-то интересное, неопровержимо свидетельствовал маршрут экскурсионных лодок — все они, выстроившись в цепочку, медленно плыли вокруг основания купола.

Увы, когда мы вышли из автомобиля и попытались найти вход на площадь, все наши поиски оказались безуспешными. В решетчатой стене не было даже самой маленькой калитки. Правда, мы обнаружили мощный подъемник для экскурсионных лодок, и в его «лапе» на земле как раз была свободная лодка. Но вокруг не было ни кассы, ни экскурсовода, которые могли бы объяснить нам, как запустить подъемник, чтобы он перебросил нас через стену и доставил до бассейна. В конце концов на свой страх и риск мы забрались в лодку сами.

Едва мы опустились на сиденья, задев, наверное, какие-то скрытые датчики, как на приборной панели лодки ожил компьютер. Загрузив пусковую программу, он издал мелодичный сигнал, а на его экране появилась надпись:

ДОПУСК НА ЭКСКУРСИЮ
ВОКРУГ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО КУПОЛА
РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ДАСТ ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ
НА СЛЕДУЮЩУЮ ЗАДАЧУ:
СТАРИК ОТЕЦ ПРИЗВАЛ К СЕБЕ ДВУХ СЫНОВЕЙ — ГАНСА И ПИТЕРА И СКАЗАЛ: « Я РЕШИЛ ОСТАВИТЬ ВСЕ СВОЕ НАСЛЕДСТВО ТОМУ ИЗ ВАС, КТО СУМЕЕТ ЛУЧШЕ ВЕСТИ СОЗДАННОЕ МНОЮ ДЕЛО. И ПОТОМУ Я ХОЧУ ВАС ИСПЫТАТЬ.
Я ДАЮ КАЖДОМУ ИЗ ВАС ПО ТЫСЯЧЕ ДУКАТОВ И ОТПУСКАЮ НА ГОД. РОВНО ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИЙТИ КО МНЕ И РАССКАЗАТЬ, КАК ИСПОЛЬЗОВАЛИ ЭТИ ДЕНЬГИ И ЧЕГО ДОБИЛИСЬ».

СПУСТЯ ГОД СЫНОВЬЯ ПРЕДСТАЛИ ПЕРЕД ОТЦОМ
И ГАНС СКАЗАЛ: « ОТЕЦ, Я КУПИЛ КАРЕТНУЮ
МАСТЕРСКУЮ, СТАЛ ПОСТАВЩИКОМ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
И ЗА ГОД ПРОДАЛ КАРЕТ НА 1000 ДУКАТОВ».
« А Я, — СКАЗАЛ ПИТЕР,—
КУПИЛ ГОНЧАРНУЮ МАСТЕРСКУЮ И ЗА ГОД ПРОДАЛ
ГОРШКОВ НА 500 ДУКАТОВ».
КОМУ ИЗ БРАТЬЕВ ОТЕЦ ЗАВЕЩАЛ ВСЕ СВОИ ДЕНЬГИ?
ВПИШИТЕ В КОНЦЕ СТРОКИ ИМЯ ЭТОГО БРАТА
И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»
ЕСЛИ ВАМ НУЖНО:
УВИДЕТЬ ПОРТРЕТЫ БРАТЬЕВ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F2.
ВКЛЮЧИТЬ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F3.
ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ —
НАЖМИТЕ F1

Оля решила посмотреть портреты братьев. Она нажала клавишу F2, и текст задачи растаял на экране, сменившись портретами Ганса и Питера. Ганс предстал на экране одетым в изысканный старинный костюм, с толстой золотой цепью на шее. Питер был одет куда скромнее, хотя тоже вполне добротно. Бегло взглянув на братьев, Оля выполнила задание компьютера и уверенно впечатала в указанное место имя «ГАНС», а потом нажала клавишу «ВВОД». Экран потемнел, и на нем появилось изображение какого-то старика, наверное, отца Ганса и Питера. Старик огорченно покачал головой и исчез с экрана, а вместо него появилась надпись:

К СОЖАЛЕНИЮ, ВАШ ОТВЕТ ОШИБОЧЕН.
НАСЛЕДНИКОМ СТАЛ ПИТЕР.
У ВАС ОСТАЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ СПОСОБ ПОПАСТЬ
НА ЭКСКУРСИЮ!

ДЛЯ ЭТОГО ВЫ ДОЛЖНЫ ОТВЕТИТЬ —
ВО СКОЛЬКО РАЗ ЛУЧШЕ
ПИТЕР ИСПОЛЬЗОВАЛ ПОЛУЧЕННУЮ ИМ ТЫСЯЧУ ДУКАТОВ
ПО СРАВНЕНИЮ С ГАНСОМ?
ВПИШИТЕ ВАШ ОТВЕТ НА ПУСТОЕ МЕСТО В КОНЦЕ СТРОКИ
И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД» ЕСЛИ ВАМ НУЖНО:
УВИДЕТЬ ПОРТРЕТЫ БРАТЬЕВ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F2.
ВКЛЮЧИТЬ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР —
НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F3.
ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛН...ТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ —
НАЖ... 1

— Как это Питер? — удивилась Оля. Ганс же выручил за проданные товары в два раза больше денег, так? Значит, он организовал свое дело лучше. Ведь даже сам король сделал его своим поставщиком. А этой чести, ты мне сам говорил, удостаивались лишь самые лучшие коммерсанты. И одет он на портрете куда богаче...

— Ну, одежда еще ничего не значит, — пожал я плечами. — Да и звание королевского поставщика хотя и почетно и говорит о высоком качестве товаров, но само по себе еще не свидетельствует о коммерческом успехе.

— А что свидетельствует? И как тогда надо рассуждать?

— Для начала давай-ка попробуем запросить у компьютера дополнительную информацию, — уклонился я от прямого ответа на этот вопрос, — тогда видно будет. Ведь не зря же компьютер предложил нам такую возможность...

НЕ ЗАБЫТЬ!

КАПИТАЛ — Это деньги, которые вкладываются в дело, чтобы заработать ещё больше денег. Так капитал всё время и крутится, превращаясь в станки, потом в товары, потом снова в деньги, но уже, если повезло, — в большую сумму. И называется это КРУГООБОРОТ КАПИТАЛА.

Оля послушно коснулась клавиши F1, и на экране компьютера появился новый текст:

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ БРАТЬЕВ
ЗА ГОД:
ГАНС: ИЗГОТОВИЛ 5 КАРЕТ, ПРОДАЛ КАЖДУЮ
ЗА 200 ДУКАТОВ.
СЕБЕСТОИМОСТЬ ОДНОЙ КАРЕТЫ 180 ДУКАТОВ.
ПИТЕР: ИЗГОТОВИЛ 1000 ГОРШКОВ, ПРОДАЛ КАЖДЫЙ
ЗА 0,5 ДУКАТА.
СЕБЕСТОИМОСТЬ ОДНОГО ГОРШКА 0,3 ДУКАТА

— Какое смешное слово — «себестоимость», — вдруг улыбнулась дочь. — А «тебестоимость» или «имстоимость» может быть?

— Вовсе оно не смешное, — не поддался я на Олину игру словами. — А очень даже важное для делового человека — ведь им обозначают то, во сколько обошлось фабрике или мастеру-одиночке изготовление товара. Вот, например, Питер продавал каждый горшок за полдуката. Но это же не значит, что вся эта выручка могла быть им использована как вздумается, например на развлечения или покупку новой шляпы. Вовсе нет, потому что 0,3 дуката у него каждый раз уходило на расплату за ту глину, которую он купил для горшков, и дрова, которые он купил для своего гончарного горна, где он обжигал эти горшки. Значит, свободными из каждых полдуката у него оставалось лишь 0,2 дуката. Это была уже его собственная прибыль. Вот теперь и скажи, кто из братьев хозяйствовал лучше?

— Да? — удивленно взглянула на меня Оля. — Только я все равно не понимаю, как же это можно подсчитать...

— Ладно, я тебе помогу. Вот смотри, как рассуждают профессиональные экономисты и деловые люди, когда решают такую задачу. Значит, так. Давай прежде всего уточним, сколько каждый из братьев получал прибыли от продажи одной штуки своего товара — кареты и горшка. Про Питера мы уже выяснили, а сколько получал Ганс?

— 20 дукатов, — сразу выпалила Оля. — 200 дукатов минус 180. Верно?

— Да, конечно. Теперь нам надо подсчитать, сколько же всего прибыли получили Ганс и Питер за год. Это ты можешь подсчитать сама?

— А чего тут сложного, — пожала плечами Оля. — Умножить прибыль с одной штуки на количество карет и горшков и получится... получится... Получится, что Ганс заработал 100 дукатов прибыли, а Питер — 200. Это что ж, горшки принесли прибыли в 2 раза больше, чем королевские кареты?! Вот это да!

— Неожиданно, не правда ли? — усмехнулся я. — Но в стране Экономика так чаще всего и бывает — самые большие деньги зарабатывает не тот, кто делает самые дорогие товары, которые и купить-то могут немногие, а тот, кому удалось выпустить большое количество товаров, пусть даже и дешевых. Тут все как у пчел — каждая приносит крохотную порцию пыльцы, но поскольку пчел очень много, то в итоге набирается полный улей душистого меда. А теперь нам остается сделать последний ход в решении задачи...

НЕ ЗАБЫТЬ!

ПРИБЫЛЬ – это то, насколько больше денег удалось выручить за товар по сравнению с себестоимостью. Значит, прибыль – это выручка от продажи минус себестоимость. Прибыль – источник доходов деловых людей.

Наклонившись над компьютером, Оля уверенно нажала несколько клавиш, вводя решение. Сразу же мотор подъемника ожил, металлическая лапа, в которой находилась наша лодка, начала медленно подниматься вверх, и вскоре она уже закачалась на денежной глади бассейна.

Я осмотрел лодку и увидел на передней панели 4 разноцветные кнопки. На зеленой было написано «Осмотр купола», на красной — «Окончание осмотра», на голубой значилось слово «Погружение», а на белой — «Всплытие».

— Батюшки! — всплеснула руками Оля. — Это что — подводная лодка?!

— Похоже, — слегка обескураженно ответил я. — Но давай пока нырять не будем, а внимательно осмотрим купол, ладно?

— Ладно, — согласилась моя спутница и коснулась клавиши «Осмотр купола». Наша лодка сама включила мотор и уверенно поплыла прямиком к прозрачной стене купола, около которой она сделала плавный поворот и двинулась почти вплотную к стеклу, давая нам возможность полюбоваться открывшейся картиной.

А посмотреть тут действительно было на что! Купол, оказывается, был врезан в свод гигантского подземелья, на

дне которого раскинулось большое озеро идеально круглой формы. В него «впадали» четыре мощные денежные реки, мчавшиеся по толстенным стеклянным трубам. Только в одной трубе, которая, как мы поняли, начиналась где-то под проспектом Капитала, денежный поток заполнял весь объем трубы. В других же трубах, насколько мы видели, уровень денежного потока был куда ниже, и по его поверхности плыли баржи и лодки. — Что это, папа? — прошептала Оля, восторженно разглядывая подземное озеро.

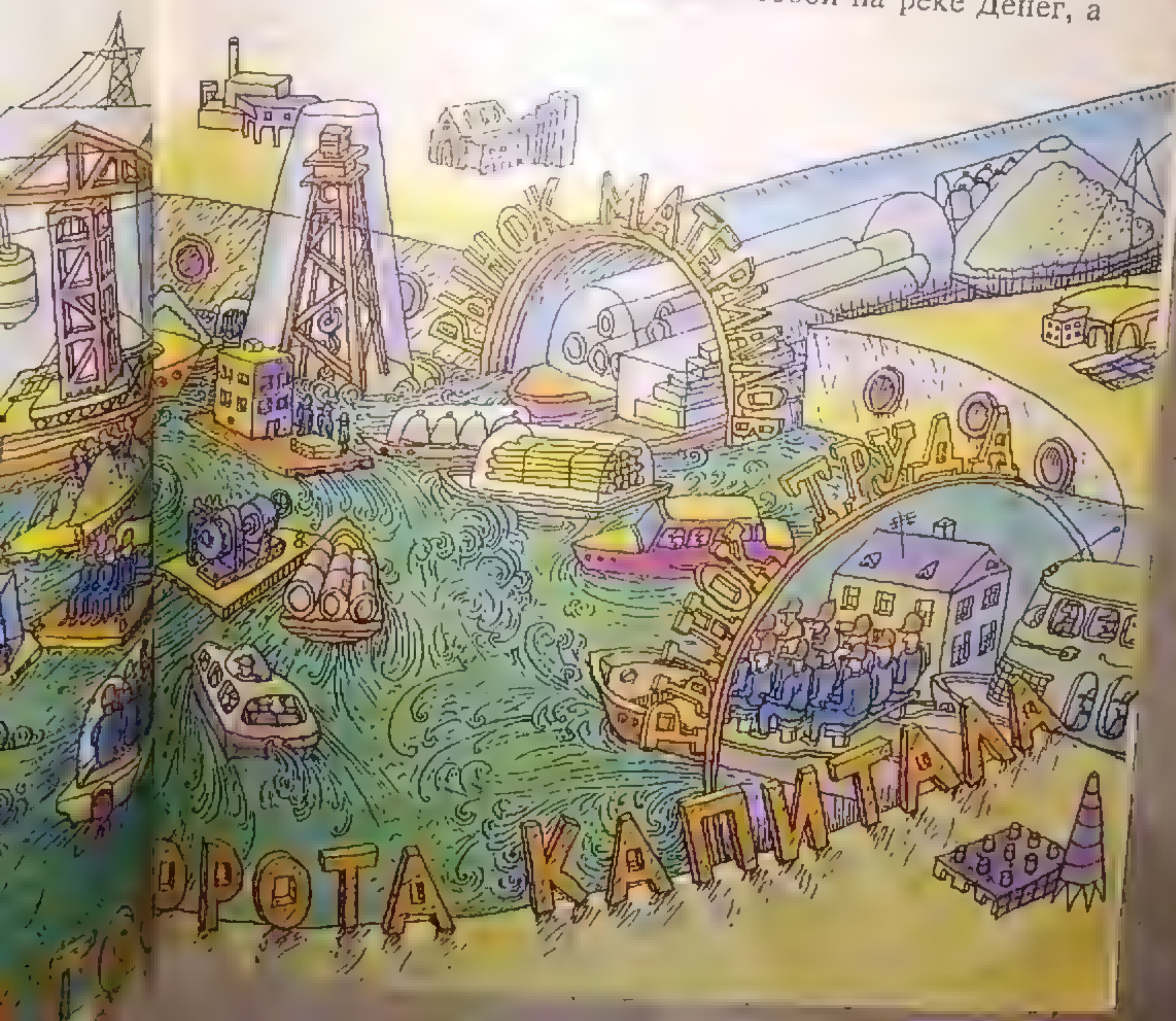
— Это сердце «БИЗНЕС-СИТИ» — бункер Кругооборота

Капитала. Именно здесь каждый житель ежедневно сдает экзамен на деловую хватку, именно здесь определяется, как каждый из них будет жить завтра.

— Но что же здесь происходит, в этом бункере-то? По-моему, здесь крутится такая же воронка денег, как у статуи Бога Денег, вот и все...

— Ничего подобного! Сходство чисто внешнее. На самом деле кругооборот денег и кругооборот капиталов — две совершенно разные вещи. Здесь ведь деньги, ставшие капиталом, затягивают в свой плен не случайных путешественников, какими были мы с тобой на реке Денег, а

все то, без чего невозможно организовать производство товаров. Сюда по трубам, ведущим от главных рынков страны Экономика: Рынка Труда, Рынка Машин, Рынка Материалов и Рынка Денег, поступает все то, что нужно деловому человеку для того, чтобы начать делать товары.

— Папа, — перебила меня Оля, — а давай туда нырнем! Ну, можно я нажму на кнопку «Погружение», ну пожалуйста!

— Я не знаю, — неуверенно пожал я плечами, — вообще-то этот бункер не такое безопасное место, как тебе кажется...

Но мои слова не произвели на Олю должного впечатления, и она побыстрее (а вдруг я ей все-таки запрещу?) нажала на голубую клавишу. От этого при-

косновения наша лодка замерла как вкопанная, и из ее кормы начала быстро выползать стеклянная крыша. Как только она полностью закрыла кабину, наш кораблик начал погружаться в денежный поток. Пока шло погружение, делать нам было совершенно нечего, и даже мелькавшие иногда во тьме силуэты других подводных лодок не вносили разнообразия в наше ожидание.

— Послушай, папа, — прервала молчание Оля, — а зачем вообще все это сооружение устроено под землей? Разве не проще было просто вырыть каналы и сделать искусственное озеро на поверхности земли?

— Проще-то проще, но вот было ли бы это лучше? Видишь ли, подземелье, в которое мы с тобой сейчас спускаемся, это довольно секретное место, и посторонние глаза здесь никому не нужны...

— Секре-е-етное?! — удивленно протянула Оля. — И что ж тут может быть секретного-то? Подумаешь, собирают вместе рабочих, станки и металл, чтобы что-то сделать. Не ракеты же тут делают, так ведь?

— Порою и ракеты, и авианосцы, что

закажут, — кивнул я, — но дело, конечно, не в этом. Просто деловая жизнь всегда связана с массой секретов, их так и называют — коммерческие тайны. Любая фирма обязана отчитываться о результатах своей работы, но вот как она добивается успеха — это ее тайна. Вокруг ведь много конкурентов, и никто не хочет, чтобы они узнали о том, какими способами удалось завоевать покупателей, по какой цене продан товар и какие планы есть у фирмы на будущее. А конкуренты, наоборот, стараются все это выведать и занимаются промышленным шпионажем.

Я замолк, потому что в этот момент мы оказались, наконец, на просторе бункера Кругооборота Капитала. Едва мы выплыли из трубы, как наш бортовой компьютер издал резкий сигнал и на его экране вспыхнула надпись:

ПОГРУЖЕНИЕ ЗАКОНЧЕНО. ДО ВСПЛЫТИЯ ВАМ НАДО УПРАВЛЯТЬ
ЛОДКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНО. НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗАДАЕТСЯ
КЛАВИШАМИ. СКОРОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ
ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ НАЖАТИЯ НА КЛАВИШУ «ВВОД».
АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС ПРОДУКТОВ И ВОДЫ —
В СЕЙФЕ ПОД ВАШИМИ СИДЕНЬЯМИ.
ЧТОБЫ ЕГО ОТКРЫТЬ, НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F1.
ВНИМАНИЕ!!!
НАЖАТЬ КНОПКУ «ВСПЛЫТИЕ» ВЫ СМОЖЕТЕ ЛИШЬ
В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ СУМЕЕТЕ ПОПАСТЬ
В ОДНУ ИЗ ТРУБ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА.
ЖЕЛАЮ КОММЕРЧЕСКОГО УСПЕХА !!!

— А это что еще за трубы? — повернулась ко мне Оля, которую сообщение компьютера, видимо, удивило, но не напугало.

— Думаю, что это вон те трубы, которые ты увидишь, если поднимешь голову повыше.

— Но они же над уровнем денег в этом бункере! Как же мы можем туда вплыть?

— Видишь ли, время от времени уровень денежной массы здесь повышается, и тогда эти трубы начинают работать. Более того, можно сказать, что ради этих труб и сооружен весь этот гигантский бункер. Они предназначены для отсоса прибавочного продукта — источника всех богатств в стране Экономика. Дело в том, что периодически стоимость содержимого этого бункера становится больше, чем была раньше, до того, как новая порция капитала была потрачена на организацию выпуска товаров на этих плавучих платформах-пристанях.

— А как же это может быть?

— Видишь ли, люди, которые трудятся на этих платформах, ежедневно творят маленькое волшебство — создают новые ценности, из которых складывается богатство всего общества. И как ты думаешь, что это за ценность?

— Они что — добывают золото? — непонимающе посмотрела на меня моя спутница.

— Нет! Настоящее богатство общества вовсе не золото, а то количество нужных людям товаров, которое было дополнительно произведено в стране по сравнению с тем, что было затрачено на их выпуск. Ведь именно эти дополнительные товары дают людям возможность не только поддерживать прежнее благосостояние, но и жить с каждым годом все лучше и комфортабельнее. А не будь этих товаров, зачем тебе было бы золото? Маялась бы ты, как царь Мидас...

— А что с ним случилось?

— Ну что ты — это же одна из самых знаменитых легенд Древней Греции! По преданию, этот царь оказал услугу богу Дионису, и тот в награду предложил Мидасу

выбрать себе любой дар. Ну, тот и выпросил себе у бога дар превращать в золото все, к чему он прикоснется...

— Ух ты, как хитро придумал!

— Ты так думаешь? Но на деле оказалось, что это очень коварный дар. Ведь золотыми становились и та еда, и то питье, которые Мидас брал себе в рот. Короче говоря, Мидас быстро понял, что ему с таким даром придется погибнуть с голоду, пусть все вокруг и будет золотым. Так что Мидас сразу же стал умолять Диониса пощадить его и забрать тот дар назад. Еле упросил...

— И к чему ты клонишь?

— Да к тому, что государство богато не тогда, когда в его казначействе лежат штабеля холодных и сверкающих золотых слитков, а когда с каждым днем производится все больше хороших товаров.

— Ой, подожди, папа, что-то мне эти твои слова напоминают очень знакомое, но я никак не вспомню, что!

— Я тебе скажу, что — знаменитые строчки из пушкинского «Евгения Онегина», когда поэт пишет, что его герой ко всему прочему:

... был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

— Папа, но Пушкин-то писал о простом продукте, а ты все время говоришь о каком-то прибавочном. Это что — одно и то же?

— Не совсем. Простой продукт, о котором писал Пушкин, это все, что

НЕ ЗАБЫТЬ!

КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА — это секреты каждой фирмы, позволяющие ей добиваться успеха в борьбе с конкурентами. За коммерческими тайнами охотятся ПРОМЫШЛЕННЫЕ ШПИОНЫ, которых и нанимают КОНКУРЕНТЫ.

страна произвела, допустим, за год: все станки, весь уголь, вся обувь и весь хлеб. А прибавочный продукт — вслушайся в само слово! — это то, что стране удалось произвести дополнительно.

— А откуда же взялся этот прибавочный продукт?

— Да я же тебе только что говорил — его создают люди своим трудом. Видишь ли, уже много тысячелетий назад люди стали настолько искусны в своей работе, что смогли изготавливать товаров больше, чем им было нужно для того, чтобы не умереть от голода и холода, то есть сверх, как говорят экономисты, прожиточного минимума. И вот тогда начался новый этап в жизни человечества —этап роста благосостояния. Дополнительный товар сверх прожиточного минимума дал возможность людям с каждым днем жить все лучше и лучше. И чем искуснее трудились люди, чем совершеннее были те машины, которые они придумывали себе в помощь, тем больше товаров они производили и тем лучше становилась жизнь человечества. Шел этот процесс непросто, да и делился прибавочный продукт между людьми не поровну, а потому одни богатели быстрее, а другие еле-еле выползали из нищеты. И все же если сегодня мы живем не в пещерах и ходим одетые не в зловонные шкуры животных, то достигнуто это благодаря прибавочному продукту.

— А почему его делят не поровну?

— Там, где существует частная собственность, дележка прибавочного продукта идет по принципу: кто вложил в ДЕЛО больше капитала, тот и получает большую долю прибавочного продукта.

— Ну, а если я ничего не вкладывала, а просто работала?

— Тогда тебе достанется только заработная плата, большая или меньшая, это уж зависит от того, КАК ты работаешь и чего удалось тебе добиться от хозяина, на которого ты работаешь. Впрочем, об этом у нас с тобой еще

будет время поговорить, а пока что не пора ли нам всплывать?

Оля молча кивнула головой, задумавшись, похоже, над тем, что я ей только что рассказал, а я начал манипулировать клавишами на пульте компьютера, стараясь подобраться ко входу в туннель. Все мое внимание было приковано к заветным отверстиям труб, и потому я не заметил вовремя, как ведет себя денежный поток вокруг нашей лодочки. Когда же понял, что происходит, было уже поздно — мы оказались в центре бешено закрутившегося водоворота, и через минуту нас уже в него засосало. Наш кораблик крутило так быстро, что мы даже не видели, куда нас несет. Оставалось надеяться только на прочность корпуса нашей мини-подлодки. Оля прижалась ко мне, и мы предоставили себя на произвол судьбы...

Водоворот утих так же внезапно, как и возник, и наша лодочка освобожденно закачалась на волнах. Мы огляделись вокруг и не узнали места, где находимся. Это была мрачная пещера, освещенная гирляндами тусклых красных ламп, какие обычно применяют для аварийного освещения. В свете этих ламп поблескивали створки металлических щитов, закрывавших входы в туннели. Лишь в одном месте выход из пещеры был открыт, и над ним светился транспарант с надписью «Для хронических безработных». Эта надпись и помогла мне понять, куда мы попали, и потому когда Оля повернулась ко мне с тревожным вопросом в глазах, я уже был готов к ответу.

— Это Биржа Труда, и все, кого ты видишь вокруг нас — безработные...

Я повертел рукой вокруг, указывая Оле на огромное количество таких же или похожих на нашу лодочек, которые колыхались на денежных волнах по всей поверхности пещеры.

— А что произошло с нами, как мы сюда попали? — наконец подала голос Оля.

— Думаю, что нас засосало в воронку, вызванную банкротством какого-то предприятия. Это самое неприятное, что могло нас поджидать в этой экскурсии...

— Почему?

— Да потому, что из этой пещеры есть только два выхода. Один — через любые из этих стальных ворот снова в бункер Кругооборота Капитала, а потом на поверхность земли и дальше по стране Экономика. Второй — через вон то отверстие для хронических безработных — в лощину Общественного Потребления. Туда приходится плыть тем, кто проел все свои аварийные запасы, но не сумел выбраться с Биржи Труда. В лощине Общественного Потребления они получают помощь — пособие по безработице, которое позволяет им не умереть от голода и снова вернуться сюда, чтобы попытать счастья вновь и вновь...

— А почему это называется биржей? На бирже ведь торгуют товарами, мы же с тобой сами видели в Купцовске. А тут только люди. Но человек же не товар? Или здесь торгуют рабами? — голос Оли испуганно задрожал.

— Когда-то здесь действительно торговали рабами, — кивнул я головой. — Пещера-то эта очень древняя — ей тысячи лет, и когда-то ее освещали не лампы, а смоляные факелы и потому потолок ее такой черный. В него въелась копоть тех факелов, при свете которых были проданы многие поколения рабов и крепостных. Но сейчас работорговля в стране Экономика запрещена. И тем не менее на Бирже Труда торг не прекращается ни на один день. Вот только продают уже не человека, а его рабочую силу или, проще говоря, — способность человека выполнять ту или

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — *Это излишек, который людям удаётся произвести по сравнению с тем, что им нужно для сохранения уровня жизни, к которому они привыкли. Это и есть тот источник, за счёт которого человечеству удаётся жить век от века всё лучше и лучше.*

НЕ ЗАБЫТЬ!

иную работу. Покупатели же на рынке труда — деловые люди, которые обладают капиталом и тратят его на то, чтобы нанять людей, способных работать на их фабриках, фермах, в магазинах...

— И почему же тогда из этой пещеры так трудно выбраться? Почему здесь так много безработных?

— Видишь ли, сегодняшняя страна Экономика устроена так, что деловым людям выгодно постоянно держать часть людей безработными. Так им легче справляться с теми ситуациями, в которые их ставит положение дел в ущелье Рыночного Равновесия.

— А при чем тут это? — непонимающе посмотрела на меня Оля.

— Связь самая прямая. Представь себе, что какой-то товар стал пользоваться большим спросом. Значит, надо увеличивать его производство. Но для этого нужны дополнительные рабочие руки. А где же можно взять новых людей, если они уже имеют работу? Если же есть безработица, то проблема решается моментально — люди мигом соглашаются пойти на новое предприятие, и его хозяин увеличивает выпуск товаров именно тогда, когда люди готовы их купить. Поэтому деловые люди согласны даже отдавать часть своих прибылей, чтобы можно было платить людям пособие по безработице. И еще одно — интересы деловых людей и простых рабочих во многом различны. Рабочий хочет получить побольше, а хозяин фабрики — платить зарплату поменьше, чтобы увеличить собственные доходы. Когда же есть безработица, легче бороться с попытками работников добиться более высокой оплаты труда. Ведь если предло-жение труда

больше спроса, то цены... — и я выжидательно взглянул на Олю.

— Снижаются, — понимающе кивнула она.

— Вот именно. И потому, увы, эта пещера никогда не пустеет окончательно, а выбраться отсюда очень не просто. Во-первых, никогда не известно, когда и насколько откроются те или иные ворота. А во-вторых, когда это происходит, начинается страшная давка — все стараются протиснуться, пока путь к заработку не закроется вновь. Здесь та же конкуренция, что и на других рынках, и потому нам придется сражаться с другими лодками не менее напряженно, чем на Конкурентных Автогонках...

Увы, я был прав, и несколько часов подряд мы безуспешно кружили по пещере, пытаясь угадать, какие ворота скоро откроются, или бросались в толчею лодок пытаясь протиснуться в заветное отверстие. Но в этот день счастье от нас отвернулось и все наши попытки кончились ничем. Между тем день уже клонился к вечеру, и хотя здесь, в пещере, время суток никак не сказывалось, но и я, и Оля уже очень устали, да и есть хотелось ужасно.

— Все, — сказал я наконец, — на сегодня хватит. Будем ночевать здесь!

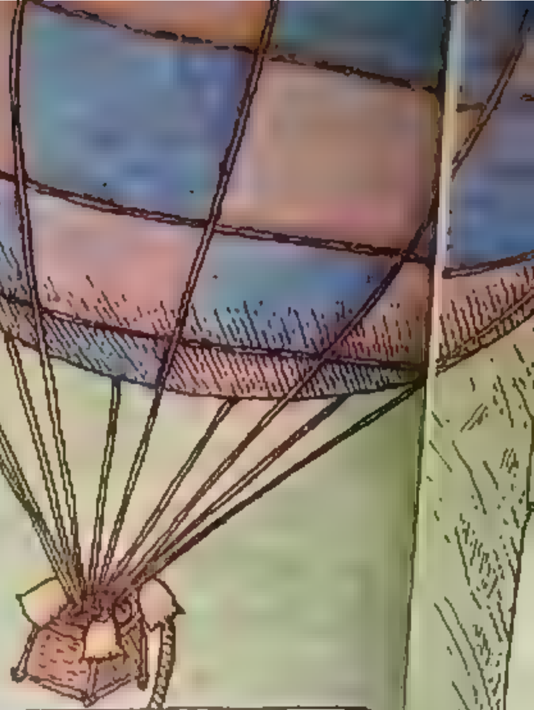
И приподнявшись с сиденья, я нажал клавишу М1, чтобы вскрыть сейф с аварийным запасом. Особых деликатесов там не было, но во всяком случае голод мы утолили. Хуже было со сном — кабина нашей лодочки была такой маленькой, что удобно устроиться не удавалось никак. И все же в конце концов мы заснули, скрючившись на сиденьях, которые еще утром казались такими комфортабельными...

БИРЖА ТРУДА — это место, куда люди приходят, чтобы найти работу и получить ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ, чтобы не умереть от голода, пока они её ищут.

НЕ ЗАБЫТЬ!

глава ПЯТАЯ,

в которой мы взмываем в небеса, а Оля получает по лбу

Наше пробуждение на пятое утро путешествия по стране Экономика веселым назвать никак было нельзя. Не знаю, как Оля, а я спал очень плохо. Всю ночь меня мучили кошмары — снились кровавые восстания рабов и батраков, виселицы, публичные порки, забастовки и отряды полиции, стрелявшие в забастовщиков. К тому же из-за неудобной позы все тело затекло и весь я чувствовал себя как отсиженная нога. Впрочем, у Оли вид был не намного лучше. Как выяснилось, ей тоже снились какие-то тяжелые сны. Позавтракав, мы почти уничтожили весь аварийный запас, что еще сильнее укрепило нашу решимость поскорее вырваться из этого неуютного местечка.

— Папа, — прервала молчание Оля, — что же нам делать?

Я молчал, потому что появилась мысль о той стратегии, которая поможет нам угадать, какие ворота скоро откроются. Чтобы проверить свою догадку, я забрался в самый центр пещеры, откуда были хорошо видны все стальные ворота. Достав из кар-

мана листок бумаги и ручку, я начал вести учет — какие из ворот открываются чаще и сколько минут их не закрывают. Через час мой листок был полон цифр, и я принялся за вычисления. Получив, наконец, результат, я направил нашу лодку к одному из выходов и принялся терпеливо ждать, когда он откроется. Мой расчет оказался верен! Через полчаса металлический щит, перекрывавший этот путь к свободе, вдруг резко пошел вверх. Мы оказались в числе первых счастливцев, сумевших устремиться в туннель.

Наша лодочка быстро мчалась вперед, тоже как будто радуясь расставанию с Биржей Труда. Течение несло ее само, и я даже снял пальцы с пульта управления.

— Папа, а что ты вычислял на компьютере?

— Ну, Оля, это ты пока не поймешь. Я воспользовался специальными методами математических расчетов, которые разработаны для экономистов.

— А разве экономисты пользуются математикой?

— Еще как! — улыбнулся я. — Современный экономист часто и шагу не может ступить без математических расчетов — и самых простых, и самых сложных, с которыми не справляются даже персональные компьютеры и приходится применять большие ЭВМ. За разработку математических методов решения экономических задач несколько ученых даже получили высочайшие научные премии — Нобелевские.

И вот наконец над нашей головой снова засинело небо. А еще через четверть часа мы уже были в нашей машине и помчались к ближайшему кафе, чтобы наконец-то по-человечески пообедать. После обеда настроение у нас было прекрасное, и мы решили продолжить путешествие.

Повинуясь рекомендациям нашего бортового компьютера, я повел автомобиль по предложенному маршруту, и вскоре мы оказались на перекрестке, где нашим глазам предстал вот такой дорожный указатель:

На этом месте рекомендованный маршрут экскурсии по «БИЗНЕС-СИТИ», который светился на экране нашего компьютерного экскурсовода, обрывался. Похоже, что дальнейший путь нам предстояло выбирать самим.

— Ну, куда поедем? — выжидательно повернулся я к Оле.

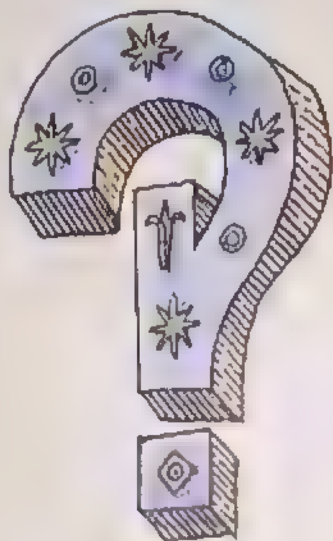
Но она, приученная нашим путешествием к необходимости тщательно продумывать каждый свой шаг по стране Экономика, молчала, внимательно оглядывая открывшиеся перед нами улицы. А надо сказать, что они разительно отличались друг от друга. Переулок Мелких Собственников напоминал уголок старинного европейского города. Его тротуары и мостовая были замощены булыжником, уличные фонари хоть и были электрическими, но имели форму старинных газовых фонарей прошлого века. Явно старинными были и дома, чинно выстроившиеся вдоль улицы, — двух-трехэтажные, с черепичными крышами и торговой галереей, занявшей первые этажи. На этой улице очень к месту были бы пролетки с запряженными в них породистыми лошадьми.

Но на самом деле мимо нас на эту улицу сворачивали вполне современные автомобили. Правда, надо сказать, что катили по этой улице не столько изящные лимузины, сколько скромные грузовые фургончики, в которых развозят товары.

Совсем иной была Венчурная улица. По обе стороны ее возвышались разноэтажные дома самых причудливых очертаний. Казалось, что ее застроили по проектам архитекторов XXI века, каждый из которых стремился создать дом, совершенно не похожий на соседние. Впрочем, как следует разглядеть эту улицу не удавалось — мешала какая-то дымка, в которой таяли очертания автомобилей, сворачивавших на нее.

Надо сказать, что несмотря на идеально гладкое асфальтовое покрытие этой улицы автомобилей здесь было не так уж и много — наверное, водителей отпугивал этот странный туман.Но была еще одна причина, которая заставляла водителей задуматься. По всей вероятности их

осторожность была связана с необычным дорожным знаком, установленным у въезда на Венчурную улицу.Этот знак явно намекал на то, что здесь все не просто и ухо надо держать востро, а иначе радость поездки быстро сменится размышлениями о том, зачем ты сюда вообще заехал.

Самое же оживленное автомобильное движение было на проспекте Корпораций. Если попытаться выразить архитектурный стиль этого проспекта каким-то одним словом, то на ум приходило слово «помпезность». Дома здесь строились в разное время, и архитектура их сильно различалась, но общим было явное желание архитекторов доказать — в этом доме живут и работают очень богатые и могущественные люди.

Внимательно осмотрев все три улицы, Оля тем не менее не смогла решить, по какой ехать дальше, и вопросительно посмотрела на меня.

— Решай сама, — пожал я плечами. — Судя по карте, все эти улицы ведут к выезду из «БИЗНЕС-СИТИ», так что ехать можно по любой.

— А по какой безопаснее?

— Ну, — задумчиво произнес я, — если тебя волнует прежде всего безопасность, то уж на Венчурную улицу тебе точно сворачивать нельзя...

— А почему? — сразу заинтересовалась Оля.

— Видишь ли, на этой улице располагаются компании, которые пытаются выпустить на рынок совершенно новый, никем и никогда не изготавливавшийся товар. Этот товар может иметь на рынке огромный успех, а может оказаться никому ненужным. В первом случае предпринимателей ждут огромные прибыли, а во втором —полное разорение. Решиться на такую игру со счастьем могут только люди, обожающие приключения и верящие в свою счастливую звезду. Поэтому такие компании и называются венчурными, от английского слова «эдвенчур» —приключение...

— Приключенческая компания! — засмеялась Оля. —Вот здорово — до сих пор я слыхала только о приключенческих книгах и фильмах. Я и не думала, что в стране Экономика можно найти таких романтиков, которые могут ради приключения рискнуть всем!

— Э, нет, — перебил я ее. — Рискуют создатели таких компаний вовсе не из романтической любви к приключениям, а в надежде получить при успехе огромные доходы. И нередко им это удается. Но многие другие венчурные компании разоряются — видела заброшенные дома на этой улице? Недаром эта улица окутана туманом —это туман Коммерческого Риска. И что в нем таится — быстрое богатство или полное разорение —никто не знает...

— Да, туда я не поеду. Лучше давай свернем в переулок Мелких Собственников — он такой уютный!

— Дело хозяйское. Только должен тебя предупредить, что не такой уж этот переулок безопасный. В США, например, подсчитали, что почти половина всех маленьких частных магазин-

КОРПОРАЦИЯ = это фирма, которая принадлежит очень большому числу людей. Каждый из них вкладывает в дело какую-то сумму денег и рискует только ею, а не всем имуществом, если фирма разорится.

НЕ ЗАБЫТЬ!

чиков, принадлежащих одной семье, разоряется не более чем через два года с момента открытия. И это при том, что жители переулка Мелких Собственников трудятся куда больше, чем те, кто занимается такой же деятельностью, но работает по найму в крупных корпорациях. Вот так-то!

— Это что же получается, — удивилась моя собеседница. — Такой тихий, уютный переулок, а на самом деле, выходит, он опаснее даже Венчурной улицы! Почему же здесь до сих пор кто-то живет?

— Это вопрос интересный. Логичного ответа лично я не знаю. Видимо, все дело в особенностях человека, в его стремлении быть самому себе хозяином, никому не подчиняться, работать только на себя. Похоже, что такая склонность живет в душе у многих людей. Очень хорошо по этому поводу написал известный американский экономист Пол Самуэльсон:

...Люди всегда хотят начать самостоятельное дело. Они надеются, что ИХ дело окажется успешным. Если даже им никогда не удастся заработать больше, чем несколько тысяч долларов в год, все же есть что-то привлекательное в возможности строить собственные планы и выполнять разнообразные задачи, к каждодневному решению которых мелкий предприниматель имеет склонность.

— Но, может быть, это только у американцев такой характер?

— Вовсе нет, — покачал я головой. — Смотри, как только у нас в стране разрешили индивидуальную трудовую деятельность, кооперативы и аренду в деревне — сколько людей начали этим заниматься! А ведь дело это куда более беспокой-

ВЕНЧУРНЫЕ КОМПАНИИ – это фирмы, которые пытаются добиться успеха, изготавливая только технические НОВИНКИ.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ное и тяжелое, чем работа от звонка до звонка на крупном заводе или в совхозе, где все за тебя решает начальство. Людям, берущимся за семейный подряд, например решившим откармливать бычков, приходится работать без праздников и выходных и куда больше, чем восемь часов в день. Конечно, зарабатывают они тоже больше, чем раньше, но ведь и даются им эти дополнительные деньги очень тяжело. А вот не отказываются же! Значит, это общее свойство людей во всех странах — желание быть экономически независимым и самому себе зарабатывать на достойную жизнь, вместо того чтобы всегда жить по чужим командам и получать зарплату из чьих-то рук.

— Тогда я другого не понимаю. Если все люди стремятся работать только на себя и никому не подчиняться, хотят иметь собственное дело, то почему же тогда жизнь в стране Экономика устроена так, что лучше всего живется крупным компаниям-корпорациям — вон какие домины стоят вдоль их проспекта!

— Да потому, что личное желание, личный экономический интерес — вещь, конечно, могучая, но еще сильнее — экономические законы, правящие этой страной. А они таковы, что в деловой жизни дела успешнее идут не у мелких предпринимателей, а у крупных корпораций. Кстати, компании и корпорации — это не одно и то же. Компания — вещь более древняя, чем корпорация. Первые компании были союзом родственников, объединявших свои средства, чтобы начать общее дело, например купить большой парусник для перевозки заморских пряностей. Само это слово очень многозначительное — в нем слиты два латинских слова: «кум» — вместе и «панис» — хлеб. Так и видится большой дощатый стол, за которым собрались совладельцы компании — компаньоны, чтобы разделить между собой заработанные совместно деньги, а потом за тем же столом вместе поужинать...Почти идиллия!

— А почему ты иронизируешь? Что в этом плохого-то?

— Видишь ли, компаньоны делят между собой все доходы и никому ничего не обязаны отдавать. Но зато если уж компания разоряется, то по закону для расплаты с долгами компаньоны должны отдать все,что у них есть. И если потребуется, продать даже все свое домашнее имущество. Так что дело это довольно опасное, не то что корпорация.

— А там что — можно долги не отдавать? —улыбаясь, поинтересовалась Оля.

— Нет, что ты, — обязанность оплачивать свои долги признается всеми честными предпринимателями. Просто корпорации организуются по-другому — каждый, кто участвует в их создании, рискует только той суммой, которую вложил в это дело. И не более! Поэтому участвовать в создании корпораций куда безопаснее, и они стали самой любимой формой для жителей «БИЗНЕС-СИТИ». Ну что, поедем по проспекту Корпораций?

В ответе я не сомневался и положил руки на руль, собираясь тронуться пря [illegible] моему немалому удивлению, Оля вдруг решитель [illegible] меня за рукав и молча показала направо — [illegible] лении Венчурной улицы.

— Ты же только что говорила, что мы туда не поедем! —попытался я отговорить ее от такого неожиданного решения.

— Ну и что, что говорила! — упрямо покачала она головой. — Зато там интереснее...

Эта чисто женская манера сначала говорить «нет», чтобы через пять минут утверждать, что всегда говорила только «да», увы, была мне хорошо знакома, и, горестно вздохнув, я направил автомобиль в туман Коммерческого Риска, придававший Венчурной улице какой-то загадочный вид. Туман этот, правда, был очень красив — сиреневатый, как на полотнах французских художников-импрессионистов, он порой вдруг отсвечивал золотом,

когда его резал свет фар встречных автомобилей. Да, по этой улице и средь бела дня приходилось ехать со светом, чтобы не попасть в аварию.

И вдруг туман исчез! Нет, его не сдуло ветром. Просто наш автомобиль с разгона выскочил на большую площадь, ярко освещенную солнцем. В силу какой-то причуды природы туман не заползал сюда, хотя все вокруг таяло в его дымке. Сама же площадь — она называлась «площадью Акционеров» — напоминала яркую диковинную клумбу. Дело в том, что она служила для жителей Венчурной улицы стартовой площадкой для запуска...воздушных шаров. Некоторые шары были уже полностью надуты и готовы к полету, другие вяло болтались в воздухе, напоминая сморщенные гигантские огурцы, а третьи бессильно лежали на земле, ожидая, когда их надуют газом, чтобы они могли тоже взмыть в небо над площадью.

Оставив машину на стоянке, мы двинулись с Олей по площади, чтобы разглядеть шары поближе. И тут же оказались в плотном кольц[illegible]воздухоплавателей. Они пытались нам что-то объя[illegible]все время перебивали друг друга.

Сначала мы даже не могли сообразить, чего же они от нас хотят. Лишь через некоторое время мы поняли, в чем тут дело. Оказывается, воздухоплаватели все до одного были изобретателями, а шары должны были помочь им взлететь, чтобы там, в небесных просторах, начать сбор золотого песка, который откуда-то несли с собой постоянно дувшие над площадью ветры.

Собрав достаточное количество этого «золотого ветра», изобретатели могли потом создать свое дело, обосновавшись либо на проспекте Корпораций, либо — в худшем случае — в переулке Мелких Предпринимателей. Но для того чтобы взлететь, им надо было накачать шар газом, а это требовало немалых денег, и потому каждый из них

призывал одолжить именно ему денег, обещая за это горсть золотого песка с неба.

— Пап, а почему они не возьмут просто денег в банке? —удивленно повернулась ко мне Оля.

На секунду стало вокруг тихо, а потом раздался громкий хохот. Эта мысль привела столпившихся вокруг нас изобретателей в неописуемый восторг и веселье. Они хохотали до слез, хлопая друг друга по спине и приговаривая: «Ой, уморила! В банке! Ну сказанула!» От обиды у Оли даже слезы навернулись на глаза. И похоже, один из весельчаков это заметил. Он замолк и, дружелюбно улыбнувшись, сказал:

— Да ты не обижайся, малышка, ребята не со зла! Они не хотели тебя обидеть! Ты, видать, тут новенькая и не все еще знаешь, а то бы такое не сказала. Мы ж тут все пока почти на нуле, а банку-то залог нужен!

— А что такое залог? — сразу спросила Оля, повернувшись ко мне.

— Видишь ли, банки никогда не дают денег просто так — под честное слово. Чтобы гарантировать себя от убытков или даже разорения, любой банкир требует от того, кто приходит к нему за ссудой, представить что-то в залог. Залогом может быть только то, что уже тебе принадлежит и в крайнем случае может быть продано ради покрытия твоего долга. Значит, здешним изобретателям для того, чтобы получить столько денег, сколько им нужно, например, на постройку маленького заводика, надо

сначала представить в банк доказательство, что, продав свое имущество, они смогут вернуть ссуду при неудаче. А сама видишь — ребята они молодые и богатства особого у них нет. Богачи редко становятся изобретателями...

Столпившиеся вокруг нас изобретатели согласно кивали головами по ходу моего объяснения, а один из них для большей наглядности даже вывернул карманы своих джинсов, чтобы продемонстрировать, насколько они пусты.

— Нет, вообще-то деньги у банка мы взять можем, — решил уточнить мои слова тот изобретатель, который только что утешал Олю. —Есть такие банки, которые даже навязывают нам свои

ссуды. Но многие из нас боятся иметь с ними дело — они требуют в залог все права на изобретение. Значит, ты придумал, организовал дело, весь наизнанку вывернулся, пока оно пошло, а просрочил один раз платеж банку и все — хозяином твоего изобретения становится банк и все сливки достаются ему. Вот почему мы здесь предпочитаем акции! Об акциях-то ты слыхала?

— Не-а, — охотно призналась Оля, с укоризной взглянув на меня.

Пришлось снова давать объяснения.

— Видишь ли, со временем, когда жителям «БИЗНЕС-СИТИ» стало ясно, что компании — это уж слишком опасная форма, они стали придумывать что-нибудь побезопаснее. И придумали акционерные компании. Суть их довольно проста — организаторы вновь создаваемой компании печатают в типографии большое количество (допустим, 50 тысяч) специальных пронумерованных бумаг — акций и предлагают всем желающим купить эти акции по установленной ими цене, например по 100 долларов за штуку. Если люди решают, что ДЕЛО, ради которого создается акционерная компания, сулит выгоды, они покупают эти акции, и тогда у учредителей компании собирается крупная сумма — в нашем примере 5 миллионов долларов, позволяющая организовать задуманное ими ДЕЛО. Понятно?

— Нет, — покачала головой Оля.

— Что именно непонятно?

— А какая тут выгода для тех, кто купил акции? Деньги они свои отдали, а что взамен-то?

— Взамен они будут получать от акционерной компании дивиденды, то есть часть ее дохода. Механизм тут неслож-

АКЦИЯ — это специальная бумага, которая выдаётся всем, кто вложил деньги в КОРПОРАЦИЮ. У кого есть АКЦИЯ, имеет право получать часть прибыли КОРПОРАЦИИ и даже участвовать в управлении ею как один из многих совладельцев

ный. Допустим, что акционерная компания, о которой у нас идет речь, вела свои дела хорошо, и когда из выручки от продажи товаров возместила все расходы, то у нее чистыми остался 1 миллион долларов прибыли. Из них, допустим, 400 тысяч долларов пошло на дальнейшее развитие производства, 50 тысяч долларов забрали себе учредители компании как вознаграждение за труд, а 550 тысяч долларов по решению общего собрания акционеров — а оно по закону является главным органом управления такого рода компаниями —направили на выплату дивидендов акционерам. Разделили эту сумму поровну на каждую акцию. Ну-ка, прикинь, сколько пришлось дохода на каждую акцию, а их, если ты не забыла, было 50 тысяч.

— Чего тут считать — по 11 долларов на штуку.

— Верно. Значит, акционеры на каждую 100-долларовую акцию получили по итогам года 11 долларов дивидендов.

— Всего-то?

— Ничего себе «всего-то»! Ты пойми — они же так будут получать дивиденды каждый год.

— Ну и что же? Это значит, что они вернут свои 100 долларов только через девять лет. Невелика выгода!

— Ошибаешься. Выгода тут есть. Во-первых, сохраняя право владения 100 долларами, они без труда заработали за год 11 долларов, а тот, кто купил таких акций, например, штук сто — на 10 тысяч долларов, — заработал соответственно 1100 долларов. Ты скажешь, что ему невелика радость от этих 1100 долларов —так-то он мог потратить на себя все 10 тысяч долларов. Это ты хотела сказать?

АКЦИЯ = Чем больше сумма принадлежащих тебе АКЦИЙ, тем большую часть прибыли ты получаешь каждый год. А если у тебя больше АКЦИЙ, чем у любого другого АКЦИОНЕРА, ты можешь вообще управлять фирмой, как тебе вздумается.

— Конечно, — согласно кивнула головой Оля.

— Ну, потратил бы он эти 10 тысяч и все. А так он и в будущем году получит, если все будет идти нормально, еще тысячу долларов и так далее, и тому подобное. Следовательно, лет через десять он уже удвоит свое богатство — получит в виде дивидендов столько же денег, сколько стоят принадлежащие ему по-прежнему акции. Согласись, что для человека, который живет не только сегодняшним днем, это весьма выгодно!

— Вот именно — очень выгодно! — вклинился в наш разговор все тот же дружелюбный изобретатель. — Я и говорю — вложите деньги в мой проект, купите мои акции — и вы не пожалеете! А вдобавок я вас еще покатаю на моем воздушном шаре! И вы сможете бесплатно полюбоваться великолепной панорамой БИЗНЕС-СИТИ!

Это обещание сразило Олю, и она посмотрела на меня столь умоляющим взором, что я не смог устоять и полез в карман за кошельком. Взяв деньги и галантно подхватив Олю под руку, изобретатель (как мы тут же выяснили, его звали Томасом) повлек нас к газозаправочной станции, возле которой в воздухе покачивался его почти полностью надутый воздушный шар. Вручив Оле акцию своего предприятия, Томас с торжествующим видом передал полученные от нас деньги механику газозаправки, и через несколько минут его шар был уже надут полностью. Посадив нас в кабину, Томас забрался туда и сам. Еще миг — и шар весело рванулся ввысь. Поначалу корзину начало довольно ощутимо раскачивать, и мы с Олей крепко уцепились

ЗАЛОГ

Это то, что принадлежит человеку и что он обязуется отдать тому, кто одалживает ему деньги, если долг вовремя не будет возвращён. Без ЗАЛОГА денег не даст ни один БАНК.

НЕ ЗАБЫТЬ!

за канаты, натянутые изнутри по бортам корзины. Томас же, казалось, и не замечал качки. Позабыв обо всем, наш капитан лихорадочно собирал и устанавливал по всей окружности корзины какие-то странные устройства. Больше всего они напоминали...щетки для пылесоса. Сходство усиливалось тем, что от каждого такого устройства отходил гибкий шланг, на конец которого был надет резиновый мешок. Мы с Олей вскоре сообразили, что эти странные устройства и есть приспособления для сбора золотого песка.

Тем временем качка постепенно стихла, и Оля, наконец, решилась встать со дна корзины и даже выглянуть за ее край.

— Папа! — в ее голосе явственно звучало удивление. —А наш шар-то привязан к земле! Ты посмотри только, сколько канатов держат нашу корзину!

Увлеченная открывшимся зрелищем, она перегнулась через борт и тут же, ойкнув, отскочила назад, потирая лоб.

— Что с тобой? — удивился я.

— Что-то стукнуло меня по лбу, — обиженно ответила она, показывая за борт корзины.

Осторожно перегнувшись, я попытался понять, кто же атаковал мою дочь в небе над «БИЗНЕС-СИТИ». И тут сам довольно сильно получил по лбу. Правда, в отличие от Оли, я успел разглядеть обидчика. Им оказался маленький металлический карабинчик (типа тех, которыми пристегивают поводки собакам), снабженный зачем-то снизу большим квад-

ДИВИДЕНДЫ — так называется часть прибыли фирмы, которую получает каждый акционер. Чем лучше поработала фирма, тем больше её ПРИБЫЛЬ, тем больше и ДИВИДЕНДЫ.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ратным куском картона, раскрашенным точно так же, как наш шар. И карабинчик, и кусок картона были надеты на один из канатов, которые тянулись от нашей кабины до самой земли.

И по всем этим
канатам к нам наверх
мчались с земли пестрые картонки
с одинаковыми карабинчиками. Похоже
это было на то, как мальчишки посылают
«письма» по веревкам воздушных змеев.
И тут я понял, что это была за почта!

— Знаешь, кто тебя стукнул? — повернулся я к Оле.

— Конечно, нет.

— Это акционеры Томаса прислали нам сюда свои купоны на право получения дивидендов. Дело в том, что к

акции прилагается специальный лист, состоящий из множества талончиков — больше всего это похоже на лист почтовых марок, которые можно видеть на любой почте. Талончики эти называются купонами, и раз в год все акционеры отрезают от своих листов по одному купону и посылают его в адрес той компании, которой принадлежат акции. Этим они напоминают руководителям компании, что пора платить дивиденды — если, конечно их есть из чего выплатить...

Тем временем Томас отстегнул от шланга одного из «пылесосов» до краев наполнившийся мешок и начал развешивать его содержимое в

маленькие мешочки, которые были стопкой сложены у него под одним из сиденьев. И тут Оля сама увидела, зачем нам с земли запустили столько «писем» с карабинчиками. Дело в том, что, наполнив очередной мешочек, Томас цеплял его к одному из карабинов, и тот стремительно уносился вниз на землю —к нетерпеливо ожидавшему его акционеру.

— Здорово! —восхищенно протянула Оля, как завороженная следившая за стремительным полетом мешочков с дивидендами к земле.

— А это что, папа? — вдруг дернула она меня за рукав.

— Где? — не понял я.

— Да вот же, вот, неужели не видишь? —показала Оля куда-то в направлении к окраинам города.

И тут я увидел...

За стенами города Деловых Людей, в некотором отдалении, вздымался к небу огромный холм с плоской, как стол, верхушкой и абсолютно отвесными стенками. Лишь в одном месте их монотонная крутизна рассекалась шоссе, проложенным по гребню высоченной стены, убегавшей куда-то вдаль. На холме громоздились какие-то странные сооружения. Что-то они мне напоминали, но что?

Не дождавшись моих объяснений, Оля задала тот же вопрос Томасу.

— Это стартовая площадка ракетопланов —сверхзвуковых лайнеров, которыми мы пользуемся, когда нам надо выбраться из страны Экономика в другие страны, — спокойно ответил Томас.

— А мы можем оттуда добраться домой? —дрожащим голоском спросила Оля, еще не веря, что она, наконец, узнала способ вернуться к маме.

— Наверное, —пожал плечами Томас, не переставая колдовать над своими устройствами для сбора золотого песка.

— А как нам туда попасть? — не отставала Оля.

— По-моему, туда можно добраться только по шоссе, которое начинается в порту Международного Сотрудничества. Так мне говорили. Сам-то я там не бывал. Мне и здесь дел хватает.

— Томас, а Томас, — заговорила вдруг Оля таким вкрадчивым голосом, что я сразу все понял, — отвезите нас туда, пожалуйста!

— Куда? — спросил наш капитан.

— Туда, на стартовую площадку. Это же совсем рядом! Пять минут лету! А я так хочу к маме! —голос Оли подозрительно дрогнул, и в нем явственно прозвучали слезы.

— На стартовую площадку? — ошарашенно переспросил Томас, не ждавший такого подвоха со стороны случайных пассажиров. — Да я вообще-то никогда еще не летал на шаре за пределы нашего города...

— Ну и что! —наседала на него Оля. — Вы так ловко управляете шаром, просто загляденье! И вообще — если бы мы не купили вашу акцию, вам бы сегодня ни за что не взлететь! А мы вам за это подарим нашу акцию и даже дивиденда не возьмем!

От такого комбинированного удара, сочетавшего

лесть, упрек в неблагодарности и попытку подкупа, бедный Томас дрогнул и, явно идя на попятную, попытался что-то пробормотать насчет того, что темнеет уже, да и ветер усиливается... Но остановить Олю уже было невозможно, и когда она громко всхлипнула, Томас сдался и обреченно принялся монтировать на стенку нашей корзины небольшой моторчик с пропеллером. Закончив работу, он отвязал корзину от каната, который удерживал нас над площадью Акционеров, и наш шар сразу облегченно рванулся вверх.

Томас запустил моторчик, и мы медленно поплыли вперед, в направлении холма со стартовой площадкой. Мы уже приближались к окраинам «БИЗНЕС-СИТИ», когда внезапно налетел мощный порыв ветра. Он подхватил наш шар и понес как пушинку. Томас рванул ручку своего моторчика, и тот отчаянно взвыл, но, увы, толку от этого было чуть! Нас несло в другую сторону — в «ХОЗРАСЧЕТОВО», второй район города Деловых Людей.

Вдруг ветер засвистел еще отчаяннее, нас завертело волчком, моторчик заглох, и мы быстро понеслись вниз. Томас лихорадочно принялся выбрасывать за борт корзины мешки с балластом. Я помогал ему, а Оля сидела скорчившись на дне корзины и тихо плакала от страха.

И все же нам удалось замедлить падение, хотя за борт пришлось выбросить не только балласт, но и один из мешков с золотым песком, собранным Томасом в небе.

Удар! Корзина рухнула на землю, и мы покатились друг за другом по ее дну. Сверху же на нас обрушилась оболочка шара. Но мы были живы!

Придя в себя после падения и выкарабкавшись из корзины, мы поняли, что наступила ночь. Пускаться в путь на поиски помощи в такую темень было глупо, и мы решили заночевать прямо в корзине, завернувшись в оболочку шара как в одеяло. Так мы и уснули, хотя Оля еще долго всхлипывала у меня под боком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой мы встречаем привидения, а Оля нарушает закон.

Проснувшись на рассвете, мы выбрались из корзины и огляделись по сторонам. Вокруг не было ни единой души — лишь в траве стрекотали кузнечики да где-то пела незнакомая птица.

Пришлось нам отправиться на разведку. Оля категорически отказалась оставаться одна, и мы пошли втроем. Честно говоря, я ожидал, что Томас будет злиться или хотя бы ворчать — ведь именно из-за нас он попал в такую переделку, и теперь ему предстояло начинать все сначала. Да, забыл сказать — при падении сломался пропеллер, и теперь, чтобы вернуться на площадь Акционеров, Томасу нужно было не только найти где-то газ для заправки, но и

запасной пропеллер. К моему удивлению, Томас не проронил ни слова упрека, хотя Оля старалась поменьше попадаться ему на глаза.

Прошагав полчаса, мы вышли к шоссе. Похоже, что по нему давно никто не ездил, а брошенный когда-то у обочины старый грузовик весь проржавел. В надежде отыскать в этой развалине что-то, из чего можно смастерить пропеллер, Томас принялся осматривать автоинвалида. Минут через десять он внезапно принялся что-то насвистывать себе под нос, а потом выпрямился и заявил:

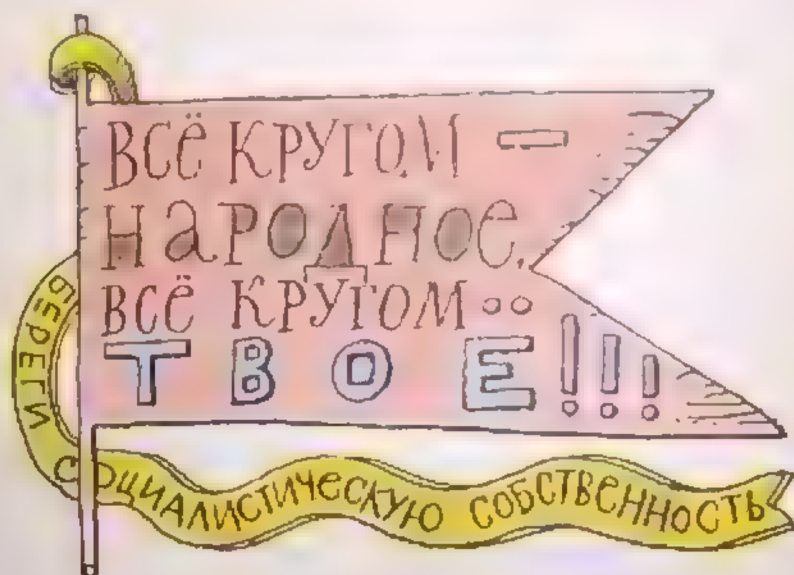
— Похоже, что этот драндулет можно заставить еще побегать!

Сказать это было, конечно, легче, чем сделать, и нам с Томасом пришлось немало помудрить, прежде чем мотор грузовичка чихнул и неохотно затарахтел. Мы

кое-как втиснулись в тесную кабину, и Томас тронул машину с места. Дорога была вся в выбоинах, и ехали мы медленно (впрочем, на большей скорости наш грузовичок мог бы просто развалиться!). Повернув в очередной раз и убедившись, что пока впереди не видно особо уж крупных ям, мы глянули вперед и неожиданно увидели уже знакомую нам — со стороны «БИЗНЕС-СИТИ» — стену Собственности. Здесь она выглядела совершенно по-иному. Вдоль стены не было никакой охраны, и лишь дремучие заросли крапивы не позволяли подойти к ней поближе.

Над крапивой был виден только написанный на стене красивыми крупными буквами лозунг:

Впрочем, когда мы подъехали поближе, то обнаружилось, что кое-где в крапиве прорублены настоящие просеки. Смысл их мы поняли сразу же — местные жители использовали стену Собственности как источник строительных материалов, разбирая ее кирпичную кладку на свои нужды. Кое-где в толще стены были вырублены настоящие пещеры — настолько углубились в нее охотники за даровым кирпичом. Когда Томас остановил

машину напротив одной из самых больших таких пещер, мы заметили над ней надпись:

ЕСЛИ ВСЁ НАРОДНОЕ,
ЗНАЧИТ, ВСЁ НИЧЬЁ!
ЧТО ДОМОЙ УТАЩЕНО —
ТОЛЬКО ТО ТВОЁ!

Стихи не блистали изяществом стиля, но мысль автора выражали вполне четко.

— Как же так можно! — возмущенно сказала Оля. — Стена же может в конце концов рухнуть и засыпать шоссе. Неужели на это воровство никто внимания не обращает? Почему стену не охраняют, папа?

— Вообще-то охрана здесь есть. Но разве ей справиться — стена-то, сама видишь, какая длинная!

— А почему же в «БИЗНЕС-СИТИ» справляются, а? — парировала Оля.

— Так ведь там, — усмехнулся Томас, — каждый кусочек стены принадлежит кому-то конкретно — какому-нибудь богатому человеку, компании или корпорации, наконец, государству. Каждый владелец и охраняет свой кусок стены Собственности, бережет его пуще глаза!

— Но ведь и здесь стена Собственности не ничейная! На ней же написано, что она народная, — народ и должен ее беречь, — не сдавалась Оля.

— Это ты, конечно, верно говоришь, — покачал я головой. — И основатели «ХОЗРАСЧЕТОВО» тоже так думали. Но, к сожалению, оказалось, что так быстро человека не переделаешь. Многие поколения рождались, жили и умирали с убеждением, что беречь и приумножать надо в первую очередь свою личную или частную собственность. И на то, чтобы приучить всех людей забо-

титься прежде всего об общенародной собственности, тоже потребуется наверняка не одно поколение.

— И неужели никто об этом не догадывался сразу?

— Представь себе, нет. Вообще я хотел бы тебе кое-что сказать. Дальше ты увидишь много странного, часто неразумного, узнаешь о серьезных, а порой и трагических ошибках тех, кто строил «ХОЗРАСЧЕТОВО». Но мне не хотелось бы, чтобы ты судила о них свысока. Твои деды и прадеды — а они были одними из первостроителей «ХОЗРАСЧЕТОВО» — были искренними и очень верящими в свою правоту людьми. Иначе и быть не могло — уж больно отчаянное дело они задумали...

— Какое дело?

— Они решили, что настало время воплотить извечную мечту человечества — построить мир всеобщего благоденствия и счастья, мир, в котором вся экономическая жизнь будет построена сначала по принципу «От каждого по способностям — каждому по труду», а потом по принципу «От каждого по способностям — каждому по потребностям». Мир, где никто не будет чувствовать себя обделенным судьбой, где каждый будет иметь равные шансы построить свою жизнь достойно и красиво. Мир, где все будет по справедливости, где не будет голодных и безработных, где не будет войн и угнетенных народов, где исчезнет зависть — ведь завидовать станет нечему: не станет резких различий между богатыми и бедными...

— Но это же здорово! Почему же они не смогли этого добиться, почему они сделали те ошибки, о которых ты говоришь?

— Видишь ли, они хорошо знали — от ЧЕГО им хочется избавиться. А вот как добиться того, ЧТО они хотели создать, — с этим оказалось куда сложнее...

Томас согласно покивал головой.

— Так что же здесь сложного-то? — удивилась Оля. — Ведь ты сам говорил, что страна Экономика существует

очень давно. Значит, все способы хозяйствования давно известны. Или нет?

— Или нет, — с грустью согласился я. — Способов-то известно множество, да ведь вот какое дело — все способы вести дела в стране Экономика основаны были на частной собственности — на том, что владеть какой-то собственностью и распоряжаться ею может только отдельный человек или группа людей. Но чтобы всем богатством страны владел весь народ? Такого за всю историю человечества никогда не бывало. И потому наши деды и прадеды решили, что ни один из старых способов им не годится — все надо придумать свое, ни в чем не похожее на то, что делается у соседей, по ту сторону стены Собственности...

— Не слабая задачка, — иронично усмехнулся Томас.

Я замолчал, потому что Оля дернула меня за рукав и показала направо. Там, невдалеке от шоссе, был виден странный поселок. Он состоял из одноэтажных длинных домов, расположенных вдоль прямых улиц, равномерно разбегавшихся в стороны от круглой центральной площади. Больше всего эти дома напоминали солдатские казармы, да и весь городок своим единообразием и порядком наводил на мысль о военном лагере. Поселок, похоже, давно был покинут людьми — окна и двери в его зданиях были крест-накрест заколочены досками, а на некоторых уже и крыша провалилась.

— Что это, папа? — поинтересовалась Оля, когда я попросил Томаса притормозить машину. — Такого на карте не было... Это какой-то особый район, да?

— Да нет, — грустно качнул я головой. — Это предшественник «ХОЗРАСЧЕТОВО» — поселок Военного Коммунизма.

— Какой он был скучный, — протянула Оля, с грустью поглядывая на заброшенные дома-бараки.

— Да, архитектурными красотами этот поселок не славится, —согласился я. — Но ты не гляди на него с

пренебрежением — он ведь памятник одной из самых дерзких, пусть и несбывшихся человеческих фантазий. Фантазии о том, что благодаря огромному энтузиазму людей, отвергших частную собственность, можно разом перескочить из мира всеобщего неравенства и эксплуатации в чудный мир всеобщего равенства и братства, придуманный социалистами-утопистами...

— Кем-кем? — перебила меня Оля.

— Социалистами-утопистами, — повторил я. — Это были очень разные люди, которые еще несколько веков назад не только поняли, что порядки окружавшего их мира глубоко несправедливы, но и попытались придумать — каким должно быть идеальное человеческое общество.

— Они что — были писателями-фантастами? — деловито уточнил Томас.

— Можно их и так назвать. Только в отличие от нынешних фантастов они не просто писали книги о светлом будущем, но и пытались уговорить людей немедленно начать строить такое будущее. И здесь, в поселке Военного Коммунизма, некоторые их идеи начали реализовываться, но неудачно. И потому на здешних улицах до сих пор даже средь бела дня можно встретить привидения этих великих мечтателей...

— Привидения?! — ахнула Оля. — Ой, а можно мы въедем в этот поселок — я же никогда не видала привидений! А это не страшно и не опасно?

— Ничуть. Скорее печально. Ведь эти привидения никому не желают вреда. Напротив, они мечтают только о всеобщем счастье. Вот только, к сожалению, пути, которые они предлагают, ведут в экономический тупик, где людей ждет не счастье, а беда. Но если ты сохранишь трезвый ум, то эти привидения тебе не опасны.

Увы, хотя мы объехали почти весь поселок — а был он невелик — ни одно привидение не вышло нам навстречу. И только когда Томас разочарованно направил машину к

выезду из города, с левой стороны выплыли две тени. Одна из них была очень толста и облачена в монашескую рясу, подпоясанную простой веревкой. Второй был невероятно худ, лыс, бородат и одет в лохмотья.

— Вот это удача, — почему-то прошептал я Оле, хотя привидения, конечно же, не могли нас услышать. — Это два самых знаменитых, насколько я знаю, здешних привидения. Думаю, что нам удастся услышать их разговор — здешние привидения необычные! — и тогда тебе многое станет ясно. Одно из них — привидение монаха Томмазо Кампанеллы, одного из величайших утопистов, просидевшего в церковной тюрьме 33 года, вынесшего за свое свободолю[illegible] страшные пытки. Именно там — в мрачной темниц[illegible]мал идеальное общество, которое назвал Гор[illegible]нца. Второе привидение — правитель этого гор[illegible]рейший Сол. Они всегда ведут один и тот же диало[illegible]ый ими в тот момент, когда Кампанелла в предсмертном бреду мысленно перенесся в придуманный им Город Солнца. Он увидел там...нищету, запустение и виселицы, а самого его схватили и бросили в подземную темницу, где уже давно сидел Сол.

(У нас с Олей не было с собой магнитофона, поэтому воспроизвожу здесь этот разговор так, как его удалось записать писателю В.Тендрякову, который был первым свидетелем беседы Кампанеллы и Сола.)

— Сол, — спросил Кампанелла.— Что произошло в моем Городе Солнца? Что с ним случилось? Какое несчастье? Какая чума его постигла? Ответь мне!

— Заблуждения порой страшнее чумы, создатель.

УТОПИСТЫ — это люди, которые верили, что можно сконструировать идеальное устройство государства, и предлагали проекты таких чудесных городов-стран, где правят самые мудрые и где все счастливы.

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Ты совершил роковую ошибку, мудрый Сол?

— Ха-ха! Я?..Нет, почтенный фра Томмазо, ошибался ты.

— В чем?

— Грешил простотой!

— Разве это такой уж большой грех, Сол?

— Простота хуже воровства, хуже разбоя. Простота — недомыслие, Кампанелла. Если недомыслие начинает руководить людьми, то люди становятся сами себе врагами...«Все, в чем они нуждаются, они получают от общины...» Твои слова, Томмазо, о нас. Ты предлагал именно так и жить: сообща работать, складывать все в один общий котел, из него сообща черпать.

— Разве это не верно, Сол?

— «Все, в чем они нуждаются...» Н-да-а...А в чем?..Скажи про себя: что тебе нужно в жизни?..

Кампанелла промолчал.

— Вот [illegible]ишь, — продолжал Сол, — даже ты про себя не ск[illegible] точно, где твой рубеж желаний. А почему другие до[illegible]бя ограничивать? Наверное, лишь мертвый перес[illegible]лать себе большего.

— Н[illegible]чет, если помнишь, я говорил: «И должн[illegible] тщательно следят, чтобы никто не получал[illegible]ем следует».

— Ком[illegible]лько следует?.. Как это определить?

Кампанелла решительно ответил:

— Только уравняв аппетиты, Сол. До необходимого! Простая, здоровая пища, добротная, но не роскошная одежда, крыша над головой...

— Мы так и поступили, Томмазо. Установили давать всем только самое необходимое...

— Это справедливо, Сол.

— Нет, Томмазо, это оказалось ужасной несправедливостью. С нее-то и началась чума, которая погубила город.

— Не верю, Сол! Какая же несправедливость, когда все у всех одинаково, нет повода кому-то завидовать, на что-то обижаться.

— Увы, повод есть — и серьезный.

— Только у ненасытно жадных, Сол, у отпетых негодяев!

— Наоборот, Томмазо, у самых достойных граждан, у тех, кто способен лучше других, самоотверженнее других трудиться.

— Ты смеешься надо мной, Сол!

— До смеха ли мне...Вдумайся, Томмазо: способный труженик, не жалеющий себя на работе, дает общине много, а рядом с ним другой по неумелости или по лени еле-еле пошевеливается, от него мало пользы. Но получили-то они одинаково необходимое — пищу, одежду, крышу над головой. Поставь себя на место добросовестного гражданина, надрывающегося на работе. Как ему не задуматься: я добываю, а за мой счет ж[illegible] бездельник. И справедливо ли это, Томмазо?

Кампанелла промолчал.

— И вот наши лучшие труженик[illegible]али надрываться, начали подравниваться по[illegible]аботал из рук вон плохо. День за днем падал[illegible] труду. Наши поля и виноградники стали дурн[illegible]ваться, мы все меньше и меньше получали хл[illegible]вина, наши стада хирели, наши ткацкие мастерские выпускали недобротную ткань, и ее не хватало на одежду. В наш город пришла нищета. Мы уже не могли ни накормить людей, ни одеть, ни отремонтировать их жилища. Город превратился в сборище бездельников.

— Нерадивых следовало бы наказывать, а усердных поощрять!

— Ты наивен, Томмазо Кампанелла. Тебе все кажется простым и легким. Подскажи: как отличить нерадивого от усердного? Кто должен это делать? Надсмотрщик с

плетью? Пусть он следит и подгоняет? Пусть он распределяет, кому за работу пожирней кусок, а кому наказание? Чем тогда этот надсмотрщик лучше хозяина? Можно ли после этого говорить: у нас все общее?

— Надо было сделать так, чтобы каждый следил за своим товарищем, сообщал выбранному лицу, сколько его сосед сделал. Сделал мало — хлеб и вода, не слишком много — не слишком хороший обед, много — ешь досыта. Проще простого!

— Очень просто, Томмазо. И мы тоже, как и ты, клюнули на эту простоту...Следи за своим товарищем по работе! Доноси на него! Я уж не говорю, что все стали работать плохо, — на каждого можно было донести, испортить ему существование. Но теперь еще для каждого гражданина Города Солнца товарищ по труду становился врагом, которого надо уличить раньше, чем он уличит тебя. Спеши оболгать, иначе оболжет он, постарайся запугать, не то сам станешь жить в страхе перед ним. Мы превратили наш город в кипящую ненавистью клоаку, но не получили взамен ничего. Из того, что нам доносили, нельзя было понять, где наглая и бесстыдная ложь, а где правда, где злостные наветы, а где возмущение честного труженика. Лгали чаще на тех, кто старательно работал, своим трудом мог подвести бездельников, а потому нам чаще приходилось наказывать достойнейших людей. Мы добились, что их совсем не стало. Ужасающая нищета, ненависть и ложь!..Чума набирала силу, благородный Томмазо. И виной тому был твой слишком простой взгляд на жизнь...

Что ответил на это Кампанелла, мне уже узнать не удалось — привидения миновали наш автомобиль и свернули за угол. Томас вопросительно взглянул на Олю — ехать ли ему за ними дальше, но она молча отрицательно качнула головой, и он, не настаивая, направил автомобиль к выезду из поселка Военного Коммунизма.

— Пап, а я не понимаю: неужели трудно было все обдумать заранее? — прервала она молчание, когда мы выехали за пределы поселка Военного Коммунизма.

— Знаешь, есть одна древняя мудрость: «Не суди — да не судим будешь». Бросить с высот сегодняшнего опыта камень презрения в Кампанеллу или первостроителей поселка Военного Коммунизма легко, труднее понять их. Надо всегда помнить, что ими двигало благородное стремление создать общество, где все будут счастливы.

— А вот я, — ухмыльнулся Томас, — читал другую древнюю мудрость: «Благими намерениями вымощена дорога в ад...» Что вы на это скажете?

— Только то, что не войдя в воду — не научишься плавать, и первостроители поселка Военного Коммунизма шагнули в воду решительно. Да, они нахлебались воды, чуть не утонули, но все же выплыли, хотя и другим стилем.

— Это как?

— Видишь ли, они поначалу действительно попытались сделать многое из того, что придумали социалисты-

Какие грустные здесь привидения! И эти забитые наглухо дома...

Боюсь, что и здесь нам не помогут найти дорогу домой.

утописты. Здесь, в поселке Военного Коммунизма, пробовали, например, отменить деньги и почти всю заработную плату выдавали товарами. Здесь даже хотели отказаться от торговли и наладить вместо нее прямой обмен продуктами — сдаешь государству определенное количество пшеницы и получаешь за нее сколько-то ситца и мыла.

— Как это «сдаешь»? — не понял Томас. — Продаешь?

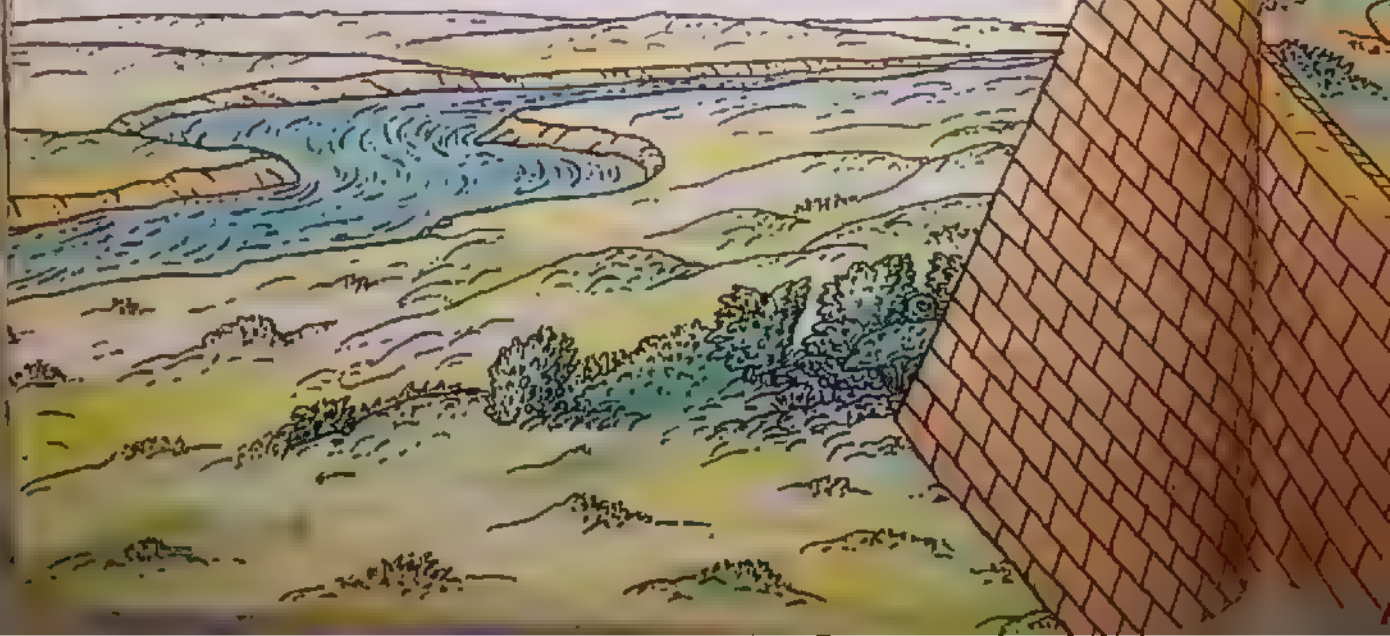
— Да, но продажа эта была особая — по ценам, которые самовластно устанавливало государство. Оно же решало и то, сколько ты можешь оставить себе из выращенного урожая, а сколько продать по твердым ценам в счет продразверстки...

— А это еще что такое? — не унимался наш водитель.

— Продразверстка-то? — переспросил я. — Подождите, Томас, сейчас вспомню, я ведь когда-то в институте к экзамену заучил наизусть часть закона о продразверстке... Ага, вспомнил. Там было написано так:

...обязать каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления.

В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче, хлеб отбира-

ется у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки... и в половинном размере, — сельскому обществу.

— Да, — грустно протянула Оля, — действительно похоже на Город Солнца: и сколько кому есть, по нормам определяют, и премию доносчику дают...

— Что делать — когда они принимали этот закон, им приходилось очень туго. Со всех сторон были враги, шла война, голод в городах был жесточайший... И потом—они сами скоро поняли, что так им счастливой жизни не построить, и как только война кончилась, они стали обдумывать иной способ устроить свою жизнь...

— Как в «БИЗНЕС-СИТИ»?

— Нет. Они по-прежнему упорно искали свои, совершенно

КТО НЕ РАБОТАЕТ–ТОТ Д
ЦЕНТРО
ОСЁЛОК
ОЕННОГО
ОММУНИЗМА

новые пути к благосостоянию, но из поселка Военного Коммунизма все же ушли и начали строить «ХОЗРАСЧЕТОВО».

— Ну и что у них получилось? — заинтересовался Томас, который надеялся найти здесь новый пропеллер и газ для надувания шара.

— Скоро сами увидите...

И действительно, пока мы обсуждали проблемы «военного коммунизма», наш автомобиль оставил далеко позади этот поселок и перед нами возникли ворота в «ХОЗРАСЧЕТОВО». Ворота эти впечатляли...

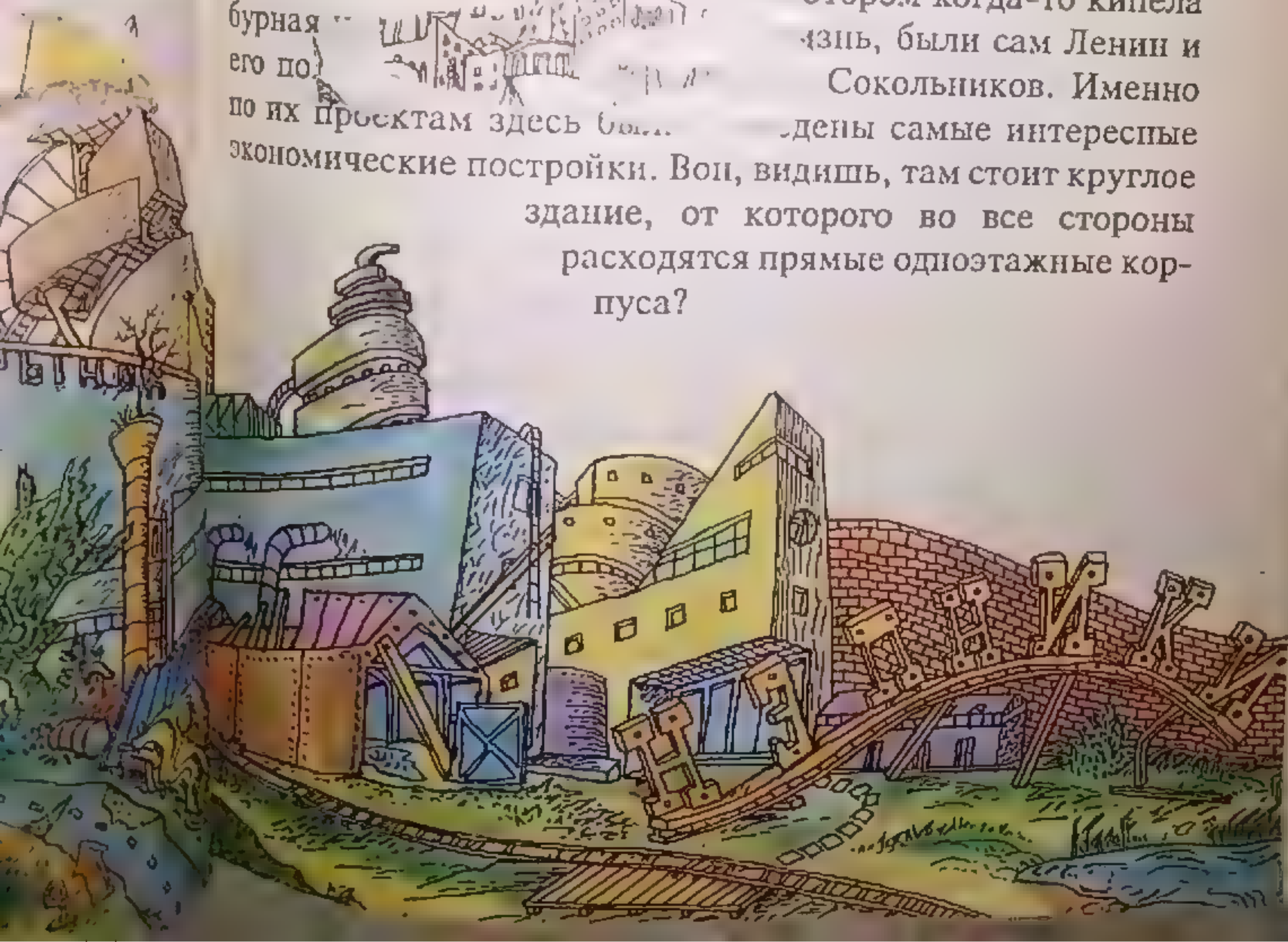
По сравнению со столь внушительными воротами окраина «ХОЗРАСЧЕТОВО» производила скромное впечатление. Впрочем, это присуще многим городам — в центре сосредоточены красивые дома, а окраины застроены маленькими домишками, складами, предприятиями. Окраина «ХОЗРАСЧЕТОВО», ко всему прочему, была и необитаемой. Об этом свидетельствовали шлагбаумы, перегораживавшие все улицы, отходящие от основной магистрали. Кроме того, во всех домах были заколочены двери и окна. Судя по всему, городские власти не хотели, чтобы этот район кто-то посещал, и потому не только укрепили на каждом перекрестке знак «ОСТАНОВКА И СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНЫ», но и повесили по- ... улицы — видимо, очень ... му что ткань уже об- ... пой транспа-

рант «ОСМОТР НЭПНИКОВ ЗАПРЕЩЕН!» Правда, судя по всему, этот запрет соблюдался жителями «ХОЗРАСЧЕТОВО» не слишком строго — на некоторых улицах шлагбаумы были сломаны, а кое-где были видны и дома, с дверей и окон которых кто-то уже оторвал прибитые доски. При общей скромности архитектуры этого района, здесь попадались дома, необычность и выразительность облика которых вызывала интерес, несмотря даже на то, что многие из них были недостроены.

— Папа, а что это — «нэпники»? — поинтересовалась Оля, озираясь по сторонам.

— «НЭПНИКИ» — это название микрорайона, в котором мы сейчас находимся. А назван он так в честь «новой экономической политики», предложенной Лениным после того, как стала ясна невозм[illegible] построить счастливую жизнь в поселке Вое[illegible]низма. Главными архитекторами этог[illegible]отором когда-то кипела бурная [illegible]изнь, были сам Ленин и его по[illegible] Сокольников. Именно по их проектам здесь был[illegible]дены самые интересные экономические постройки. Вон, видишь, там стоит круглое здание, от которого во все стороны расходятся прямые одноэтажные корпуса?

— Вижу, — кивнула головой Оля, — это похоже на то, как малыши рисуют солнце!

— Действительно, похоже, — согласился я. — В этом здании когда-то находился Продналоговый рынок.

— Какой-какой рынок? — не понял Томас.

— Продналоговый, — повторил я. — Видите ли, довольно быстро стало ясно, что из продразверстки, о которой я вам уже рассказывал, ничего хорошего не получится. И тогда Ленин предлож[illegible]менить ее продналогом — крестьянин больше не [illegible]ство был за гроши отдавать городу весь урожа[illegible] минимума, необходимого ему для прокорм[illegible]. Теперь государство брало в виде налога [illegible]сть урожая, а все остальное крестьянин мог [illegible] самостоятельно по свободным рыночным ценам. Вот в этих прямых корпусах крестьяне сдавали налог, а потом проходили дальше в основное круглое здание, и там работал свободный рынок — продавай сколько хочешь, кому хочешь и по любой цене. И это было таким облегчением для крестьян после продразверстки, что они сразу увеличили производство и с продуктами в городе стало куда лучше...

— А вот это что за «свечка»? — показала Оля на интересное сооружение, где на массивном цоколе стояло высокое многогранное здание, действительно напоминавшее свечу в подсвечнике.

— Это, Оля, знаменитый Червонный дом — одна из самых интересных достопримечательностей в этом микрорайоне. Здесь работали местные финансисты, отвечавшие за регулирование доходов и расходов государства и порядок в денежном хозяйстве.

— Червонный, червонный... — Оля на-

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ НАЛОГ — это когда крестьянин не платит налог государству деньгами, а натуральными продуктами: зерном, мясом, молоком.

НЕ ЗАБЫТЬ!

морщила лоб, что-то вспоминая. — Кажется, по-украински это значит «красный», да?

— Верно, но дело здесь не в цвете. Видишь ли, в русском языке давно стали называть червонцем купюру или монету достоинством в 10 рублей. И это здание названо «Червонным» как раз в честь червонца, придуманного обитателями этого дома.

— А разве можно придумать деньги? Это, по-моему, все рав[illegible]идумать...колесо! — усмехнулся Томас, почу[illegible]акомой почве.

— Ну, [illegible] не очень точно выразился, — согласился я. — [illegible]но, придумали не деньги как таковые, а новую [illegible] единицу, которая позволила справиться со мно[illegible]облемами здешней жизни и засыпать то инфляционное болото, которое когда-то пузырилось на месте Червонного дома.

— Разве здесь тоже есть Инфляционный гейзер? — удивилась Оля, видимо, решившая, что столь неприятное явление экономической природы можно встретить лишь на реке Денег.

— Увы, такие гейзеры то и дело прорываются по всей стране Экономика, и везде люди ведут с ними отчаянную борьбу. И в «БИЗНЕС-СИТИ» они нередко подмывают фундаменты даже самых внушительных небоскребов. А тут, в «НЭПНИКАХ», мощный гейзер ударил фонтаном в самом начале стройки, и после него образовалось огромное болото ничего не стоивших рублей.

— Как в Германии после первой мировой войны? — вспомнила Оля мой рассказ на реке Денег.

— Вот-вот, — обрадовался я, обнаружив, что Оля помнит наши беседы и анализирует их. — Знаешь, Ленин как-то пошутил, что советский рубль — самая знаменитая денежная единица в мире, потому что число выпущенных и ходивших по рукам у населения рублей превысило квадриллион, то есть единицу с пятнадцатью нулями!

— Это сколько же на каждого приходилось? — вдруг заинтересовался Томас.

— Не знаю, сейчас попробую прикинуть, — озадачился я, пытаясь вспомнить число жителей «НЭП-НИКОВ». — Ну...получается примерно по шесть с лишним миллионов на каждого, включая грудных младенцев. Эдакий город миллионеров! Вот только что можно было купить на эти миллионы... Кстати, у Владимира Маяковского есть даже шутливое стихотворение на эту тему. Вот, слушай:

Сапоги почистить — 1 000 000.
Состояние!
Раньше б дом купил —
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до Луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
писать один отчет.
«Что это такое?» —
спрашивает с тоской
машинистка.
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.

— Вот это да! — восхитилась Оля. — Тридцать семь нулей — это что же за число?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Я только одно знаю — если зарплату тебе выдают мешками или меряют на метры — да-да, не смейтесь, Томас, именно так и было! — но купить ты на эти обесценившиеся деньги ничего не можешь, то интерес к деньгам исчезает. Тог-

говля при этом умирает и начинает возрождаться натуральное хозяйство для самообеспечения продуктами, а также натуральный товарообмен — товар меняют на товар. А это верный путь к всеобщей нищете — помнишь, мы с тобой об этом говорили еще в первый день нашего путешествия?

— Ну и как же здесь с этим справились? — не отставала Оля.

— Очень умно — выпустили в обращение новую денежную единицу под названием «червонец» и объявили, что каждый может в любой момент поменять его на определенное количество золота или какой-нибудь пользующийся повсеместным спросом товар. Причем для начала выпустили этих новых денег очень немного, так что они сперва были редкостью и за ними стали даже гоняться. И вот тогда люди поверили, что эти деньги будут устойчивы, что их стоит зарабатывать, потому что за них что-то можно будет купить. Червонец стал «твердыми» деньгами, и благодаря этому удалось засыпать Инфляционное болото и в память о победе возвести Червонный дом...

— Послушайте, — перебил меня Томас, — а почему же люди ушли из этих домов, если здесь все так здорово получалось?

— Ох, — вздохнул я, — это вопрос сложный... Но я попробую ответить коротко. Дело в том, что после смерти Ленина те, кто возглавил «ХОЗРАСЧЕТОВО», решили, что «НЭПНИКИ» слишком напоминают «БИЗНЕС-СИТИ» и потому надо отказаться от разработанного Лениным генерального плана застройки. Поэтому они велели всем покинуть эти дома и улицы, объявили весь микрорайон запретной зоной и отдали распоряжение начать строительство «ХОЗРАСЧЕТОВО» заново, но уже по совсем иному образцу...

— Какому? — заинтересовалась Оля.

— Скоро увидите...

Томас чуть прибавил газ, вспомнив о своем брошенном шаре, и «НЭПНИКИ» быстро остались позади. Мы же оказались на широком шоссе, куда с боковых дорог все время въезжали все новые и новые грузовые автомобили. Их было так много, что через минуту все шоссе было ими запружено, скорость движения резко упала и дальше мы ползли уже еле-еле.

— Да, вот это пробочка! — огорченно констатировала Оля. — Как ты думаешь, в чем тут дело?

— Ничего загадочного тут нет, — грустно улыбнулся я. — Видишь ли, в «ХОЗРАСЧЕТОВО» нет тех подземных трубопроводов, которые ты видела в «БИЗНЕС-СИТИ», и все грузы, необходимые для организации производства товаров, перевозят только на грузовиках.

— А почему? — удивился Томас. — По-моему, эти трубопроводы — очень удобная штука. Или я не прав?

— Правы, — согласился я. — Но дело в том, что, начиная в третий раз строительство «ХОЗРАСЧЕТОВО», здешние начальники решили всю хозяйственную жизнь поставить под строгий контроль центральных властей и делать все-все по единому плану, утвержденному в центре. Помнишь,Оля, такую схему экономической жизни мы с тобой видели в первый день, когда тряслись по ухабам долины Пропорциональности?

— Да, — кивнула Оля. — Но к автомобильной пробке-то это какое имеет отношение?

— Самое прямое! Видишь, там вдали возвышается небоскреб? Так вот, это один из центров КАС — Командно-Административной Системы. Без разрешения или команды сотрудников таких центров ни один грузовик или автобус, что бы он ни вез — цемент, станки или рабочих, не может проследовать к своей цели. Именно КАСовцы вместо рынка, который они когда-то решили отменить, пытаются установить, что и где надо производить, сколько и чего для этого нужно. Дело это

небыстрое, и потому экономическая жизнь здесь течет еле-еле...

— А объехать стороной этот центр нельзя? — деловито поинтересовался Томас.

— Увы, пока это невозможно — власть КАСовцев очень велика...

Оля молчала, с сочувствием глядя на то, как Томас поминутно то трогает машину с места, то тормозит, подчиняясь ритму движения по шоссе.

Лишь часа через три мы подъехали к городку КАС вплотную, и с небольшого холма он открылся нам весь.

В центре его возвышалось высотное здание, напоминавшее средневековый замок и увенчанное причудливой формы шпилем. Вокруг замка прихотливо были разбросаны разноэтажные домики со шпилем точно такой же формы, как и на главном здании. Со всех сторон городок был обнесен высокой стеной. Впрочем, ныне стены уже были частично разрушены, и в них зияли огромные проломы. Особенно внушительное впечатление производили ворота, расположенные в противоположных сторонах городка. Одни ворота были предназначены только для въезда и были увенчаны изображением двух скрещенных рук с грозно поднятыми указательными пальцами, ворота же для выезда украшала большая статуя, державшая в поднятой правой руке громадную круглую печать.

— Папа, — прервала молчание Оля, когда мы опять опять остановились, — а почему жители «ХОЗРАСЧЕТОВО» не разрушили такие городки и не сделали

НЕ ЗАБЫТЬ!

ХОЗРАСЧЕТ — это такой способ ведения дел, при котором руководство должно управлять предприятием так, чтобы оно получало прибыль, а не только выпускало продукцию в соответствии с планом, спущенным сверху.

более удобные дорожные разъезды? Это же истинная мука так ездить!

— Во-первых, разрушить крепости КАС не так-то просто. Видишь, какие мощные валы окружают этот городок бюрократов от экономики! А во-вторых, служители Командно-Административной Системы — совсем не дураки. Они десятилетиями внушали и внушили, наконец, жителям «ХОЗРАСЧЕТОВО», что единственная их забота — народное благо. Людей уверили в том, что без ежедневного внимания КАС «ХОЗРАСЧЕТОВО» постигли бы самые страшные из экономических бедствий — безработица, голод и отсутствие уверенности в завтрашнем дне...

— А откуда же тогда появились проломы в этой стене? Или она обрушилась просто от времени? — спросил Томас, озабоченно вслушиваясь в натужный стук мотора нашего автоветерана.

— Нет, время тут ни при чем. Эти проломы — следы отчаянных попыток самых отважных из деловых людей этого района взять Центры Бюрократического Управления штурмом и добиться руководства экономикой на основе экономических интересов людей, на основе хозрасчета, а не с помощью команд...

— Подожди, папа, — удивилась Оля. — Ты говоришь, что они добивались хозрасчета, но ведь весь район так и называется «ХОЗРАСЧЕТОВО»?! Что-то я ничего не понимаю!

— Охо-хо-хо, — вздохнул я. — Называться-то он так называется, но на самом деле история «ХОЗРАСЧЕТОВО» полна примеров ожесточенной борьбы с хозрасчетом. Ведь сам термин «хозрасчет» произошел от двух слов: хозяин и расчет. И смысл его предельно прост — у всего должен быть хозяин, который будет заботиться о своей собственности, будет вести дело расчетливо, чтобы выпускать только те товары, которые пользуются спросом. Но такой

хозрасчет — поперек горла работникам Центров Бюрократического Управления. Сама посуди, ведь если дать всем деловым людям свободу хозяйствовать по своему разумению и в соответствии с требованиями рынка, то зачем нужны все эти бюрократические крепости? Вот поэтому — для маскировки — служители КАС вслух кричали о верности идее хозрасчета, а на деле гробили его, лишая работы, а нередко и просто сажая в тюрьмы тех энтузиастов, которые пытались наладить хозрасчет не на словах, а на деле.

— И чем же это кончилось?

— А кто тебе сказал, что правление КАС в «ХОЗРАСЧЕТОВО» уже закончилось? — пожал я плечами. — Как видишь, пока что объехать их никак не удается. Бюрократы ведь, Оля, племя очень живучее, и вся страна Экономика страдает от них испокон века...

— Папа, но ведь в «БИЗНЕС-СИТИ» мы же их не видели?!

Столько разговоров
про этих БЮРОКРАТОВ,
а я пока что не видела здесь
ни одного из них.
А очень хочется взглянуть.
Наверное, это какие-то
особые люди,
если они всеми так запросто
ПОМЫКАЮТ.

— Видно, вы там пробыли очень недолго, — усмехнулся Томас, включаясь в разговор. — На самом деле и у нас их хватает, но приходится им куда тяжелее — наш способ хозяйствования строго проверяется рынком. И потому, коли не сумеешь угодить спросу покупателей или изготовишь продукцию со слишком большими затратами — сразу разоришься! И никто тебе не поможет, какие бы изящные бюрократические доклады ты ни сочинял. И потому в «БИЗНЕС-СИТИ» бюрократы привольно расплодились только в государственных учреждениях и компаниях, а в частных компаниях и корпорациях живется им куда труднее.

— И все же я не понимаю — почему в «ХОЗРАСЧЕТОВО» им удалось себе создать такую райскую жизнь? — не успокаивалась Оля.

— Видишь ли, дело в том, что, поскольку основатели «ХОЗРАСЧЕТОВО» отменили частную собственность, все предприятия, железные дороги, леса, поля стали принадлежать всему народу. Но надо же кому-то повседневно управлять и распоряжаться этой общенародной собственностью. А кому? Пришлось поручить это дело государственным органам управления. И разросся поэтому в «ХОЗРАСЧЕТОВО» государственный аппарат управления до невиданных в истории размеров — на каждые 8 работающих здесь приходится один управленец! Вообще-то, конечно, без управленцев в стране Экономика обойтись невозможно и польза от них может быть очень большая, если... если только заняты они настоящим делом и работают, помня каждую минуту о необходимости делать только ту продукцию, что действительно нужна людям. Но беда в том, что в районе-то этом само слово «рынок» всегда было чуть ли не бранным — хоть и ушли люди из поселка Военного Коммунизма, а рассуждают все еще так, как в те времена.

— Ну и что?

— А то, что нравится это кому-то или не нравится — но не придумало человечество за всю свою историю лучшего контролера разумности дел в стране Экономика, чем рынок. И потому как только его в «ХОЗРАСЧЕТОВО» объявили вредным пережитком старого, для бюрократов наступило полное раздолье. Любой лентяй смог добиться для себя тепленького местечка — лишь бы его отчеты начальству выглядели покрасивее, а планы — грандиознее...

— И как же люди тут думают жить дальше? Что они делать-то собираются?

— Строиться заново, что же еще! Жить-то под началом Центров Бюрократического Управления не под силу ни одному нормальному деловому человеку.

— Это значит что же — в четвертый раз уже все сначала?! — ахнул Томас.

— К сожалению, — развел я руками. — И эта новая стройка будет очень непростым делом — и свободного места в «ХОЗРАСЧЕТОВО» осталось уже немного, и со строительными материалами плоховато — почти все извели на возведение бюрократических небоскребов. Главная же трудность — люди уже устали и изверились в том, что заживут когда-нибудь хорошо. Но выхода-то нет — прокормить себя надо самим...

В этот момент наш разговор прервался, потому что мы наконец-то въехали в ворота и оказались на площадке для досмотра. С немалым трудом мы убедили дежурного, что попали сюда из «БИЗНЕС-СИТИ» без каких-либо враждебных намерений, а просто по воле стихии. Когда же Томас втолковал ему, что мы не намерены задерживаться в «ХОЗРАСЧЕТОВО» и покинем его немедленно, как только найдем новый пропеллер и заправим шар газом, он начал так заразительно смеяться, что мы невольно последовали его примеру, хотя и не поняли — что же в наших словах такого смешного?

— Видать, вы и действительно мало что знаете о «ХОЗРАСЧЕТОВО»! — покачал головой дежурный, отсмеявшись и утерев выступившие слезы большим белым платком, украшенным узором из крупных синих и красных оттисков печатей.

— А что? — насторожился Томас, да и у нас с Олей улыбка сползла с лиц — задержка в «ХОЗРАСЧЕТОВО» никак не входила в наши планы.

— Так ведь вы же попали в городок Машиностроителей. Здесь вы можете разжиться только пропеллером, да и то вряд ли — вы же не заказывали его год назад, не так ли? А за газом вам надо в городок Газовиков — и там вас, я думаю, тоже никто с распростертыми объятиями не поджидает!

— Не понял! — удивился Томас. — У меня есть деньги! Я могу заплатить даже наличными. И немедленно! Скажите только, сколько и кому.

— Да кому нужны твои деньги! — перешел на «ты» дежурный (похоже, что ему было приятно ощущать свое превосходство над этим залетным простаком). — У нас свои порядки, не то что в вашем загнивающем «БИЗНЕС-СИТИ». У нас главное — попасть в план! А для этого надо за год вперед подать начальству заявку — дескать, для выполнения ваших мудрейших указаний мне, сирому и убогому, нужно то-то и то-то и в таком-то количестве...

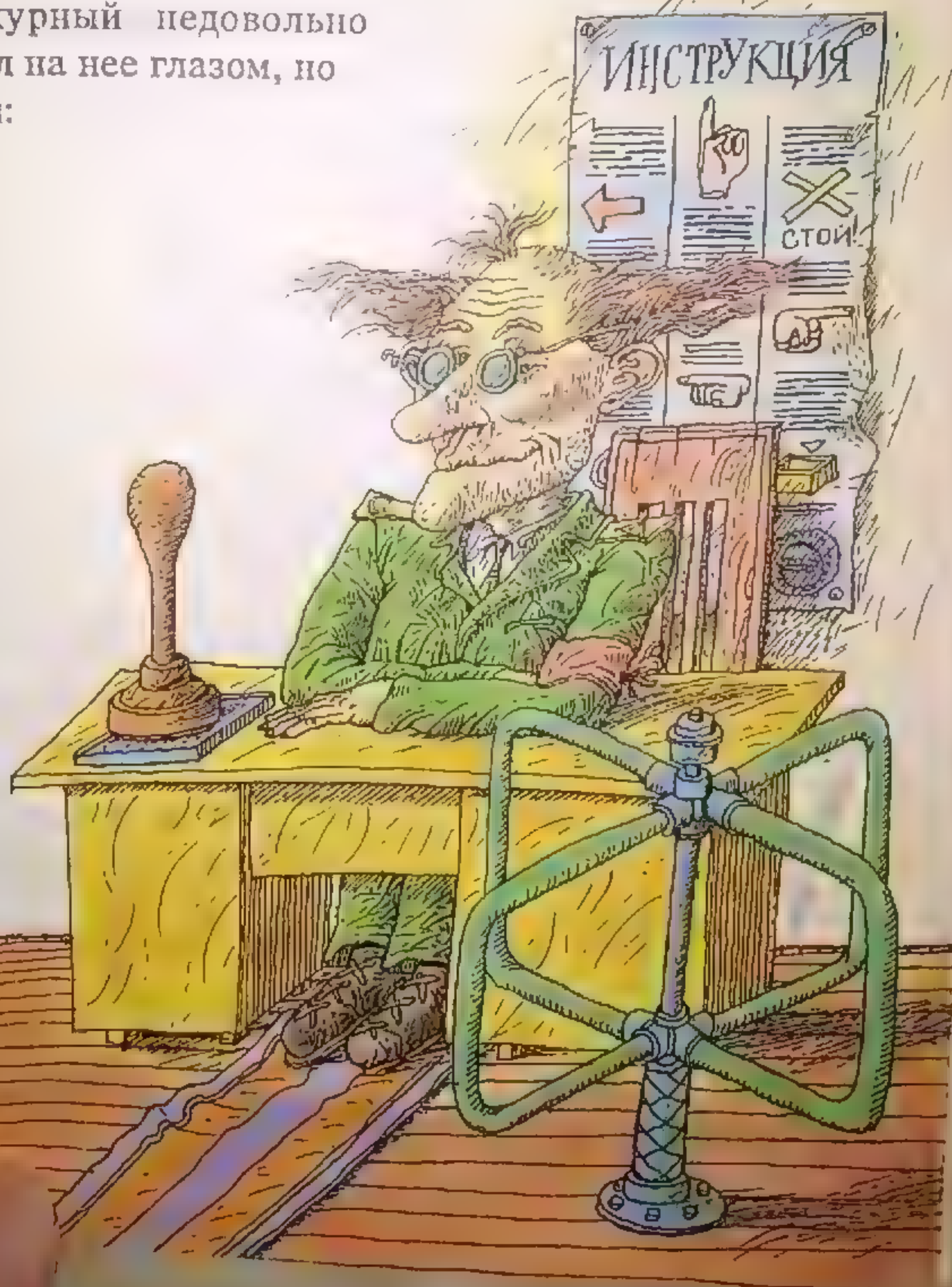
— А как же можно на год вперед знать, что и сколько мне понадобится? — вклинилась в лекцию дежурного Оля.

— Погоди, девочка, не мешай! — отмахнулся от нее дежурный, недовольный, что его перебили. — Значит, так. Подаешь ты заявку начальству. А оно, начальство, тоже не лыком шито — знает, что просят у него всегда и все с ба-а-льшущим запасом, дескать, запас карман не ломит. Потому оно, начальство, значит, берет в руку карандаш и заявочку-то твою ра-а-з и наполовину сокращает! А уж потом посылает в самый главный городок — ЦЕНТРО-

ПЛАН называется. Там заявочку твою еще малость обкорнают и в план на будущий год вставят. А как план тот утвердят, то из него две выписочки сделают. Одну пошлют на завод, где будут делать то, что тебе нужно, а вторую — в совсем другой, но тоже очень важный городок — РАСПРЕД-ГОРОД называется...

— А им-то зачем? — снова не утерпела Оля.

Дежурный недовольно зыркнул на нее глазом, но ответил:

— А в Распред-городе сидят начальники, которые приставлены следить, кто что на самом деле изготавливает и тому ли, кому предписано, продает. Так что, когда заказ твой готов будет, его сначала пошлют на склады РАСПРЕД-ГОРОДА, и там он будет лежать, пока ты не предъявишь бумажку, что это именно ты продукцию эту заказывал. И вот только тогда ты получишь то, что тебе нужно! Вот как у нас все здорово продумано. И все при деле! И никаких там тебе рынков да бирж. А ты говоришь — «наличные»... —передразнил дежурный запальчивую реплику Томаса.

— А если мне через год уже заказ этот окажется не нужен? —недоуменно спросил Томас.

— А это уже твои проблемы! — ухмыльнулся дежурный. —Главное, чтобы план был выполнен!

— Так что же нам делать? — упавшим голосом поинтересовалась Оля, понявшая, что полет на стартовую площадку и возвращение домой могут отодвинуться неведомо насколько.

— Как что? — удивился нашей бестолковости дежурный. —Писать заявку на будущий год, что же еще!

— А быстрее никак нельзя? — обреченно вздохнул Томас, грустно покачивая головой.

— Быстрее можно только по особой заявке, для чрезвычайных случаев, — важно пояснил дежурный, назидательно воздев к небу указательный палец.

— А где ее взять? — сразу ожила Оля. — У вас ее нет?

— У меня все есть, — гордо сказал дежурный.

— А может быть, вы нам ее дадите? — не отставала Оля.

— Не-ет, никак нельзя, — отрицательно покачал головой дежурный. — Не положено!

— Скажите, а вы сувениры собираете? — вдруг сменила тему разговора наша спутница.

— Собираю, а что? — удивленно посмотрел на нее

дежурный. — Как не собирать, когда мимо тебя деньденьской едут люди со всех концов «ХОЗРАСЧЕТОВО»...

— А можно мы вам тоже сувенир подарим?

— А какой у вас сувенир? — заинтересовался дежурный.

— Золотой песок, — выпалила Оля, глядя на дежурного с незнакомым мне выражением в глазах.

— Ну да?! — ахнул дежурный и весь пошел красными пятнами. —У меня в коллекции такого нет.

— Вот и чудесно! — гнула свою линию Оля. — Позвольте нам преподнести вам этот маленький сувенир для пополнения вашей замечательной коллекции.

Не давая Томасу опомниться, она отцепила у него с пояса один из маленьких мешочков с золотым небесным песком, которые наш капитан предусмотрительно прихватил с собой, покидая поврежденный воздушный шар.

Мы и глазом моргнуть не успели, как мешочек оказался в руках у дежурного и тут же исчез где-то в недрах его огромного письменного стола. Из тех же потайных закромов дежурный выудил какой-то листочек с отпечатанной на нем наискось красной полосой и вручил его Оле со словами:

— Всегда приятно иметь дело с умным человеком. Для него у меня всегда сувенир найдется!

На листочке крупными буквами было напечатано: «ОСОБАЯ ЗАЯВКА НА», дальше шел пробел для названия нужной продукции, а ниже буквами помельче было написано: «Подлежит немедленному удовлетворению после подписания следующими ответственными работниками». Еще ниже колонкой было отпечатано с десяток каких-то фамилий и против каждой — место для подписи.

— Это что — нам еще надо столько подписей-виз собрать?! — ахнул я, поняв, ЧТО нам предстоит.

— А как же! — развел руками дежурный. — Тут уж я

ничего поделать не могу! Пропеллер и баллоны с газом вам выдадут с особого склада только после того, как вы соберете все эти подписи, не раньше...

Когда мы вернулись в машину, Томас вопросительно уставился на меня, ожидая, что я скажу ему, куда ехать за подписями. Но я молчал. Молчала и Оля, понимая, что сейчас будет.

— И где же это ты научилась взятки-то давать? — строго спросил я наконец.

— А что делать-то было?! — немедленно перешла в контратаку моя дочь. — Вы-то оба с Томасом носы повесили и руки опустили! А я к маме домой хочу! И без меня вы бы ни за что «Особой заявки» не получили! Вот!

— Так-то оно так, — неодобрительно качнул я головой. — Но только если принимать вот такие правила игры КАСовцев, то порядка в «ХОЗРАСЧЕТОВО» никогда не навести!

Оля только дернула плечом, но промолчала. Я огорченно вздохнул и дал Томасу знак двигаться вперед — на штурм бюрократов.

За прошедшие пять дней путешествия по стране Экономика мы пережили много приключений, порой весьма опасных, но сбор подписей на заявке стал для нас самым тяжелым испытанием. Здесь нам не грозили никакие опасности, но бессмысленность самого этого занятия была столь велика, что я едва удерживался от скандала.

Когда настало время обеденного перерыва, служебные кабинеты мигом опустели, и нам пришлось тоже прервать свои блуждания по бюрократическому лабиринту. Устроившись за столиком в столовой, мы решили пообедать. Я уныло прикидывал, сколько часов нам придется еще потратить на получение остальных подписей.

Мои размышления прервала Оля.

— Папа, и как же здешние деловые люди вообще ухитряются что-то организовать?

— С большим трудом. Надо честно сказать, что жизнь руководителей предприятий при хозрасчете «по-бюрократически» совсем невеселая — шагу шагнуть самостоятельно нельзя, а сверху все шлют приказы да требуют отчетов об их исполнении. А это все оттого, что чем больше приказов, тем вроде бы бюрократ лучше работает. И только тогда, когда дела в «ХОЗРАСЧЕТОВО» пошли уж совсем плохо, местные деловые люди смогли выбить разрешение на то, чтобы у них было больше самостоятельности. Но получается это пока не очень хорошо...

— А почему?

— Прежде всего потому, что КАСовцы стараются всячески вставлять палки в колеса. А потом, годы и десятилетия бюрократического правления не прошли даром для жителей «ХОЗРАСЧЕТОВО» — многие из них заболели тяжелейшей экономической болезнью — иждивенчеством.

— Это когда человек работать не хочет и требует, чтобы его другие кормили, да?

— Совершенно верно. Усилиями КАСовцев болезнь иждивенчества захватила многих людей, которые стали считать, что, как бы они ни трудились, государство все равно им все даст и обеспечит нормальные условия жизни. Множество предприятий десятилетиями получали больше денег в качестве помощи, чем приносили дохода обществу.

— Подожди, папа, — Оля даже отложила вилку, — мне непонятно! Ты говоришь, что бюрократы поощряли иждивенчество. По-моему, как раз наоборот: если люди больны иждивенчеством и ждут, что им, как птенцам, все положат в рот добрые дяденьки из КАСа, то за все трудности они и винить будут тамошних бюрократов.

— Представь себе — нет! Если люди больны иждивенчеством, то им и в голову не приходит, что ненормален весь окружающий их экономический порядок.

Вину же за свои беды они возлагают на какого-нибудь конкретного бюрократа, считая, что они плохо живут из-за его личной нерасторопности и бездушия. А такой образ мысли очень устраивает служителей Командно-Административной Системы — ведь всегда можно без труда снять одного бюрократа, а на его место посадить другого. И люди сразу успокаиваются — как же, их послушали, им пошли навстречу...Значит, до тех пор, пока новый руководитель опять не разозлит людей, Командно-Административная Система может жить в полном спокойствии!

— Ох, — теперь вздохнула уже Оля, — получается, значит, что единственное спасение для «ХОЗРАСЧЕТОВО» — раздать общую собственность, чтобы у всего был свой конкретный хозяин, и пусть каждый выкручивается как знает, так что ли?

— Странный ты человек, — пожал я плечами, — ну зачем тебе однозначный ответ?! Жизнь-то в стране Экономика очень разнообразная, и надо просто дать людям свободу хозяйствовать по своему разумению. А там жизнь покажет — какая форма, какой способ окажутся лучшими именно для здешних условий. А потом — просто так раздать собственность не получится. Как ты, например, «раздашь» крупный металлургический комбинат или огромный автозавод? В лучшем случае их можно сделать акционерными компаниями...

— По-моему, ты увиливаешь от ответа, — улыбнулась Оля.

— Вовсе нет! — собрался я защищать свою позицию.

Но тут над городком резко прозвенел звонок, извещавший об окончании обеденного перерыва, и, тяжело вздохнув, я отправился вместе с Олей и Томасом собирать оставшиеся подписи на нашей заявке.

Справиться с этой задачей нам удалось только к самому концу рабочего дня.

Пока мы добрались с нашей заявкой до заветного

склада, пока погрузили пропеллер и баллоны с газом на наш грузовичок, кое-как привязав бесценный багаж канатами к остаткам кузова, уже начало темнеть, а когда мы доехали до места нашей выпужденной посадки —уже была глубокая ночь. Ночевать в кабине было невозможно. Нельзя было и оставлять груз на шоссе. Пришлось нам с Томасом, спотыкаясь и чертыхаясь в темноте, перетаскивать груз, молясь всем богам, чтобы никто не позарился на пропеллер и баллоны, пока мы циркулируем между кабиной шара и шоссе. Можно было, конечно, оставить Олю сторожить либо кабину, либо грузовик, но, увы, эта трусиха категорически отказалась оставаться в темноте одна и ходила за нами туда-обратно, стараясь не отстать ни на шаг.

Когда мы кончили таскать груз, сил осталось только на то, чтобы заползти в кабину, укутаться оболочкой шара и провалиться в сон. Об ужине мы даже и не вспомнили...

Глава седьмая,

в которой мы штурмуем скалы, а Олю пытаются похитить

С трудом открыв глаза на [illegible] утро, я обнаружил, что Томас уж[illegible]опошится с мотором, заменяя полома[illegible]ер на новый. Оля же и не думала прос[illegible]оскольку завтракать нам было нечем, пришл[illegible]ачать трудовой день на пустой желудок. К тому времени, когда Оля, наконец, проснулась, мы уже закончили дела с мотором и начали потихоньку наполнять шар газом.

К сожалению, газа нам выдали явно недостаточно — видно, сработала привычка урезать любые заявки. Из-за этого подъемная сила шара оказалась куда меньше, чем было необходимо. Поэтому, чтобы взлететь, нам пришлось облегчить корзину, выкинув из нее все, что только было можно. Наконец, медленно и как будто нехотя, наш шар начал подниматься в небо, оставляя внизу не слишком гостеприимное «ХОЗРАСЧЕТОВО».

Выполняя свое обещание, Томас снова направил шар к холму со стартовой площадкой ракетопланов. Но счастье от нас отвернулось, и ветер снова повлек нас совсем в другую сторону. Пока хватало горючего, моторчик пытался перебороть капризную воздушную стихию, но вскоре он всхлипнул и остановился. Наступила тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием корзины. Нас медленно, но неудержимо уносило прочь и от города Деловых Людей, и от заветного холма, и наконец они совсем скрылись за горизонтом.

Зато прямо [illegible] нашему курсу из-за горизонта выросли горные [illegible]ины. Именно туда и гнал нас ветер. Том[illegible]ри-сматривался к [illegible]нокль, и по тому, [illegible] мрачнело его лицо, я понял, что пролететь над горными хребтами нам так и не удастся...

Томас открыл вентиль

шара и начал выпускать газ, направляя шар на посадку. Другого выхода у нас не было. Готовясь к посадке, Томас направил бинокль вниз и начал осматривать местность. И вдруг лицо его просияло, и он начал активно манипулировать вентилем, явно стремясь посадить шар в каком-то определенном месте. Вскоре мы с Олей тоже увидели это место. Почти у самой горы притулился маленький домик с красной черепичной крышей. На его крыше была укреплена какая-то вывеска. Но прочесть ее без бинокля мы пока не могли.

Впрочем, ждать пришлось недолго — Томас лихо приземлил шар метрах в десяти от домика, и мы увидели вывеску на нем: «ПРИЮТ ОТВАЖНЫХ. Прокат и лизинг альпинистского снаряжения».

— А что значит «лизинг»? — сразу заинтересовалась Оля, когда мы вылезли из кабины и двинулись к домику. — Прокат-то я знаю...

— Лизинг — это тоже прокат, но особенный — с правом выкупить со временем то, что ты взял напрокат. Ну, например, решит Томас построить фабрику по изготовлению воздушных шаров. Ему понадобятся станки, а денег-то у него на это нет. Но он может обратиться в банк, который купит это оборудование и сдаст Томасу в лизинг. Это значит, что Томас сможет сразу установить эти станки на своей фабрике, выпускать шары, продавать их, а из выручки выплачивать банку стоимость оборудования. Конечно, плюс плата банку за такую услугу, как же без этого!

Под эти разговоры мы миновали путь до домика и постучали в его дверь. Дверь открыл хозяин дома. Джек Сервис (так его звали) был одет в штормовку. Лицо его окайм-

ЛИЗИНГ — это способ проката, при котором можно постепенно выплачивать стоимость вещи, взятой напрокат, а потом стать её хозяином.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ляла окладистая седая борода, а кожа была так продублена ледяными ветрами и обожжена горным солнцем, что стала темно-коричневой.

Выслушав рассказ о наших приключениях, Джек сразу задал вопрос в лоб:

— А вы сегодня завтракали?

И узнав, что нет, сразу начал накрывать на стол. Надо ли говорить, что мы не стали отказываться от его приглашения...

Во время завтрака мы узнали много полезного. Во-первых, выяснилось, что горы, которые преградили дорогу нашему воздушному шару, называются хребтом Заработной Платы, и обойти этот хребет невозможно. Более того, оказалось, что только пройдя через эти горы, можно добраться по порта Международного Сотрудничества, откуда начинается дорога к стартовой площадке ракетопланов. Наконец, Джек сказал, что он может вызвать из «БИЗНЕС-СИТИ» машину технической помощи, которая привезет газ для заправки Томасова шара, или просто отвезти этот воздушный корабль вместе с его хозяином обратно на площадь Акционеров — что уж хозяин шара предпочтет? Правда, придет машина только завтра — уж больно далеко нас занесло от города Деловых Людей...

Иными словами, мы поняли, что наши пути с Томасом расходятся. Наша дорога лежала вверх и только вверх, хотя ни я, ни Оля никогда еще не участвовали в альпинистских экспедициях. И мысль о том, как мы будем карабкаться по заснеженным скалам, не вызывала у меня особого восторга, да и Оля явно не спешила отправляться на восхождение.

Похоже, что многоопытный хозяин без труда нас раскусил. Он откинулся на стуле, привычно поскрипывающем под его мощным телом, и, прихлопнув ладонью по столу, сказал:

— Ладно, хватит прохлаждаться! В горы надо уходить

с утра. Я иду с вами. И никаких возражений! Мне давно пора размяться, а то засиделся здесь внизу. Собирайтесь — и поскорее! Только сначала отметьтесь у спасательного компьютера, — и он кивнул головой в угол комнаты, где стоял довольно старенький компьютер.

Впрочем, при всей своей допотопности, этот компьютер успешно работал в составе специальной системы помощи всем альпинистам, собиравшимся штурмовать хребет Заработной Платы. Он помогал им выбрать маршрут восхождения и оценивал сегодняшнее состояние любого маршрута. Наконец, каждый альпинист получал здесь крошечный жетон-радиопередатчик, сигналы которого принимала специальная антенна, тоже связанная с компьютером. Это помогало постоянно прослеживать маршрут любого альпиниста, а при несчастье — быстро найти его спасательному отряду, главой которого являлся все тот же Джек Сервис.

Повинуясь запросам компьютера, мы ввели в него основные сведения о себе. Компьютер закодировал их в память, а нам в специальное окошко выбросил жетон. Мы уже решили, что беседа с компьютером закончена, как вдруг он издал резкий сигнал, а на его экране вспыхнула надпись:

СООБЩИТЕ :
ЯВЛЯЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ЧЛЕНОМ ПРОФСОЮЗА (ДА/НЕТ)?

— А зачем это компьютеру знать? — удивилась Оля, имевшая, судя по всему, весьма туманное представление о том, что такое профсоюзы.

— Думаю, что ответ на этот вопрос может весьма существенно повлиять на наше дальнейшее продвижение,— усмехнулся я.—Давай проверим, если хочешь. Попробуй сообщить компьютеру, что ты не состоишь в профсоюзе.

Аккуратно нажимая на клавиши, Оля напечатала слово «Нет» и нажала клавишу «ВВОД». На экране вспыхнула новая надпись:

СОЖАЛЕЮ О ВАШЕЙ НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ!
ПОДЪЕМ НА ТАРИФНЫЙ ПЕРЕВАЛ
ВАМ ПРИДЕТСЯ СОВЕРШАТЬ В ОДИНОЧКУ,
С ПОМОЩЬЮ АЛЬПИНИСТСКОГО ОСНАЩЕНИЯ.
ОПАСАЙТЕСЬ ЛЕДНИКОВ УВОЛЬНЕНИЯ
И РАСЩЕЛИН БОЛЕЗНИ. ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ ВСЕ-ТАКИ
ВСТУПИТЬ В ПРОФСОЮЗ —
НАЖМИТЕ ОДНОВРЕМЕННО КЛАВИШИ
«CONTROL» И «INS» НА КАРМАННОМ КОМПЬЮТЕРЕ,
КОТОРЫЙ ВЫ ПОЛУЧИТЕ У ДЖЕКА

— Подумаешь, испугал, — пренебрежительно дернула плечиком Оля, похоже, уже почувствовавшая себя бывалым путешественником, которому не страшны любые преграды на пути.

— Обойдемся и без профсоюзов!

Джек, слышавший наш разговор, ничего не сказал, но укоризненно покачал головой, впрочем, не переставая ни на минуту возиться с упаковкой рюкзаков. Не прошло и часа, как мы были полностью экипированы и тронулись в путь. Томас проводил нас до подножья. Ох, как не хотелось нам прощаться! Мы вместе пережили трудности и успели подружиться. Расставаться с друзьями всегда грустно, но что поделаешь — такова жизнь. Мы обнялись на прощание. Подъем начался.

Надо сказать, что дело это оказалось весьма непростым, а главное — небыстрым. Путь к перевалу вел по узенькой и очень извилистой тропке, и нам приходилось почти все время идти вплотную прижимаясь к скале. В результате через час такого движения мы продвинулись в

лучшем случае лишь на одну двадцатую высоты той горы, которую предстояло преодолеть и которая, как нам теперь казалось, уходила куда-то в заоблачные выси.

— Все, сдаюсь, — выдохнула, наконец, Оля.— Я больше так карабкаться не хочу! Пап, я была не права, давай попросим помощи у компьютера.

Я достал из куртки малыш-компьютер, молча протянул его Оле. Она молча нажала на клавиши, рекомендованные компьютером, сообщив о желании вступить в профсоюз, и вдруг... Огромная глыба, которую мы только что обогнули, плавно сдвинулась с места, и за ней открылся ровный туннель, ведущий к спрятанному в недрах горы...лифту!

От неожиданности Оля даже онемела.

— Да-да, это действительно лифт, тебе не померещилось, —усмехнулся Джек. — Но доступен он только членам профсоюза. Ведь пробивали для него шахту в скальных массивах и строили эту комфортабельную кабину члены профессиональных союзов трудящихся, и ушли на это десятилетия. Десятилетия труда и борьбы за свои права и интересы с владельцами предприятий, фирм и банков. В этой борьбе трудящиеся добились для себя такой оплаты, которая позволяет им жить почеловечески, а не умирать в нищете и болезнях в 40 — 45 лет, как это было когда-то. И потому для членов профсоюза с тех пор и навсегда путь к вершинам Оплаты Труда значительно облегчен.

— А разве это справедливо? То, что право на лифт имеют только члены профсоюза. А кто не хочет входить в профсоюз, он-то чем хуже? Работает-то он не меньше?! Почему он должен, рискуя жизнью, ползти в одиночку по горным склонам?

ПРОФСОЮЗ —
Это объединение тех, кто занимается сходной работой, у кого похожие
УСЛОВИЯ ТРУДА.
Профсоюзы занимаются защитой интересов трудящихся.

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Справедливо, вполне справедливо, — не соглашался с Олей Джек. — Ты что, думаешь, если лифт уже запустили, то он так и будет всегда исправно ходить до самой вершины без поломок и остановок?

— А почему нет?

— Да потому, что это вовсе не радует хозяев предприятий, живущих в «БИЗНЕС-СИТИ», да и в «ХОЗРАСЧЕТОВО» никто не бегает за трудящимися с криками: «А вот не хотите ли —зарплату повыше да условия труда полегче?!» Поэтому за Профсоюзным Лифтом все время надо присматривать, прилагать общие усилия, чтобы он не портился, чтобы зарплата рабочих росла, чтобы условия труда были все лучше. Профсоюзы и соединяют трудящихся в такой постоянной борьбе. А если рабочий не входит в профсоюзы, не участвует в общей борьбе, не сидит без зарплаты во время забастовки, не рискует увольнением за участие в ней, то совершенно справедливо, что он и не имеет прав на те завоевания, которых добились профсоюзы. Вот так-то! Убедил?

— Пожалуй, — серьезно согласилась Оля, направляясь к двери лифта. Она уже почти вошла в лифт, как вдруг из-за большого камня появилась мохнатая фигура, схватила Олю за талию и с диким воплем помчалась куда-то в сторону.

Я онемел от ужаса. Но Джек ни на секунду не растерялся и, сдернув с плеча ружье, молниеносно нажал на курок. Выстрел отозвался где-то камнепадом, а «снежный человек» издал душераздирающий вопль и рухнул на камни, не выпустив Олю из лап. Не помня себя,я сбросил рюкзак и побежал к двум темным фигурам, неподвижно распростертым на снегу. В мозгу билась только одна мысль: «А вдруг пуля ранила и Олю?» Джек бежал сзади меня, тяжко бухая по камням альпинистскими ботинками.

«Снежный человек» лежал, придавив Олю тяжелой

лапой. Я перевернул его на спину, чтобы освободить мою дочку из плена. И остолбенел — на меня глянуло заросшее бородой, но совершенно обычное человеческое лицо. В нем не было ничего звериного. Впрочем, я тут же забыл об этом, принявшись лихорадочно осматривать Олю, безвольно обвисшую в моих руках, — нет ли на ней крови?

— Да вы не волнуйтесь! — раздался из-за моего плеча голос Джека. — Я же стрелял не пулей, а иглой с быстродействующим снотворным...

Наконец Оля открыла глаза. Я облегченно вздохнул.

— Кто это был, папа? —спросила дочка. — Снежный человек, да?

— Да какой там снежный человек?! — расхохотался Джек. — Это же обычный штрейкбрехер! Их тут очень много. Я потому и ношу с собой ружье со снотворными пулями.

— А кто это такие —штрейкбрехеры? — спросила Оля уже более ясным голосом, высвобождаясь из моих объятий и поправляя куртку.

— Штрейкбрехеры-то? — переспросил Джек, усмехаясь и покачивая головой. — А это те, кто думает только о своей выгоде, не желая считаться с интересами других людей. В общем — эгоисты. В нашей стране таких немало. Они отказываются вступать в профсоюзы, работают даже во время общих забастовок — за что их и прозвали «штрейкбрехерами», что по-немецки значит «разрушители забастовок». Здесь, у нас в горах, их все ненавидят, и потому жить им приходится вдали от людей, в скальных пещерах, одеваясь в медвежьи шкуры...

— А зачем он пытался меня похитить?

— Так ведь тоскливо человеку жить одному, даже если он штрейкбрехер и свои экономические интересы ставит превыше всего во Вселенной. Нужна же какая-то живая душа, которой можно было бы доказывать правоту своей жизненной позиции.

— А разве не надо думать о своих интересах? —поинтересовалась Оля, бросив на меня взгляд —дескать, помню ли я наши разговоры на шоссе Экономических Интересов.

—Надо, конечно, надо, —пожал пле-

ШТРЕЙКБРЕХЕР — тот, кто не хочет вместе со всеми участвовать в ЗАБАСТОВКЕ ради улучшения жизни всех, а старается выслужиться перед хозяевами.

НЕ ЗАБЫТЬ!

чами Джек. — Только знаешь, я когда-то прочел слова, которые запомнились мне на всю жизнь: «Если я не за себя, то кто — за меня? Но если я только за себя, зачем я?» Подумай об этом, ладно?

— Ладно, — серьезно пообещала Оля, и мы тронулись обратно к потайному лифту, оставив штрейкбрехера досыпать в тени скалы, куда мы с Джеком оттащили его, чтобы он не лежал на снегу (еще обморозится!).

Едва мы подошли к дверям лифта вплотную, как они сами раздвинулись, и мы вошли в кабину.

Через мгновение мы уже были на вершине, где была устроена смотровая площадка. Оттуда перед нашим взором распахнулась величественная картина. Оказывается, хребет Заработной Платы образовывал ровное кольцо, внутри которого простиралась довольно плоская долина.

Присмотревшись, мы обнаружили, что подобные нашей смотровые площадки расположены по всему внутреннему склону горы. Как выглядели другие горы хребта Заработной Платы, разглядеть было довольно трудно —

Как было СТРАШНО, когда этот волосатый меня схватил и поволок, как куклу! А если бы Джек не попал? Сидеть бы мне в пещере у этого ШТРЕЙКБРЕХЕРА!

мешало расстояние. Но тут Оля вдруг приметила, что в углу нашей смотровой площадки стоит ...телескоп.

— А это-то здесь зачем? Или здесь наблюдают за звездами?

— Да нет, — усмехнулся Джек.— Астрономы сюда не заглядывают. Да ты и сама присмотрись — телескоп-то нацелен не в небо, а на соседнюю гору...

— Она что — какая-то особенная? — сразу заинтересовалась моя спутница.— А как на нее посмотреть в телескоп?

— Пойдем поближе, там, похоже, тоже вмонтирован свой компьютер... —предложил я.

Так и оказалось, и через минуту мы уже читали на экране вот такую надпись:

К ВАШИМ УСЛУГАМ —
ТЕЛЕСКОП ТАРИФНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ !!!
НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ НАБЛЮДЕНИЙ — КЛАВИША «INS».
ДЛЯ НАВОДКИ ТЕЛЕСКОПА НА ДАЛЬНИЕ ГОРЫ —
НАЖМИТЕ НА КЛАВИШУ «+» И ДЕРЖИТЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ
ОТЧЕТЛИВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ.
ДЛЯ НАВОДКИ ТЕЛЕСКОПА НА БЛИЖНИЕ ГОРЫ —
НАЖМИТЕ НА КЛАВИШУ «—» И ДЕРЖИТЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ
ОТЧЕТЛИВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ.
К ТЕЛЕСКОПУ ПОДКЛЮЧЕНО УСТРОЙСТВО
АВТОМАТИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ ТАРИФОВ.
ВКЛЮЧЕНИЕ — КЛАВИША «TAB».
ЖЕЛАЕМ УСПЕШНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ !!!

— Ух ты, — удивилась Оля,— целое наставление к обычному телескопу! А это устройство...как его...«сравнения тарифов», оно-то зачем?

— Э, голубушка, оно же здесь самое главное! — покачал головой Джек. — Телескоп-то этот здесь уста-

новили не для случайных туристов вроде вас, а для контроля за тем, всем ли платят за работу по справедливости.

— А зачем это нужно?

— Видишь ли, человек всегда и острее всего требует справедливости и одинакового подхода ко всем. И здесь на плато Распределения, где завершается разделение между людьми созданных их трудами товаров и полученных обществом доходов, эти требования звучат всегда особенно остро.

— А почему? Разве так трудно сделать, чтобы все были довольны?

— Очень трудно, — пришел я на помощь Джеку. — От размера зарплаты зависит слишком многое в твоей жизни да и в жизни твоих детей, которых ты должен прокормить, одеть, обуть да еще и заплатить за их учебу. Надеяться можно прежде всего на себя. В лучшем случае государство тебе немного поможет в беде. И потому человек, приходя на рынок труда как владелец бесценного товара —умения делать товары для других, конечно же, отчаянно торгуется, чтобы получить за этот товар цену, то есть заработную плату, повыше. И соединяя усилия в профсоюзе, куда входят те, кто умеют делать одно и то же дело, люди более успешно выторговывают себе зарплату повыше. Хозяину просто говорят: «Либо всем платишь такую зарплату, которую мы считаем справедливой за наш труд, либо ни один из членов профсоюза работать не согласится и дело остановится!»

— А почему тогда людям вообще приходится торговаться-то, раз без их рабочей силы никто обойтись не может?

— Да потому, что, во-первых, покупатель рабочей силы старается заплатить за труд поменьше, чтобы его собственные доходы были побольше. А во-вторых, даже если бы он вдруг и захотел заплатить своим работникам

как можно больше, у его щедрости есть своя экономическая граница. Как ты думаешь, какая?

— Ну-у-у... — протянула Оля, стараясь выиграть время. —Наверное, он не может заплатить рабочим больше, чем сам получит на рынке за изготовленный ими товар. Так?

— Умница! — обрадовался я.— Совершенно верно. Только на самом деле граница здесь проходит еще ниже. Сама посуди, ведь из выручки от продажи товара надо покрыть расходы на потраченные при изготовлении товара материалы, электроэнергию, отложить деньги на ремонт и замену износившегося оборудования. А ведь еще надо внести налоги в государственную казну. Да и себе предприниматель тоже хочет выкроить некоторую сумму, а иначе зачем ему вообще браться за дело?

— И как же тут можно договориться? Прямо как у Крылова в басне «Лебедь, рак и щука» — каждый тянет в свою сторону!

— По-рыночному и договариваются, как же еще, —включился снова в разговор Джек. — Если рабочие запрашивают такую зарплату, при которой вести дело становится невыгодным, предприниматель это дело закрывает.Но тогда товар перестает поступать на рынок и становится дефицитным. Цены на него начинают подниматься, а поэтому у предпринимателя уже появляется возможность заплатить рабочим столько, сколько они требуют. Ну а если дефицит рассасывается за счет товаров, привезенных из-за рубежа, тогда спор за зарплату проигрывают уже рабочие.

— И что тогда?

— Тогда им приходится умерять свои требования. Ведь если они не

АМОРТИЗАЦИОННЫЙ ФОНД — это деньги, которые предприятие копит годами, чтобы было чем заплатить за новые станки и ремонт зданий.

НЕ ЗАБЫТЬ!

могут продать свою рабочую силу, то больше им нечего продать, чтобы прокормить себя и свою семью, понятно? А голод не тетка —приходится соглашаться на зарплату пониже.

— А телескоп-то здесь при чем? — вернулась к своему вопросу Оля.

— Во-первых, — начал загибать пальцы Джек, — чтобы следить — не платят ли где-нибудь за такую же точно работу побольше. Если такое местечко обнаруживается, то люди либо стараются туда перейти работать, либо начинают требовать, чтобы и им платили не меньше. Можешь называть это чувством справедливости, можешь —завистью, но дело обстоит именно так. А вторая забота, которая заставляет держать такие телескопы на всех смотровых площадках,—желание узнать: не платят ли где-нибудь за легкую работу больше денег, чем человек получает у себя на предприятии за труд более тяжелый? Плата за труд — ее здесь часто называют тарифом — всегда находится в центре внимания жителей страны Экономика. И с помощью вот таких телескопов мы ведем постоянные сравнения. Хочешь, мы тоже попробуем этот телескоп в деле?

— Да,— с удовольствием согласилась Оля, которой уже давно не терпелось поглазеть в компьютерный телескоп.

Манипулируя клавишами, Джек навел телескоп на дальнюю от нас вершину и принялся настраивать изображение на резкость. Наконец ему это удалось, и, прикладываясь поочередно глазом к окуляру, мы увидели точно такую же смотровую площадку на вершине горы. Там тоже стоял какой-то человечек и, прильнув к телескопу, смотрел на...нас!

От неожиданности Оля вздрогнула и отпрянула от телескопа.

— Ты чего испугалась? — усмехнулся Джек.

— А кто это на нас смотрел? Противно как-то...

— Приятного мало, —согласился я.— Но ничего не поделаешь —люди всегда интересуются заработками друг друга и ищут место, где можно заработать денег побольше и полегче. Вот мы тебе только что рассказали о том, как люди, объединяясь в профсоюзы, добиваются, чтобы им платили одинаково за одинаковую работу на любом предприятии, кому бы оно ни принадлежало.Так? Но есть в стране Экономика и еще более трудная задача —в каком соотношении должны находиться зарплаты людей совершенно разных профессий.

— Чего-чего? — переспросила Оля, которая, похоже, пропустила мои последние слова мимо ушей, стараясь навести телескоп так, чтобы мы видели человечка на противоположной горе, а он нам в глаза заглянуть не мог бы.

— Проще говоря, вопрос стоит так — должен ли шахтер зарабатывать больше водителя грузовика? А если да, то на сколько? Вот как бы ты решала эту задачку?

— Я? — удивилась Оля. — Ну, не знаю...А сколько часов они работают в день?

— Оба — по восемь часов и по пять дней в неделю, —спокойно ответил я.

— Тогда скажи... скажи,сколько тонн угля добывает за день шахтер и сколько тонн перевозит водитель?

— Я тебе скажу только одно — ты идешь в ложном направлении. Ну а если бы я сказал, что шофер водит не грузовик, а междугородний автобус, ты что,сравнивала бы количество добытых тонн и вес перевезенных пассажиров, так что ли?

— Ну, тогда я не знаю — кто сколько сумеет выторговать, так что ли?

— О, в самую точку,—развел руками Джек.

— Правда? — искреннее удивилась Оля, не ожидавшая, что оказалась права.

— Конечно, и здесь идет настоящий рыночный торг. Например, если шахтеры решат, что им платят слишком мало за их нелегкий труд, а забастовки не помогают, то некоторые начинают увольняться с шахт и меняют профессию. Да и молодежь все реже выбирает эту работу для себя. Добыча угля сокращается, он становится дефицитным, и цены на него начинают расти. Тогда, чтобы привлечь побольше работников (если, конечно, нельзя заменить их новыми, пусть и дорогими машинами),

зарплату шахтерам начинают повышать до тех пор, пока люди не начинают бросать свою работу, чтобы наняться на шахты, где заработок стал таким высоким.

— Ну а если шоферы решат, что им теперь платят слишком мало по сравнению с шахтерами, тогда что?

— Тогда они начнут поступать так же, как шахтеры, добиваясь и себе повышения заработной платы или меняя профессию... — пожал плечами Джек, удивляясь тому, что это может быть кому-то непонятно.

— Но это же получается бесконечный замкнутый круг повышения зарплаты для всех!

— Ну, на самом деле круг этот вовсе не бесконечный, —покачал я головой. — Ты забыла о том, что есть еще и такая вещь, как цена, которую определяет рынок. Если зарплата повышается слишком сильно, то производство продукции может стать невыгодным и ее просто перестанут выпускать. И что будет тогда,а ?

— Ну,— протянула задумчиво Оля,— наверное, предприятия закроются и рабочие, запросившие слишком высокую зарплату, окажутся вообще без работы и без зарплаты, да?

— Именно так, умница. Поэтому в жизни борьба работников за получение как можно большей суммы денег приводит к тому, что устанавливается более или менее устраивающая всех зарплата.

— Пока снова кому-то не покажется, что он получает слишком мало,— хихикнула Оля.

— Зря хихикаешь,— пожал я плечами,— ничего тут смешного нету. Начнешь работать, сама увидишь — когда дело идет о заработках, разгораются такие страсти, что не приведи господи!

А есть еще один сложный вопрос — это разный уровень квалификации работников одной и той же профессии. Чем лучше результаты труда работника, тем большей оплаты он заслуживает. И это справедливо, не так ли?

— Наверное, — неуверенно сказала Оля.

— Не наверное, а точно, — наседал я на нее.— Но как определить — НАСКОЛЬКО он работает лучше и насколько БОЛЬШЕ ему следует по справедливости платить,а?

— Понятия не имею. А как? Измерить разве это никак нельзя?

— Тепло-тепло, почти горячо, — хлопнул в ладоши Джек. —Думай дальше — ты на верном пути!

— Ну... — напряглась Оля,— наверное, надо придумать какие-то способы измерения умелости. Например, можешь сделать какую-то сложную вещь — получай плату высокую, не умеешь — низкую, да?

— Отлично,— обрадовался ее сообразительности Джек. —Примерно так это и делается в стране Экономика.

— Ну что, будем спускаться?

— Давай, — согласилась Оля и вопросительно глянула на Джека. — А как?

— Ну, это уж совсем просто, — ответил он на ее вопрос. — Сейчас я вызову кабинку фуникулера, в которой вы спуститесь вниз. А я двинусь назад — поджидать новых клиентов. Кстати, внизу есть такой же пункт проката и лизинга, как и мой. Туда вам надо сдать снаряжение. Там же и расплатитесь. Желаю удачи!

Он шагнул к краю площадки, где в скалу был врезан пульт с несколькими кнопками, и нажал на одну из них. На пульте сразу же вспыхнула красная лампочка, один из камней сдвинулся, и за ним открылись двери на площадку фуникулера. А через несколько минут подъехала кабинка. Джек открыл нам двери, помог затащить внутрь кабинки рюкзаки и прощально помахал рукой, когда мы заскользили по канату вниз.

До дна лощины было уже недалеко, когда кабинка вдруг остановилась и сразу же ожил экран компьютера, вмонтированного в стенку. На нем появилась надпись:

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ОСТАНОВКА —
КАРНИЗ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА.
СООБЩИТЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ВАШЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО ДВИЖЕНИЯ.
ПОДЪЕМ НА ДРУГОЙ ПИК ХРЕБТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ —
КЛАВИША «П».
СПУСК В ЛОЩИНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ —
КЛАВИША «С»

— А почему фуникулер не доходит до самого низа? —удивилась Оля.—Вроде же с самого начала речь шла именно об этом?

— Я думаю, он решил нас подстраховать — вдруг мы на самом деле не собирались спускаться в саму лощину Общественного Потребления, а просто собирались добраться к подножью другой горы, где присмотрели более выгодные условия работы? Тогда нам было бы действительно удобнее двигаться по карнизу Прожиточного Минимума — ведь с него можно начать подъем на любую из гор хребта Заработной Платы.

— А этот карниз —природный или его люди вырубили? Уж больно он удобен — в настоящих горах такого я никогда не видала.

— Как тебе сказать? —почесал я в затылке.—Вообще-то создала его природа страны Экономика, а уж таким гладким и удобным для перемещения [illegible]али человеческие руки за века существования [illegible] Заработной Платы. Кстати, если тебе интересно — когда-то на этом карнизе шли нешуточные бои!

— Бои? А кого с кем? [illegible]?

— Кого? Трудящихся [illegible]нимателями. А вот за что — этот вопрос посложнее. И чтобы я смог тебе на него ответить, скажи мне сначала ты — меньше чего не может быть заработная плата, как ты считаешь?

— Не знаю, — пожала плечами дочь, — наверное, есть какая-то сумма, меньше которой получать нельзя, чтобы хватило на жизнь...

— Верно, но что значит «надо на жизнь»? Кому? И на какую жизнь?

— Как это на какую? —теперь уже удивилась Оля. — Что, у человека разве могут быть несколько жизней?

— Ну, жизнь-то у человека, конечно, только одна, но она может быть разной — один всю жизнь перебивается с хлеба на воду, а другой меняет роскошные лимузины

каждый год и при этом считает, что он получает такие доходы, которые ему «надо на жизнь».

— По-моему, ты ко мне придираешься, — возмущенно сказала дочь. —«Надо на жизнь» — это значит столько денег, сколько нужно, чтобы не умереть от голода, как-то одеться и заплатить за жилье. Мы же об этом договорились еще в первый день, помнишь, когда выясняли, что человеку надо?!

— Не сердись, Оля. Я не зря спрашиваю — вопрос не такой простой. Представь себе, что ты —мужчина, кормилец семьи и у тебя новорожденный ребенок, а жена сидит с ним дома, не работает. Вот теперь и скажи —«надо на жизнь» должно хватать на то, чтобы и их прокормить или нет?

— Конечно!

— А если ты об[illegible]ь детей и у тебя их пятеро — от года до десяти [illegible]на, конечно, работать при такой семье не в сос[illegible] тут как быть? Включать расходы на содержание еще [illegible]ти человек в тот минимум, который тебе «надо на жизнь» [illegible] нет?

— Включать, конечно[illegible] же должны есть!

— Тогда получается, [illegible] каждого человека свой прожиточный минимум, так что ли? В зависимости от того, какая у него семья? И зарплата, значит, обязательно должна ему этот минимум средств на существование обеспечивать?

— А что тут такого —люди-то все разные?! И все имеют право на жизнь.

— Тут ты, конечно, права, но давай посмотрим на дело с другой стороны.

— С какой?

— Со стороны справедливости, так, как она понимается жителями страны Экономика. Представь себе двух рабочих, которые трудятся бок о бок в одном и том же цеху, делают одинаковую работу, но только у одного нет

детей и жена тоже работает. А у второго трое детей и жена сидит с ними дома, ведет хозяйство. Если следовать твоей логике,то зарплата у второго рабочего, которому надо прокормить кроме себя еще четверых иждивенцев,должна быть значительно больше, чем у первого, хотя результаты труда у них одинаковые, так?

— Так,— упорно гнула свою линию Оля.

— Хорошо, допустим, что законы страны Экономика будут построены в соответствии с твоей точкой зрения. Но к чему это приведет? Давай разберемся. Во-первых,любой предприниматель будет стараться не брать на работу или под любым предлогом уволить многодетного рабочего, и он окажется безработным...

— Можно запретить это делать — принять такой закон и все!

— Ну, знаешь, когда юридические законы начинают действовать против законов экономических, из этого ничего хорошего не выходит — либо юридические законы перестают действовать, либо экономические законы начинают так мстить за насилие над собой, что не приведи господи! А потом, даже если ты добьешься соблюдения закона о защите прав многодетных работников, то остается еще проблема с бездетным рабочим.

— А у него-то что за проблема?

— Ничего себе вопросец! Попробуй-ка взглянуть на эту проблему его глазами. Он работает ничуть не хуже, чем его сосед, а получает куда меньше.

— Но ему и денег-то надо меньше — у него же дома дети голодные не сидят! — не сдавалась Оля.

— Так-то оно так, но дети, в конце концов, это твое личное дело, твоя радость и твое семейное счастье...

— Почему это?! — возмутилась Оля.— Дети вырастут и будут работать на все общество. Если не будет детей, то кто будет потом кормить бездетных стариков? Кто будет их лечить? Кто будет делать для них лекарства и одежду?

— Так-то оно так, —покачал я головой,— но в реальной жизни большинство людей живет сегодняшним днем и не хочет думать о том, что будет через 20 — 30 лет, а уж тем более не любит подчинять свои личные интересы интересам всего общества. Нравится это тебе или нет, но человек пока таков, и с этим надо считаться. Здесь есть реальное и очень непростое противоречие между экономическими интересами каждого отдельного человека и экономическими интересами всего общества.

— Ну и как же быть?

— Искать решение, которое худо-бедно устроит всех, что же еще здесь поделаешь? И в стране Экономика такое решение в конце концов нашли. Верхняя граница зарплаты здесь определяется только результатами твоего труда. Нижняя же граница —прожиточный минимум — устанавливается единой для всех. Прожиточного минимума должно хватать, чтобы такая семья не умерла с голода и могла иметь крышу над головой. Даже если работать будет только один из взрослых. Конечно, в жизни не все получается так гладко.

— А как же быт[illegible], у кого детей больше ? Голодать?

— Когда-то так и было — голодали и помощь могла прийти только от благотворительных обществ. Но потом в результате долгой борьбы за свои права трудящиеся добились того, что появились общественные фонды потребления. Они-то и помогают старикам, больным, многодетным. Сейчас ты сама это увидишь, если прикажем компьютеру опустить нас, наконец, в лощину Общественного Потребления.

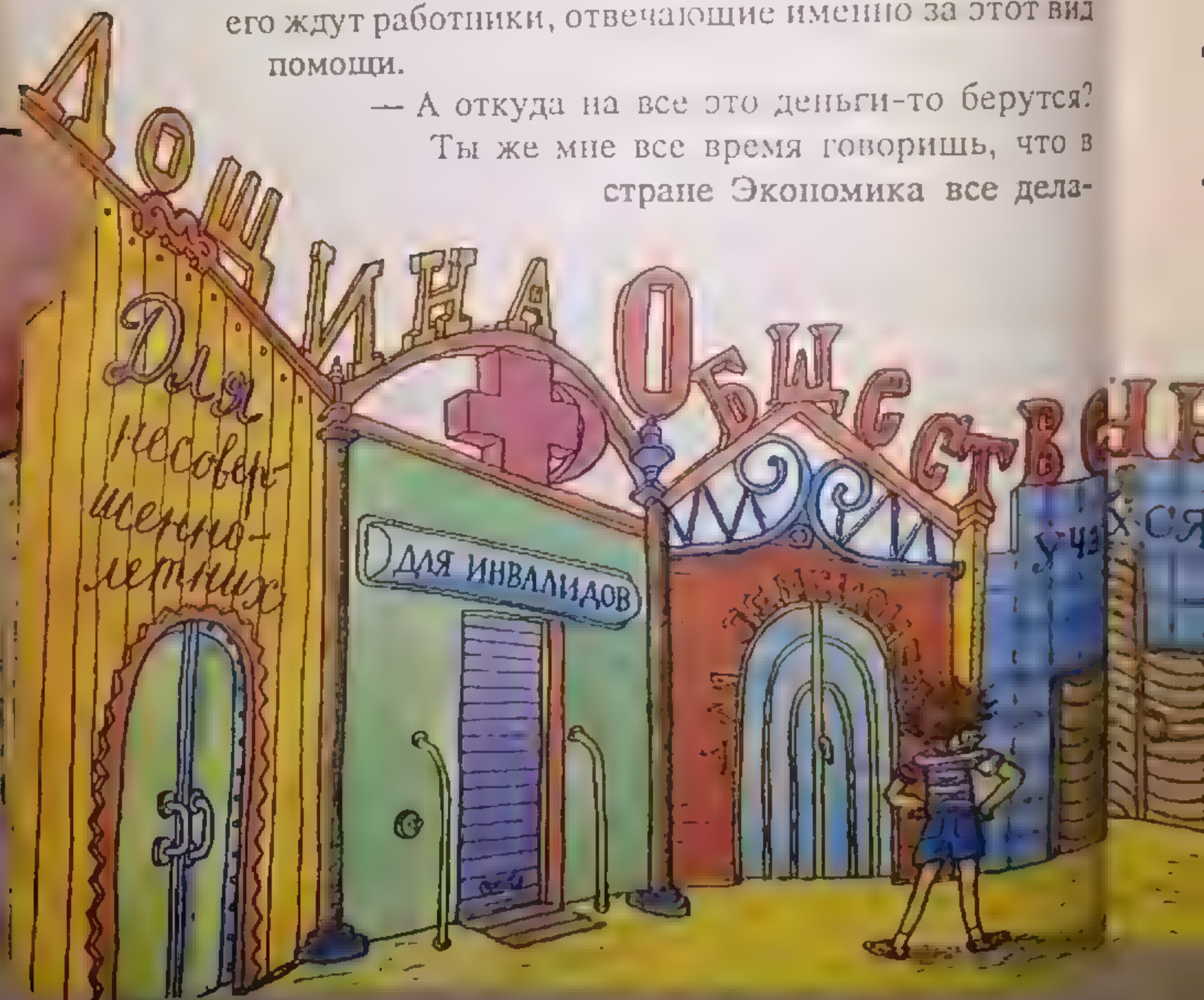
Нажатие на клавиш «С» действительно снова включило двигатель фуникулера, и он, наконец, доставил нас на дно лощины. Когда мы вышли из кабины, то увидели, что из павильончика на улицу вели 7 дверей! И на каждой из них была своя надпись. На первой было написано — «Для несовершеннолетних», на второй — « Для инвали-

дов». В третью дверь приглашали пройти пенсионеров, в четвертую —учащихся. Пятая дверь была предназначена для тех, кто не работает по болезни, шестая —для безработных, и только на седьмой была надпись «Для туристов».

— А зачем здесь столько дверей? — поинтересовалась Оля, направляясь не спеша к «туристической» двери.

— Странный вопрос! — в свою очередь удивился я. — Ведь в лощине Общественного Потребления помогают совершенно разным группам жителей и помогают поразному. Учащемуся дают стипендию, чтобы он смог завершить образование. Ребенку из многодетной семьи помогают пособием, чтобы родителям было на что купить ему еду и одежду. Пенсионеру платят пенсию, а больному — возмещают расходы на лечение. Каждому свое — поэтому каждый должен выйти через свою дверь, где его ждут работники, отвечающие именно за этот вид помощи.

— А откуда на все это деньги-то берутся? Ты же мне все время говоришь, что в стране Экономика все дела-

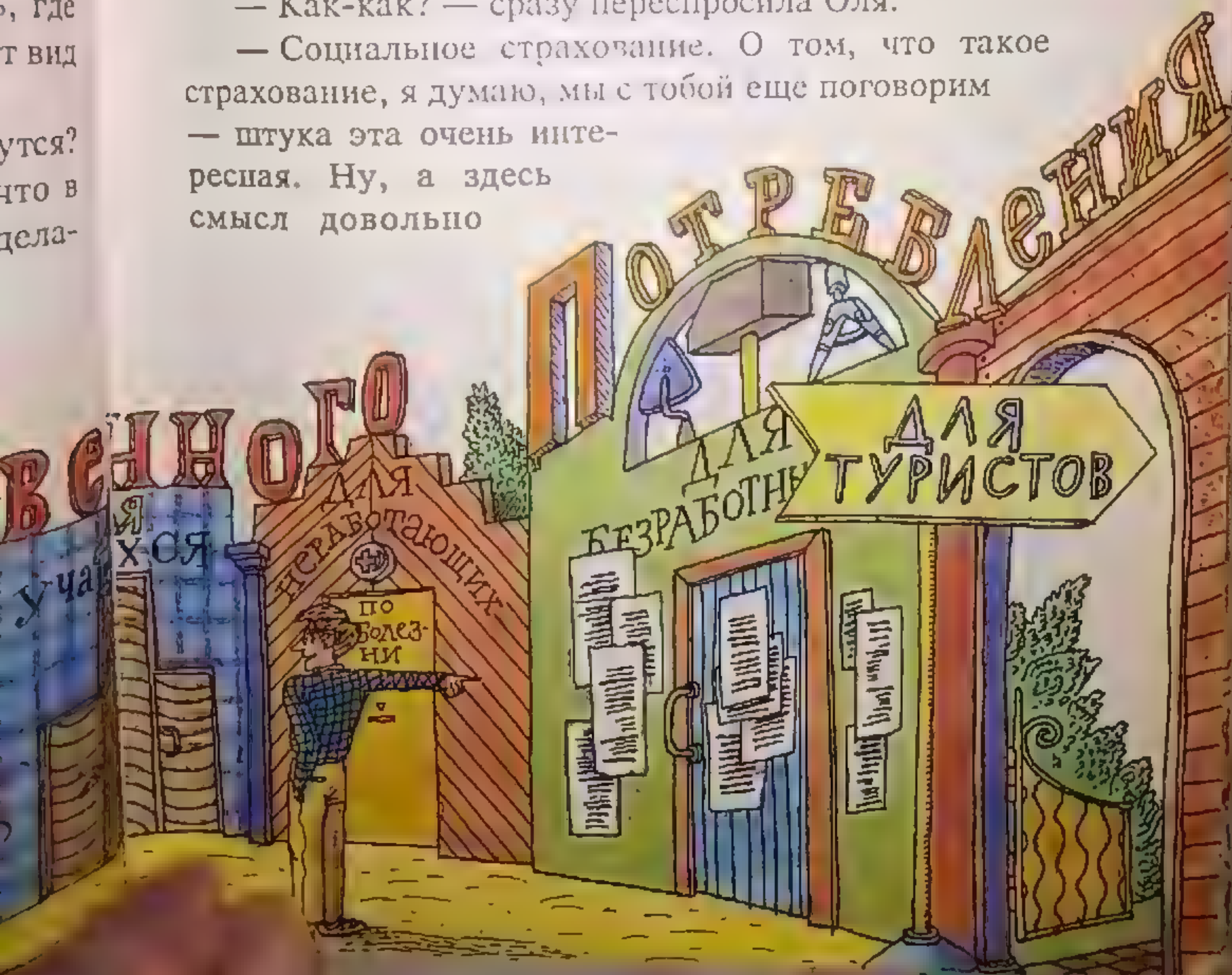

стся за деньги, все надо заработать своим трудом, что тут каждый смотрит за соседом — не получает ли тот слишком много, и дрожит сам над каждой копейкой! Разве не так?

— Так. Но жизнь страны Экономика сложнее, чем тебе кажется, и появление здесь лощины Общественного Потребления вовсе не отменяет все то, о чем мы с тобой говорили раньше. Во-первых, кое-что и тут прямо зависит от того, как ты сам работаешь и сколько получаешь. Например, размер пенсии прямо зависит от того, сколько лет ты работал и сколько получал. А что касается других пособий, то деньги для них берутся, конечно, не из воздуха. Для этого заранее откладывается часть заработков жителей страны Экономика. Называется это отчислениями на социальное страхование...

— Как-как? — сразу переспросила Оля.

— Социальное страхование. О том, что такое страхование, я думаю, мы с тобой еще поговорим — штука эта очень интересная. Ну, а здесь смысл довольно

простой —каждый владелец предприятия должен часть своей выручки платить особым организациям, которые копят деньги, чтобы подстраховать, уберечь работника от нищеты в старости. Распоряжаются такими страховыми пенсионными фондами чаще всего профсоюзы.

— И все-все покорно отдают деньги на эти цели? —скептически сощурила глаза Оля.

— Ну, насчет покорно не скажу, многие, особенно те, кто побогаче и кому надо платить суммы побольше, пытаются уклониться. Но в общем-то механизм этот во многих странах сегодня хорошо отлажен и помощь в лощине Общественного Потребления люди получают. Кто лучше, кто хуже, но помощь эта вполне реальна.

— Я все равно не понимаю, — гнула свое моя спутница.—Что трудящимся полезны такие фонды —это понятно. Но почему богатые-то соглашаются отдавать деньги на такие цели? Им же от этого никакой выгоды?!

— Вот тут ты ошибаешься, — покачал я головой.— Конечно, богатые люди не пользуются бесплатными больницами и школами. Но и им есть выгода от такой помощи больным, бедным и безработным. Ведь нищие люди —это порох в любом обществе. Отсюда всегда можно ждать взрыва народных волнений и забастовок. А это — потеря доходов для владельцев капиталов. Поэтому разумнее отдать небольшую часть доходов на помощь малоимущим сегодня, чем потерять большую часть этих доходов завтра из-за забастовок и восстаний. А уж в «ХОЗРАСЧЕТОВО»-то вообще долго считали, что общественные фонды потребления — это столбовая дорога к будущему раю для всех...

— А почему ты говоришь об этом с такой горечью? Разве это не так?

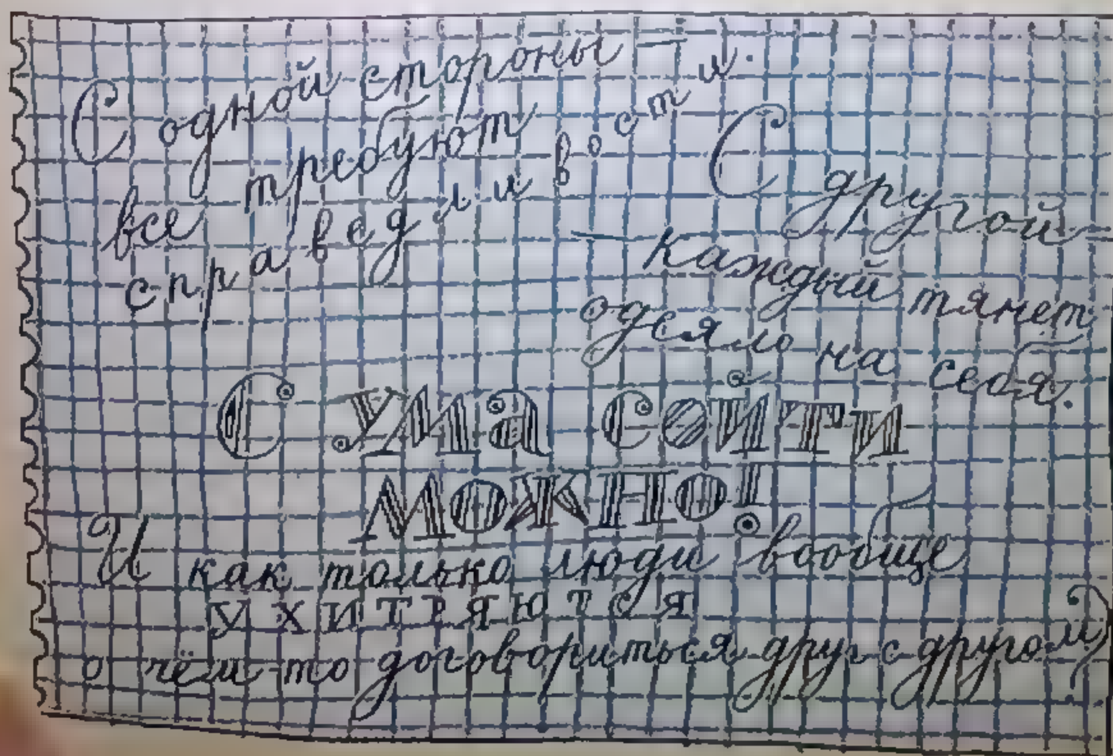
— Да нет,— помолчав ответил я. — Все оказалось не так просто, как виделось создателям «ХОЗРАСЧЕТОВО». Со временем выяснилось, что такая помощь — вещь совсем не безобидная.

— Не понимаю, что плохого в бесплатных школах и больницах?

— В принципе это прекрасно — каждый получает равные возможности для образования и лечения. Все это так. Но тут есть два подводных камня, две грозные опасности, справиться с которыми очень непросто.

— Опасности? — удивилась Оля.

— Да-да, опасности. Первая из них — ослабление интереса к труду. Человек работает потому, что у него нет иного способа прокормить себя и свою семью. И подавляющая часть человечества живет только на собственную зарплату. Поэтому после того как исчезло рабство, человека побуждают трудиться получше только желание получить заработную плату побольше и страх оказаться безработным. И чем каждый человек работает лучше и изобретательнее, тем богаче становится и он сам, и все общество в целом. Но если человек начинает многое получать бесплатно, то к труду он начинает относиться уже с прохладцей. А уж если ему и жилье дают бесплатно,

и отдых оплачивают почти на три четверти... Сама понимаешь, к чему это ведет.

— А мне всегда казалось, что это очень хорошо, —растерянно пожала плечами Оля.

— Увы, не тебе одной...

— А тогда какая вторая опасность?

— Да все та же —бюрократия. Чем больше общество раздает людям бесплатно, тем больше и бюрократический аппарат, который занимается таким распределением, и крепче власть этого аппарата над человеком. А к чему приводит полновластие бюрократии, ты уже в «ХОЗРАСЧЕТОВО» видела...

Болтая так, мы вышли через двери для туристов, сдали альпинистское снаряжение коллеге Джека и, расплатившись, неторопливо двинулись по тенистой дорожке. Лощина Общественного Потребления была чрезвычайно мирным уголком, наверное, самым безмятежным во всей стране Экономика. По обе стороны от шоссе непрерывной цепочкой тянулись школы, детские сады, медицинские учреждения, на лавочках в скверах сидели пенсионеры...

Внезапно откуда-то раздался тревожный рев сирены, и не успели мы понять, в чем дело, как все вокруг окутал густой туман. Сирена, наконец, замолкла, и невидимые в тумане громкоговорители сообщили, что на лощину опустился туман ИНФЛЯЦИОННОГО ОБНИЩАНИЯ и всем рекомендуется не трогаться с места до тех пор, пока он не рассеется.

— Батюшки! — всплеснула руками Оля. — Это еще что за напасть такая? А мне-то казалось, что в этой лощине все так мирно! И при чем здесь инфляция — здесь же нет реки Денег?!

— Я же тебе говорил —в стране Экономика всегда надо быть начеку! А этот туман — главная беда лощины Общественного Потребления. Видишь ли, зловещие испарения Инфляционного гейзера носятся в воздухе по всей

стране Экономика, но здесь им особенно легко конденсироваться и стать туманом, в котором тяжело дышать и еще труднее —прожить на те деньги, которые выдаются местным жителям. Беда в том, что горы в хребте Заработной Платы постоянно растут благодаря борьбе профсоюзов за более высокие заработки. Ведь из-за инфляции цены постоянно увеличиваются, и чтобы завтра жить хотя бы так, как ты живешь сегодня, тебе нужно получать куда больше.

— Ну и что? Ты же говорил, что это правильно?

— Я и сейчас повторю то же самое. Но беда в том, что пенсионерам, инвалидам, безработным добиваться увеличения своих выплат куда тяжелее, чем рабочим. Они ведь не могут забастовать! Поэтому периодически горы хребта Заработной Платы заслоняют солнце над лощиной Общественного Потребления. Тогда там становится темно и сыро — а это идеальные условия для появления Инфляционного Тумана...

— И что же делать?

— Ну, долго так продолжаться не может. Ведь трудящиеся заинтересованы в том, чтобы, спустившись в старости или из-за болезни с вершин Заработной Платы, они могли жить в лощине Общественного Потребления не голодая и видя солнце над головой. Поэтому, добившись повышения своей заработной платы, они начинают добиваться и увеличения отчислений на помощь бедным, больным и безработным.

— Да,— протянула Оля, — а мне казалась, что здесь-то уж у людей — кроме безработных, конечно, — нет никаких проблем и волнений.

— Так может казаться только со стороны, — покачал я головой,—а на самом деле проблем тут тьма-тьмущая. Только начни разбираться!

Тем временем налетевший ветерок разогнал остатки тумана. Мы двинулись в путь и вскоре дошли до озера,

которое лежало в ущелье, рассекавшем хребет Заработной Платы.

На берегу озера были выстроены причалы, и у них на волнах покачивались катамараны и яхты со свернутыми парусами.

— Какое красивое озеро! — восторженно протянула Оля.

— Да, это один из заветных уголков страны Экономика —озеро Номинальных Доходов, — кивнул я головой. — Сюда с утесов Заработной Платы стекают денежные потоки, питающие это озеро и вытекающую из него реку Семейных Расходов.

— Папа, а почему это озеро так называется — «Номинальных Доходов»? Что это значит?

— Видишь ли, в стране Экономика есть два вида доходов — номинальные и реальные. Номинальные доходы — это та сумма денег, которую получают как заработную плату. А реальные доходы — это стоимость товаров, которые на эти деньги можно купить.

— А какая разница? —не поняла Оля.—Если я получила на руки 200 рублей, то и потратить смогу ровно столько же. Если только я сама ночью не напечатаю еще 100 рублей фальшивыми бумажками! — и она захихикала, довольная собственным остроумием.

— Не помню, говорил ли я тебе, что юмор —не самый главный из твоих талантов? —сдержанно поинтересовался я.

— Ну и пусть! —дернула плечиком Оля. — Но по существу-то я права, это же каждому ясно!

— Вовсе нет. Ты все время забываешь об инфляции! А она в стране

НОМИНАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ –
это те деньги, что ты в день получаешь
на руки в КАССЕ получки,
а РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ –
это стоимость товаров
и услуг, которые можно
купить на
НОМИНАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ.

НЕ ЗАБЫТЬ!

Экономика вездесуща и отпечатывается буквально на всем, что хоть как-то связано с деньгами. И в этом райском уголке, как ты только что убедилась, от нее тоже нет спасения. Вот и приходится проводить различие между доходами номинальными —сколько ты денежных единиц, например рублей, получил на руки в кассе — и реальными.

— Все равно не понимаю, — упрямо замотала головой моя собеседница. —Смысл-то в этом какой?

— Большой, — гнул я свое.— Допустим, что заработная плата у тебя действительно 300 рублей в месяц и получаешь ты такие деньги уже третий год. Но за это время из-за инфляции цены на все товары поднялись, например, на четверть. А что это значит? Да только то, что на ту же сумму денег купить ты сможешь товаров на четверть меньше, чем три года назад. Иными словами, номинальные доходы у тебя вроде бы не сокращались, а реальные — сильно упали. Но тебя-то волнует, сколько ты на эти деньги сможешь купить нужных тебе вещей.

Так что не обольщайся полноводностью и красотой озера Номинальных Доходов — для жителей страны Экономика куда больший интерес представляет совсем другое озеро — Реальных Доходов, и путь наш с тобой лежит именно туда.

— А как мы туда поплывем?

— Попросим кого-нибудь прихватить нас с собой — видишь, сколько тут у причала стоит яхт и катамаранов? Мир не без добрых людей...

На том мы и порешили, тем более что солнце уже скрылось за вершинами гор, окружавших лощину Общественного Потребления, да и есть хотелось нестерпимо. Я принялся ставить палатку, а Оля, натаскав веток, развела костер и открыла консервы. Так — у костра, под шум денежных водопадов —мы и закончили седьмой день нашего путешествия по стране Экономика.

глава ВОСЬМАЯ, в которой мы садимся на мель, а Оля получает СТРАХОВОЙ ПОЛИС

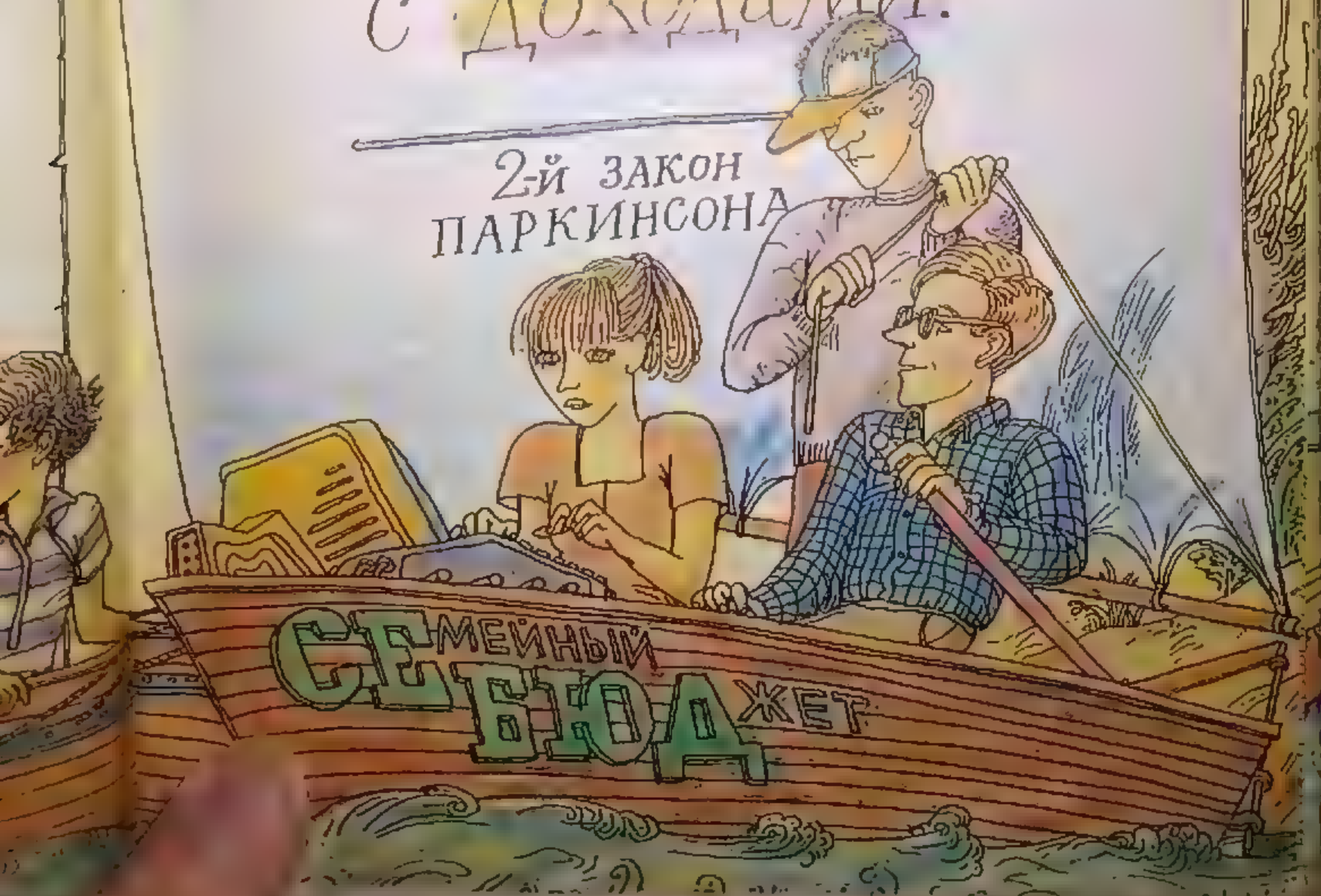
Утром меня разбудили чьи-то веселые голоса. Пока Оля зевала и протирала глаза, я выбрался наружу и через минуту познакомился с молодой супружеской парой — Наташей и Сережей. Они готовились отплыть вниз по реке на катамаране, который назвали странным именем «СЕБЮД». Впрочем, как они со смехом пояснили, это было сокращение от слов «семейный бюджет». Это понятие было для них совсем новое — они недавно поженились и собирались в первое плавание по реке Семейных Расходов. Узнав, что и мы движемся в том же направлении, молодые люди охотно пригласили нас с собой. Когда же Наташа узнала, что я экономист, она очень обрадовалась. Оказывается, разбудил меня утром их спор именно на экономические темы — молодожены никак не могли договориться, как им составить программу для компьютера, который помо-

ЛИШНИХ ДЕНЕГ НЕ БЫВАЕТ

расходы **РАСТУТ** вместе с доходами.

2-й ЗАКОН ПАРКИНСОНА

гал управлять катамараном. Компьютер требовал от них информацию о том, как они собираются тратить свои будущие заработки. Мнения новобрачных разошлись. Вот Наташа и решила использовать меня в качестве независимого консультанта и, крепко схватив за руку, потащила за собой на палубу катамарана.

На экране установленного там в герметичном корпусе компьютера светилась надпись:

КАТАМАРАН «С Е Б Ю Д» К ВАШИМ УСЛУГАМ !!!
ПОСТАНОВКА И СПУСК ПАРУСА — КЛАВИШИ «F3 » и «F4».
УВЕЛИЧЕНИЕ ПЛОЩАДИ ПАРУСА — КЛАВИША «+».
УМЕНЬШЕНИЕ ПЛОЩАДИ ПАРУСА — КЛАВИША «-».
ПОВОРОТ ПАРУСА — КЛАВИШИ «F9» и «F10».
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТНОСТИ
И БЕЗОПАСНОСТИ
«С Е Б Ю Д» ОСНАЩЕН ДВИГАТЕЛЕМ,
ПИТАЕМЫМ ИЗ БАКА СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ.
ЗАПРАВКА БАКА — ЗА СЧЕТ ДОХОДОВ ПАССАЖИРОВ.
ВКЛЮЧЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ — КЛАВИША «F2».
СООБЩИТЕ, БУДЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАПРАВЛЯТЬ БАК
СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ (ДА/НЕТ) ?
ЕСЛИ БУДЕТЕ — СООБЩИТЕ СУММУ
ВАШИХ ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ ДОХОДОВ
И ДОЛЮ ДОХОДОВ, ОТКЛАДЫВАЕМЫХ
В СБЕРЕЖЕНИЯ.
ВВОД ИНФОРМАЦИИ — КЛАВИША «ВВОД».
ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТМЕЛЕЙ КРУПНЫХ РАСХОДОВ
МОЖНО
ВЫЗЫВАТЬ БУКСИР ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ.
ВЫЗОВ БУКСИРА — КЛАВИША «F5».
ЧТОБЫ ОТПЛЫТЬ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД».
ЧТОБЫ ПРИЧАЛИТЬ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ПРОБЕЛ»

— Вот мы и заспорили, — повернулась ко мне Наташа, — делать сбережения или пока не стоит?

— Я бы сделал, но решать вам. Вообще-то, смысл в этом есть — река Семейных Расходов очень коварная, отмели Крупных Расходов возникают часто. Без сбережений на этих отмелях приходится худо. Потребительский кредит, который можно взять в банке, — это самое безобидное средство. Хуже, когда приходится брать деньги в долг у ростовщиков из теневой экономики.

— И сколько же нам откладывать в сбережения?

— Это вопрос сложнейший... С одной стороны, чем больше денег отложите в сбережения, тем вы защищеннее от жизненных неожиданностей. Но, с другой стороны, откладывая деньги в сбережения, вы сможете меньше потратить сегодня. А жизнь человеческая так коротка и может из-за несчастного случая или болезни прерваться в любой момент... Кроме того, деньги все время обесцениваются из-за инфляции и роста цен...

— Ты нас совсем запутал! — всплеснула руками Оля, тоже перебравшаяся на борт «СЕБЮДА». — Скажи просто — да или нет?

— Опять ты хочешь самых простых решений! — возмутился я. — В стране Экономика чаще всего не бывает однозначных ответов: можно делать только так — и все будет прекрасно! Тут ответ всегда звучит по-другому: это решение имеет такие-то плюсы, но и такие-то минусы. Здесь нет абсолютных истин, все истины относительны.

— Это как?

— А так — любую проблему в стране Экономика можно решать разными способами. Например, стране не хватает электроэнергии. Что делать? Можно построить новые электростанции, но на это нужны деньги, строительные материалы. А можно дать деньги ученым, чтобы они придумали, как лучше экономить электроэнергию. Вот и приходится сравнивать разные варианты решений,

взвешивать — у какого решения плюсов больше, а минусов меньше. И в семейных расходах все происходит точно так же...Люди-то все разные, так?

— Ну и что?

— А то, что один человек привык думать только о сегодняшнем дне и верит, что всегда будет молод и здоров и без труда заработает столько денег, сколько ему понадобится. Зачем же сберегать деньги?! Другой очень скромен в своих запросах и довольствуется в жизни малым. Ему вполне хватает на все-про-все текущих заработков, и копить тоже нет нужды. Поэтому каждый человек решает вопрос — сберегать деньги или нет — по-своему.

— Можно вам задать вопрос? — вступил в разговор Сережа, до сих пор молча слушавший мои рассуждения.

— Конечно, — повернулся я к нему.

— Вот вы сказали, что сбережения уменьшаются из-за инфляции. Это что же получается — я откладываю деньги, чтобы купить какую-то дорогую вещь, а пока на нее коплю, из-за инфляции все опять подорожает и мне накопленных денег опять не хватит?! Как же быть?

— Да-а, — задумчиво сказала Наташа. — Значит, если Сережа хочет скопить денег на мотоцикл, нам надо будет из-за растущих цен откладывать в сбережения все большую и большую часть зарплаты и сидеть впроголодь, так что ли?

— Вовсе нет! — возразил я. — Это будет зависеть от того, насколько умело вы распорядитесь своими деньгами. Конечно, если вы будете тратить все, что зарабатываете, то мотоцикла Сереже еще долго не видать. Трудно будет купить мотоцикл и в том случае, если будете складывать отложенные деньги в укромное местечко. Совсем другое дело, если эти суммы вы будете хранить в банке или купите ценные бумаги — акции и облигации какого-нибудь предприятия.

— А это-то что нам даст? — удивленно взглянула на

меня Наташа. — Цены же все равно растут — лежат ли мои деньги у меня дома или в банке?!

— Не спорю, — улыбнулся я. — Но дело в том, что банки или предприятия, продающие акции и облигации, обычно стараются выплачивать за пользование деньгами плату большую, чем скорость роста цен из-за инфляции. Например, если из-за инфляции цены растут ежегодно на 3%, то люди согласятся хранить деньги в банке в том случае, если положенная в банк сумма ежегодно будет возрастать больше чем на 3% — скажем, процентов на пять.

Похоже, что мои пояснения в чем-то все же убедили Наташу, и она решительно отстучала на клавиатуре компьютера сообщение о том, что в дальнейшем они

собираются откладывать в сбережения 7% своих заработков. Вопросительно взглянув на Сережу, который молча согласно кивнул головой, она нажала клавишу «ВВОД». На экране тотчас вспыхнула надпись:

ИНФОРМАЦИЯ ПРИНЯТА К СВЕДЕНИЮ.
МОЖНО ОТПЛЫВАТЬ

При этом в правом верхнем углу экрана появилась рамочка, а в ней символическое изображение большой бочки. Увы, пока она была почти пустой. Лишь на самом донышке виднелся тоненький слой жидкости, который, как мы догадались, должен был показать размер семейных сбережений наших гостеприимных хозяев.

Наташа уступила место у пульта Сереже, и вскоре, как только мы с Олей перенесли на борт «СЕБЮДА» наше туристское снаряжение, катамаран уже закачался на волнах озера Номинальных Доходов, направляясь ко входу в ущелье, по которому устремляла свой бег река Семейных Расходов.

Чувствовалось, что Сережа раньше уже ходил под парусами, — во всяком случае озеро мы пересекли и вышли на реку Семейных Расходов. Оля и я пристроились на скамеечке, наслаждаясь плаванием, а Наташа шустро сновала по палубе, выполняя Сережины указания.

«СЕБЮД» вошел в ущелье, озеро Номинальных Доходов скрылось из глаз, и тут нас ждало первое испытание. Река сделала поворот, и мы очутились на краю огромной воронки, в денежных волнах которой вращались... продукты питания: буханки хлеба, батоны колбасы, пакеты с молоком, кочаны капусты, банки с какими-то консервами!

Не знаю, как у Оли, а у меня сердце тревожно замерло — еще слишком свежи были впечатления от похожего водоворота у статуи Бога Денег. К счастью,

Сережа встретил это испытание без тени растерянности и сразу начал манипулировать парусом, чтобы вырваться из предательских объятий «аппетитного» водоворота. Увы, несмотря на все его старания парусная оснастка «СЕБЮДА» была явно слабовата для того, чтобы справиться с водоворотом,и через несколько минут мы уже бессильно вращались по воле волн, а потом нас отбросило куда-то в сторону и наш катамаран снова свободно закачался на волнах. Но радость наша была недолгой.

Оказывается, водоворот отбросил нас в маленький заливчик, денежный поток в котором был поразительно неподвижен, хотя в нескольких метрах от входа в заливчик круговерть денег и продуктов не прекращалась ни на миг. Сережа попытался поймать в паруса «СЕБЮДА» попутный ветер, чтобы вырваться из тихой гавани опять на просторы реки Семейных Расходов. Но сколько он ни манипулировал — провисшее полотнище паруса не шевельнулось ни разу.

— Знаете, Сережа, — прервал я молчание, — мне кажется, я знаю, куда мы попали. Это залив Бедняков и, насколько я слыхал, здесь почти всегда царит полное безветрие...

— А как же нам отсюда выбраться? — взглянула на меня Наташа, и я увидел, что ее глаза уже подозрительно поблескивают — такого огорчительного начала своей семейной жизни она явно не ждала.

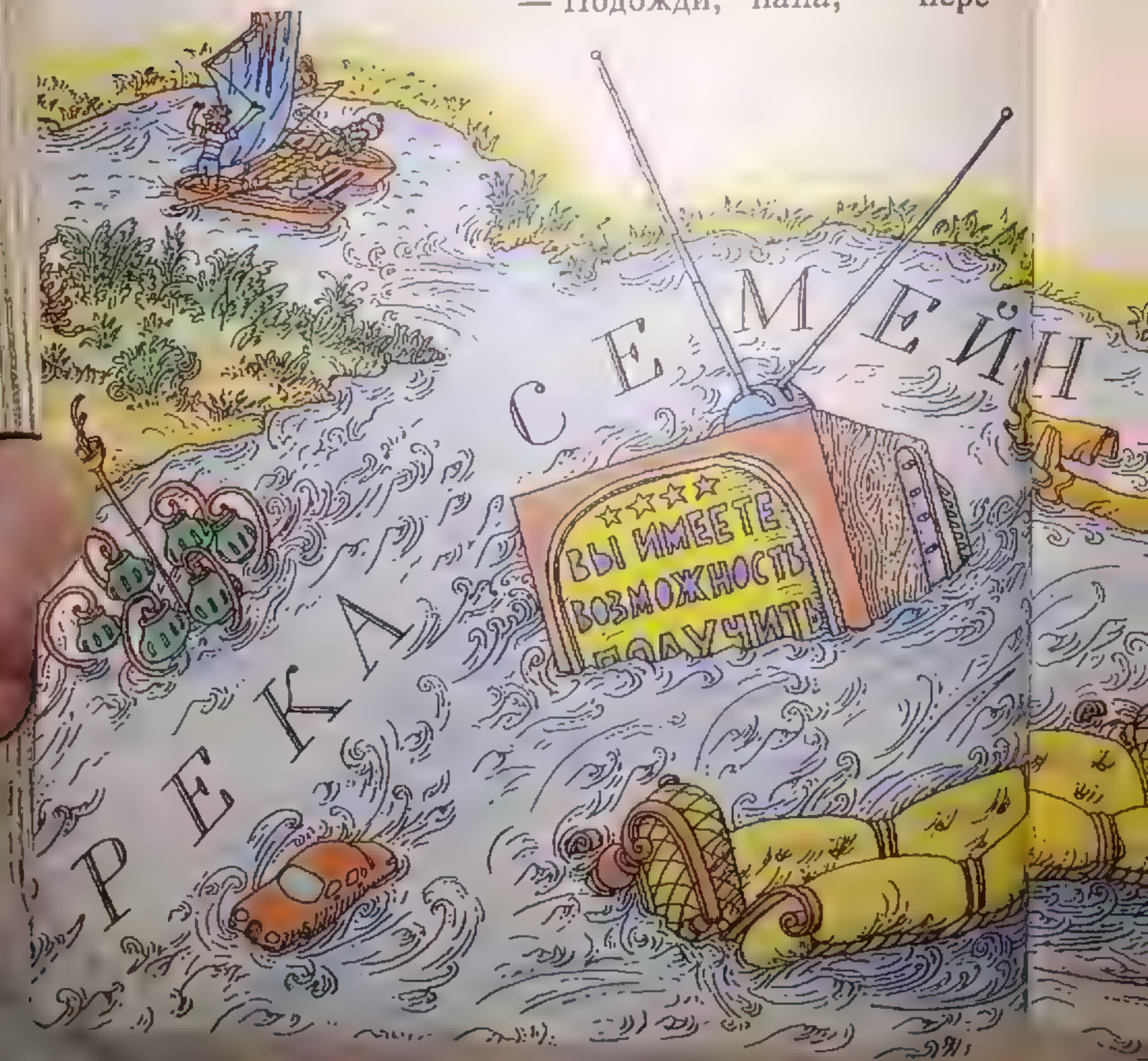
— Сложный вопрос, — ответил я. — Чтобы покинуть это тихое, но не слишком веселое местечко, надо добиться, чтобы ваших заработков хватало не только на еду...

— Подумаешь, проблема! — пренебрежительно сморщила нос Оля. — Можно питаться хлебом и молоком, а это стоит недорого.

— Это тебе так кажется, пока сама не начала вести хозяйство. А на самом деле, чтобы нормально прокормить семью из трех человек, надо в месяц потратить на

несколько десятков рублей больше, чем зарабатывает в месяц почти половина всех горожан в нашей с тобой стране. Примерно на столько же эта сумма больше и средней зарплаты молодых людей в возрасте до 30 лет. Вот и представь, каково приходится такой семье, например, когда в ней рождается ребенок и вся семья начинает жить только на зарплату отца, потому что мать сидит с малышом дома. А ведь еда — не единственная обязательная статья расходов, надо же еще платить за квартиру, газ, электричество, тратиться на лекарства, покупать малышу пеленки, кроватку, коляску...

— Подожди, папа, — пере-

била меня Оля, — но на все это у такой семьи просто не остается денег?! Как же они живут?

— Плохо. Либо мужу приходится подрабатывать сверхурочно, приходя домой только чтобы поспать, либо молодые начинают брать деньги у родителей. А то и просто недоедают, выкраивая деньги на другие неотложные нужды, а это потом сказывается болезнями, невозможностью хорошо работать.

— Ладно, все ясно! — махнул рукой Сережа. — Что зря время переводить — надо мне попытаться найти какой-нибудь приработок.

Быстро скинув рубашку и

джинсы и оставшись в плавках, он прыгнул с борта и поплыл к берегу. Не было его довольно долго. Но наконец его голова вынырнула у борта, а когда я помог ему вскарабкаться обратно на палубу «СЕБЮДА», выяснилось, что он доставил с берега пару весел — плату за работу, которую нашел для себя.

Наташа начала причитать, что у него и так здоровье не слишком крепкое, но Сережа нежно погладил ее по плечу и приказал занять его место у командирского пульта. Сам же начал пристраивать весла, надеясь с их помощью выйти из полосы затишья. Я отрядил Олю помогать Наташе, а сам пристроился у одного из весел, чтобы повысить наши шансы на успех. Сережа скомандовал «И-раз!», мы дружно взялись за весла, и «СЕБЮД» заскользил к выходу из залива.

Много раз нас отбрасывало назад в залив Бедняков. Мы уже потеряли счет попыткам, и в душе я только молился, чтобы весла не сломались.

И все же мы вырвались — в какой-то миг очень удачно совпали наш с Сережей мощный гребок и сильный порыв ветра, который Наташе удалось поймать в до предела расправленные паруса. Миг этот длился, казалось, меньше удара сердца, но его хватило, чтобы «СЕБЮД» выскользнул из плена и устремился вниз по реке. Сережа и я вытащили весла из уключин и блаженно растянулись на палубе, чувствуя, как горят наши ладони и ноет спина. Наташа же, все более вживаясь в роль главного распорядителя семейного бюджета, вела наш кораблик все дальше и дальше, а Оля взяла на себя роль впередсмотрящего и заранее предупреждала Наташу о появлении впереди по курсу таких соблазнительных, но дорогих и потому недоступных для наших молодых хозяев предметов домашнего обихода, как холодильники, цветные телевизоры и даже — страшно сказать! — легковые автомобили. При тех доходах, которыми пока располагали Наташа и

Сережа, столкновение с подобными «минами» было чревато для них серьезными экономическими проблемами.

Но все-таки уберечься нам не удалось, хотя были мы уже на подходе к озеру Реальных Доходов.

Вдруг наш бортовой компьютер издал столь резкий сигнал, что мы все мигом подскочили и сгрудились около него. Нашим глазам предстала вот такая заманчивая надпись:

ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧИТЬ
САДОВЫЙ УЧАСТОК
НА ОПУШКЕ СОСНОВОГО ЛЕСА В 45 КМ ОТ ГОРОДА.
СООБЩИТЕ СВОЕ РЕШЕНИЕ (ДА/НЕТ) И НАЖМИТЕ
КЛАВИШУ «ВВОД».
НА РАЗМЫШЛЕНИЯ ВАМ ДАЕТСЯ 30 СЕКУНД!
У ВАС ОСТАЛОСЬ:
28 СЕКУНД

Цифры в рамочке быстро замелькали в такт ритмическому потикиванью, которое послышалось из компьютера.

— Берем, конечно, берем! — выпалил Сережа и лихорадочно нажал указанные компьютером клавиши. Наташа только рот открыла, ошеломленная столь стремительным решением супруга. Похоже, менее всего она собиралась становиться хозяйкой картофельных «плантаций».

На компьютере появились строчки с новой информацией:

УЧАСТОК ВАМ ВЫДЕЛЕН. ПОЗДРАВЛЯЮ!
ЖЕЛАЮ ПРИЯТНОГО ОТДЫХА И ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ!
НА ОСВОЕНИЕ УЧАСТКА И СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА ВАМ
НЕОБХОДИМО ПОТРАТИТЬ ЗА 3 ГОДА 11 000 РУБЛЕЙ.

НАПОМИНАЮ — ГОДОВОЕ СОДЕРЖИМОЕ ВАШЕГО БАКА СБЕРЕЖЕНИЙ

СОСТАВЛЯЕТ 294 РУБЛЯ. ЗА 3 ГОДА — 882 РУБЛЯ.

СОЖАЛЕЮ, НО ВЫ СЕЛИ НА МЕЛЬ КРУПНЫХ РАСХОДОВ.

РЕКОМЕНДУЮ ВЫЗВАТЬ БУКСИР !

И в тот же момент мы ощутили резкий толчок, и «СЕБЮД» бессильно застыл посреди реки.

— Ну, Сережа! — негодованью Наташи не было предела, и только наше с Олей присутствие удерживало ее от того, чтобы устроить Сереже первый семейный скандал.

— Что — Сережа, что — Сережа,— начал оправдываться он. — Ты не понимаешь — получить землю для садового участка в хорошем месте и так близко от города почти невозможно, нельзя же было упускать такой случай...

— Случай, случай! Плакал теперь твой мотоцикл! И вообще — как мы теперь выбираться будем? Веслами тут делу не поможешь!

— Буксир вызовем...

— Какой еще буксир?! — не желала успокоиться Наташа.

— Да вы не сердитесь так, Наташа, — позволил я себе вмешаться в спор супругов. — Сережа верно говорит — вы помните, в инструкции по управлению «СЕБЮДом» было написано, что для преодоления отмелей Крупных Расходов можно вызвать буксир Потребительских Кредитов. Думаю, что сейчас у вас нет другого выхода...

Наташа горестно вздохнула и нажала клавишу «F5», которая предназначалась для вызова буксира. На экране компьютера появилась рамочка с надписью:

К ВАМ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫСЛАН БУКСИР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА

МОЩНОСТЬЮ В 10 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ. УСЛОВИЯ ОПЛАТЫ ЕГО УСЛУГ :

СРОК ВОЗВРАТА КРЕДИТА — 8 ЛЕТ ПО 104 РУБЛЯ В МЕСЯЦ.
ПЛАТА ЗА КРЕДИТ — 10% В ГОД.
ПРИ НЕСВОЕВРЕМЕННОМ ВОЗВРАТЕ — 12% В ГОД.
СООБЩИТЕ, ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ПОЛУЧИТЬ КРЕДИТ
НА ТАКИХ УСЛОВИЯХ
(ДА/НЕТ), И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»

— Брать? — повернулся ко мне Сережа и кивнул головой на экран.

— Конечно! Что вы, Сережа, это же роскошные условия — бывает, что за кредит приходится платить 15-20 процентов. Вот это действительно тяжко!

— Десять процентов! — удивленно охнула Наташа. — Это сколько же тогда придется в конце концов заплатить?

Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось вытащить блокнот и ручку и провести нужные расчеты.

— Получается, что за каждую 1000 рублей ссуды вам, в среднем, придется заплатить банку по 540 рублей. А если будете запаздывать с платежами, то, думаю, в итоге возвращать придется денег раза в 2 больше, чем взяли.

— Ничего себе! — от возмущения глаза у Наташи стали круглыми-круглыми. — И неужели кто-то соглашается одалживать деньги на таких условиях?!

— Если нет другой возможности, то приходится идти на такое. Но зато в первое же лето вы сможете провести свой отпуск на собственном участке, а когда у вас появится малыш, то проблемы, куда его девать, тоже не возникнет...

Пока я проводил с Наташей разъяснительную работу, буксир уже подошел. Сережа закрепил

НЕ ЗАБЫТЬ!

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ КРЕДИТ — это когда люди берут деньги в банке в долг, чтобы купить дорогую вещь, а потом несколько лет по частям возвращают долг БАНКУ, да ещё и приплачивают банку за то, что он им одалжил деньги.

на носу «СЕБЮДа» конец каната, который нам перебросили с кормы буксира. Рывок — и «СЕБЮД» снова радостно заколыхался на волнах реки Семейных Расходов. Буксир издал прощальный гудок и быстро уплыл. На память о его визите компьютер поменял изображение в рамке, где раньше виднелась символическая бочка Семейных Сбережений. Теперь она исчезла бесследно — ведь все, что Наташа и Сережа сумеют сэкономить, отныне будет уходить на возврат ссуды. Вместо бочки в рамке теперь появилось изображение столбика монет и надпись «СУММА ВАШЕГО ДОЛГА ПЕРЕД БАНКОМ».

Через несколько часов мы преодолели, наконец, последний отрезок реки Семейных Расходов и выплыли на простор озера Реальных Доходов. По размерам оно было заметно меньше, чем озеро Номинальных Доходов. Берега же озера Реальных Доходов были застроены домами самого разного размера и архитектуры.

— Что это за город, папа? — поинтересовалась Оля, с любопытством озираясь по сторонам.

— Это поселок Семейного Благосостояния. Видишь, какая здесь пестрота в застройке — от крошечных домиков, в которых ютятся пенсионеры, инвалиды и молодые семьи с детьми, до шикарных вилл, в которых живут самые богатые из здешних граждан. В застройке этого поселка как в зеркале отражается одна из самых острых проблем страны Экономика — разница в богатстве ее граждан.

— А что тут такого сложного? — повернулась ко мне Наташа. — Всегда, во все века были богатые и бедные. Тут уж, видимо, ничего не поделаешь...

— Не все так просто, — несогласно покачал я головой. — Конечно, нельзя добиваться, чтобы все люди жили одинаково. В«Хозрасчетово» мы с Олей уже видели, к чему приводят такие утопические мечты. Но, с другой стороны, история страны Экономика показывает, что когда разница между богатыми и бедными уж слишком велика, это тоже плохо.

— Почему? — подала голос Оля.

— Прежде всего, когда люди слишком бедны — они не могут много покупать, а значит, предпринимателям некому продавать свои товары. Экономика начинает задыхаться, как от удушья, и начинается кризис перепроизводства со всеми присущими ему бедами. И потом — бедные люди недовольны жизнью, работой, потому что не могут прокормить свою семью. А когда таких людей много, то это означает и ухудшение работы предприятия, начинаются забастовки, бунты, восстания... Впрочем, это разговор

Жить в долг...
Наверное, это очень тяжело!
Но как отказаться
от возможности получить
всё, что хочется,
и уже сегодня?
Ох-хо-хо,
как всё это сложно!

долгий, а нам уже пора швартоваться. Насколько я понимаю, вам еще надо найти себе жилье, верно? — повернулся я к Сереже.

— О-о-х, — тяжко вздохнул он и безнадежно махнул рукой.

— А разве это так сложно? — удивленно повернулась ко мне Оля. — Вон же сколько тут домов! Неужели так сложно найти здесь себе пристанище?

— Непросто, Олечка, непросто. А главное — очень дорого, — грустно сказала Наташа.

Тем временем Сережа аккуратно подвел наш катамаран к берегу, и мы спустились на землю. К нам сразу подбежали несколько человек и начали в чем-то горячо убеждать, перебивая и отталкивая друг друга. Лишь постепенно мы разобрали, что все они...предлагали Наташе и Сереже помощь в поиске жилья!

— Кто это? — повернулась ко мне Оля.

— Это жилищные маклеры — посредники по делам с

жильем. Они помогают снять или купить квартиру или дом. Им платят владельцы домов, которым они помогают найти жильцов. Впрочем, когда жилья не хватает, за услуги маклеров платят уже те, кто ищет жилье.

— Вот, а Наташа говорила, что здесь найти жилье трудно. Маклеры же им проходу не дают! — удивленно покачала головой Оля.

— То, что маклеров много, еще ни о чем не говорит — важно другое: сколько Наташе и Сереже придется платить за жилье, которое им сейчас предлагают...

К сожалению, мои сомнения оказались справедливыми. Маклеры один за другим бросали свои уговоры, и вскоре Наташа и Сережа остались на берегу одни.

— Ну что? — спросил я, подходя поближе.

— Я так и знала, — грустно махнула рукой Наташа. — Они предложили такие дорогие квартиры, что нам это совершенно не по карману...

— И что же вы будете делать? — сочувственно поинтересовалась Оля.

— Для начала попробуем найти квартиру в каком-нибудь кооперативном доме, где можно стоимость квартиры вносить по частям много лет. А не удастся —придется брать ссуду в банке и покупать квартиру, хотя это такая кабала на всю жизнь, что тошно становится...

— Почему? — сразу заинтересовалась Оля.

— Видишь ли, — охотно принялся объяснять Сережа, — условия возврата такой суммы очень непростые. Мало того, что ты должен платить банку за пользование одолженными деньгами, но если ты хоть раз не сможешь вовремя выплатить очередной взнос — придется убираться из уже обжитого дома на все четыре стороны...

— Как это убираться? — удивлению Оли не было границ.

— Вот так и убираться, а банк заберет твою квартиру в счет оставшегося долга и продаст ее кому-то другому, а

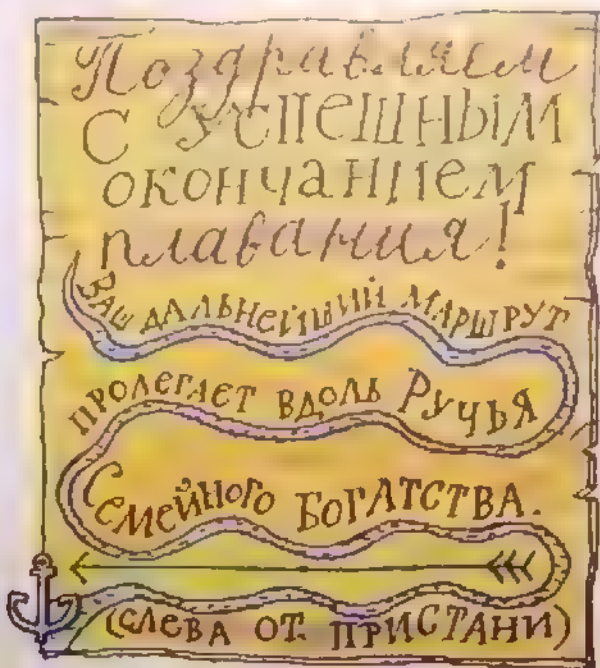
тебе не вернет даже тех денег, что ты ему уже выплатил. Я слыхал, например, что в США ежегодно несколько миллионов человек вот так выселяются из своих домов...

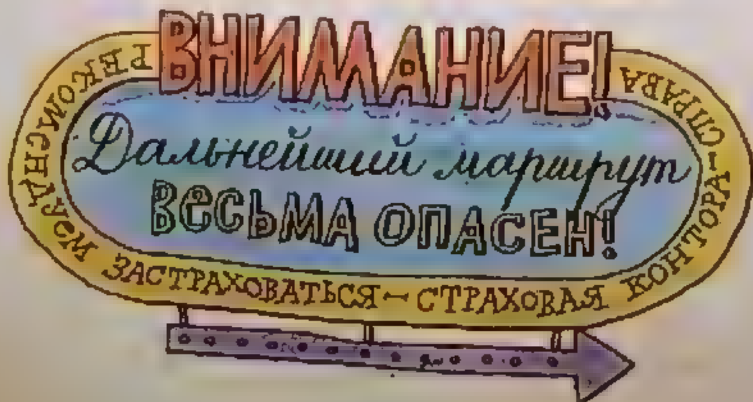
— И неужели вы согласитесь на такие условия?

— А что делать? Зато с первого же дня мы сможем жить в своей квартире, а не мыкаться, снимая комнаты у чужих людей...

От этого разговора настроение у Оли резко упало. Она молча брела за мной, опустив голову. Поэтому когда я внезапно остановился, она врезалась в меня и от неожиданности даже ойкнула.

Остановился же я потому, что моим глазам предстал вот такой дорожный указатель:

— Ой, а что там дальше? Может быть, мы пойдем по другому пути?

— Увы, — пожал я плечами, — другого пути у нас нет, давай страховаться — и в дорогу!

— А как это «страховаться»? — недоуменно посмотрела на меня Оля.

— Да, я ж тебе еще об этом не рассказывал, — сообразил я. — Мой промах, признаю. Страхование — особый вид деятельности в стране Экономика, а точнее сказать — экономическая игра с судьбой...

— Игра? — вспыхнул интерес в Олиных глазах.

— Да, игра. Допустим, что тебе 30 лет. Доживешь ли ты до 35 лет? Никто этого не знает. Ты можешь дожить и до 90 лет, а можешь попасть под машину на следующий день после своего тридцатилетия, и твои дети останутся без кормильца. Горе из памяти не сотрешь, но облегчить материальные трудности осиротевшей семье вполне возможно. Если ты, конечно, застрахован. Это означает, что ты заключаешь со страховой организацией особый договор. Например, договариваешься так: я вам отдаю безвозвратно 50 рублей, но если в течение следующих 5 лет я погибну от несчастного случая или внезапной болезни, то вы заплатите моей семье 1000 рублей.

— Не понимаю, — удивилась моя спутница, — а остальные-то 950 рублей они откуда возьмут? Так же они в пять минут разорятся!

— Э, нет. Разорение страховой организации не грозит — она ведет свои дела, опираясь на помощь математиков, и потому, как правило, получает большую прибыль. Предположим, что такой договор страховая компания заключила с сотней тридцатилетних мужчин и получила от них соответственно в виде страховых взносов 5 000 рублей. И сделала она это, собрав сведения о том, сколько в среднем ежегодно из каждой сотни мужчин в возрасте от 30 до 35 лет погибает или умирает от болез-

ни. Допустим, что данные многолетних наблюдений показывают: в среднем ежегодно из каждой сотни мужчин такого возраста хоронят троих. Теперь страховая организаций знает: вероятнее всего и среди сотни ее клиентов погибнет или умрет не больше трех, а значит, после выплаты их семьям сумм страховок у страховиков останется в виде чистого дохода 2 000 рублей.

— Веселенькая работка, ничего не скажешь! Сидеть и подсчитывать, сколько людей умрет завтра!

— Работа, конечно, не слишком веселая, но полезная людям. Страховое дело — огромная отрасль, и сейчас кое-где страховые организации начинают опережать даже банки по размерам сумм, которые у них есть. Ведь за сотни лет страховики научились с выгодой для себя страховать все, что угодно: суда, уходящие в плавание, — от кораблекрушения, знаменитую певицу — от потери голоса, нападающего футбольной команды —от перелома ноги, владельца картинной галереи —от кражи полотна великого художника и так далее и тому подобное. Страховым организациям это приносит прибыли, а тем, кого постигает беда, помогает компенсировать хотя бы денежные потери. Так что в стране Экономика без страховиков никто и шага не ступит. Я еще удивляюсь, как они раньше нам свои услуги не предложили!

— Поняла, —ворчливо сказала моя спутница. — Ну и где она, эта страховая контора?

Я показал вправо —туда, куда советовал нам направиться указатель. В

СТРАХОВАНИЕ — это способ получить большую сумму денег для оплаты расходов, связанных со постигшими вас несчастным случаем.
А вообще-то это — азартная игра, в которой участвуют трое: тот, кто покупает СТРАХОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО (ПОЛИС), страховая фирма и СУДЬБА.

НЕ ЗАБЫТЬ!

этом направлении мы и пошли, гадая о том, какие приключения могут поджидать нас впереди, на берегах ручья со столь мирным названием. Впрочем, далеко идти не пришлось — мы оказались перед небольшим, но очень забавным зданием. Архитектор придал ему форму большой согнутой ладони, причем большой палец служил козырьком над входом в дом. Наверное, это должно было символизировать ту защиту от экономических бед, которую получал каждый посетивший этот дом.

Внутри страховой конторы не было ни души — лишь светились яркими рекламными картинками экраны компьютеров. Подсев к ближнему из них, я нажал клавишу «ВВОД», как это советовала надпись пульта управления. Рекламная картинка сразу исчезла с экрана, а вместо нее появилась надпись:

СООБЩИТЕ, ОТ ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ ЗАСТРАХОВАТЬСЯ:
1.НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ.2. ПОЖАРА.3. КРАЖИ.
4.АВАРИИ.5. СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ.6. ПРОЧИХ БЕД.
НАБЕРИТЕ ВЫБРАННЫЙ ВАМИ НОМЕР,
НАЖМИТЕ «ВВОД»

— А мы от чего будем страховаться? — повернулась ко мне Оля.

— Думаю, что нам сейчас лучше всего застраховаться от несчастного случая. Кто его знает, что нас ждет на той тропочке...

Не споря, Оля нажала клавишу с цифрой 1, а потом клавишу «ВВОД». Надпись в рамочке изменилась:

СТРАХОВАЯ СУММА — 1 000 РУБЛЕЙ.
СУММА СТРАХОВОГО ВЗНОСА ЗАВИСИТ
ОТ ВАШЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО МАРШРУТА.
СООБЩИТЕ, КУДА ВЫ НАМЕРЕНЫ НАПРАВИТЬСЯ:

1. НА ОЗЕРО НОМИНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ —
ВЗНОС 25 РУБЛЕЙ.
2. В ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ —
ВЗНОС 50 РУБЛЕЙ.
3. К МОРЮ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА —
ВЗНОС 100 РУБЛЕЙ.
ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ НА ТАКИЕ УСЛОВИЯ,
НАЖМИТЕ НОМЕР ВАШЕГО МАРШРУТА
И КЛАВИШУ «ВВОД»

— А почему суммы взноса такие разные?

— Так ведь и риск разный, а значит, у страховой организации и разные шансы на то, что ей придется выплачивать тебе полную сумму страховки. Путь вверх по реке Семейных Расходов, согласись, куда безопаснее, чем переход через хребет Заработной Платы по дороге к городу Деловых Людей. Поэтому, чем опаснее твой маршрут, тем больше страховой взнос она с тебя берет, чтобы самой не разориться.

— Это что же — наш путь дальше в 4 раза опаснее, чем плавание по реке, и в 2 раза опаснее перехода через хребет?

— Похоже, что так. Но иного пути нет, так что соглашайся и давай отправляться в путь.

С явной неохотой Оля сообщила компьютеру о нашем согласии, а я положил в приемное отверстие нужную сумму денег. Компьютер проглотил их, а на экране вспыхнула рамка с сообщением:

ВЫ ЗАСТРАХОВАНЫ.
ПРИ НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ НАЖМИТЕ СИГНАЛ ТРЕВОГИ.
ЖЕЛАЕМ СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Одновременно из отверстия в боковой стенке компьютера на стол выпала маленькая пластинка, по-

хожая на плоский микрокалькулятор. На ней было написано: «СТРАХОВОЙ ПОЛИС. В СЛУЧАЕ ОПАСНОСТИ НАДАВИТЕ ПАЛЬЦЕМ НА КРАСНЫЙ КРУЖОК В ЦЕНТРЕ». И действительно — в центре пластинки был изображен маленький красный кружок с восклицательным знаком. Я спрятал страховой полис — свидетельство о страховании — в нагрудный карман, и мы вышли на улицу.

Уже темнело, и мы решили переночевать опять на берегу, в палатке, и уже завтра засветло отправиться в дальнейший путь, который сулил нам новые испытания.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой нас берут в плен, а потом мы едва спасаемся от АТАКИ С НЕБА.

Девятое утро нашего путешествия выдалось на редкость солнечным и тихим. Когда, позавтракав, мы тронулись в путь, поверить в то, что нас могут ждать какие-то неприятности, было просто невозможно. И даже Оля, которая поначалу шла очень осторожно, через полчаса уже весело что-то мурлыкала себе под нос, подпевая мелодично журчавшему ручью Семейного Богатства, вдоль которого шла наша тропа.

— Папа, а почему этот ручей так назвали? — нарушила молчание Оля. — Какие-такие у семей особые богатства? Вон Сереже и

Наташе еще сколько лет придется экономить каждую копейку!

— Ну, это ты зря так говоришь, — не соглашался я. —На развитие любой страны влияет главным образом положение в семьях и на предприятиях. От зажиточности семей зависит спрос на товары для населения, а от доходности предприятий —спрос на станки, металл и рабочую силу, а значит, и безработица. Да и богатство страны в конечном счете складывается-то... А впрочем, лучше ты мне скажи, как ты думаешь — из чего оно складывается?

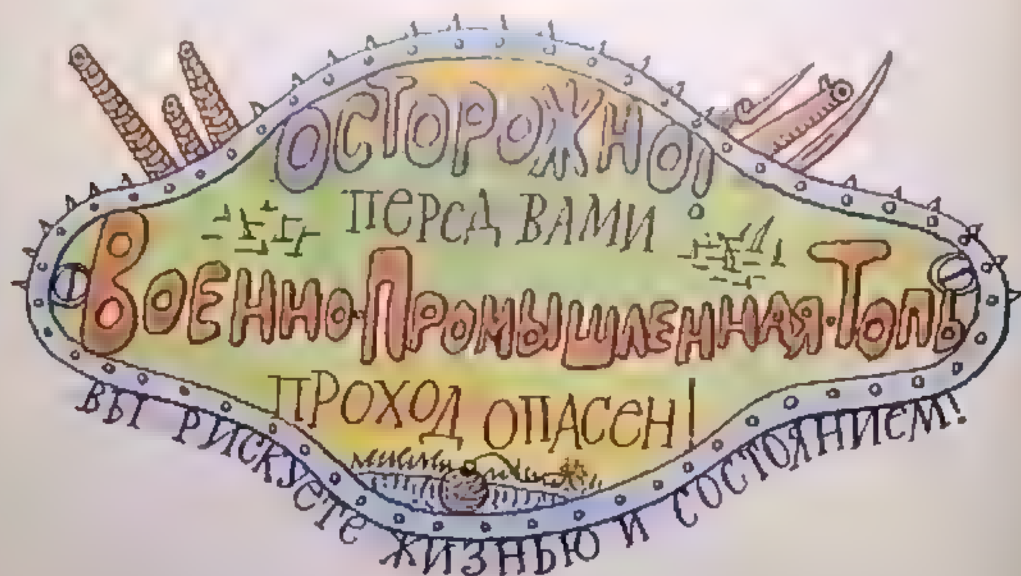
— Я? — удивленно взглянула на меня Оля и чуть не упала, зацепившись о какой-то корень. — Я думаю, что богатство страны это золото, бриллианты, картины в музеях...Верно?

— Отчасти. Все, что ты назвала, — лишь крохотная частичка богатс-

тва любой страны. А вот главное, из чего оно состоит — имущество семей, здания и оборудование предприятий и природные богатства — леса, реки, месторождения полезных ископаемых, плодородные поля. Впрочем, страна может быть очень бедна полезными ископаемыми, но семьи ее граждан состоятельны, а предприятия оснащены лучшим оборудованием. И такая страна будет очень богатой. Пример тому — Япония. Но не может быть богата страна, в которой люди бедны и за душой у них ничего нет. В такой стране люди несчастны и плохо работают, не видя в своем труде смысла. Так что этот ручей имеет большое значение, и от него сильно зависит уровень моря Национального Богатства. Более того...

Я замолк, потому что тропка перед нами внезапно исчезла, а путь преградил дорожный указатель:

Оля как вкопанная застыла на месте.

— Что это еще за топь такая?

— Написано же — Военно-Промышленная. Война и приготовления к ней, как ни прискорбно, тоже пока часть страны Экономика. Мир издавна разделен на страны, и они веками воюют между собой. Внешние причины и поводы

для боевых действий могут быть самыми разными, но истинная цель всех одна и та же — получение экономической выгоды. Иногда для этого надо захватить часть территории соседней страны, где есть, например, богатое месторождение полезных ископаемых или тянутся особо плодородные поля. Иногда — разорить страну, которая уж слишком успешно торгует на мировых рынках.

— Странно, — покачала головой Оля, — а мне всегда казалось, что война — это политика, а вовсе не экономика...

— Ты все верно говоришь, но дело-то в том, что сама политика тоже определяется экономической жизнью государства, его нуждами и проблемами. И пока кому-то будет выгодно, чтобы люди вооружались и враждовали друг с другом, оружие будет заполнять цеха предприятий, а не витрины музеев.

— Но война же — такая беда для всех! Ведь и страна-победительница теряет столько людей убитыми. Кому же это может быть выгодным?!

— Так-то оно так, но, к сожалению, кое-кому в стране Экономика и война, а уж особенно приготовления к ней очень выгодны. Эти «кое-кто» — владельцы и работники Военно-Промышленного Комплекса или, сокращенно, ВПК. Так во всем мире называют предприятия и корпорации, которые изготавливают оснащение для армии: от солдатских мисок до межконтинентальных ракет. Видишь ли, военные закупки производит государство, и потому они обязательно будут оплачены, а значит, те, кто изготавливает оружие, оказываются защищены от капризов рынка и им

НЕ ЗАБЫТЬ!

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — это предприятия, которые делают всё, что нужно для армии: от ботинок до ракет. Да ещё институты, которые придумывают новое оружие или готовят инженеров для таких предприятий и конструкторских бюро.

не надо гадать: найдет их продукция сбыт или нет. А это, сама понимаешь, дорогого стоит...

— Но к чему тебе будут все вчерашние миллионы, если сегодня тебе на голову свалится атомная бомба?!

— Верно, и потому хозяева Военно-Промышленного Комплекса стараются вести такую политику, чтобы война не начиналась, но мир все время балансировал на грани войны и можно было убедить народ тратить огромные средства на вооружение. В США, например, ежегодно на военные нужды тратится почти четверть всех денег, которые есть в распоряжении государства, а работает «на войну» больше 6 миллионов человек — почти каждый шестнадцатый! Да и у нас на эти же цели приходится выделять огромные деньги. Насколько большие, ты можешь представить, если скажу, что когда сократили армию на миллион человек, было сэкономлено столько денег, что удалось построить 100 домостроительных комбинатов и повысить пенсии по старости в 2 раза. Да и тот договор, который мы заключили с США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности полета, даст нам экономию в 300 миллионов рублей. На эти деньги можно будет построить 30 — 40 тысяч квартир. Военная техника ведь очень дорогая. Вот мы недавно продали одной американской компании как металлолом наши старые подводные лодки. Так за один металл американцы выложили нам по 150 000 долларов за штуку. Представляешь, сколько же стоит новая подводная лодка и вообще военное оснащение?!

— Представлять-то я представляю, но покупать ее не собираюсь. А вот ты лучше скажи, как нам пробраться через эту топь?

— Сам не знаю! Давай-ка я вырежу

«НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО» — это стоимость всего, чем владеет страна: лесов, полей, рек, полезных ископаемых, заводов и фабрик и имущества её граждан.

НЕ ЗАБЫТЬ!

палку подлиннее и буду прощупывать дорогу впереди. Должна же здесь быть какая-то дорожка, раз тропа здесь обрывается, а не поворачивает в сторону...

Олин взгляд не выразил особого восторга по поводу моего предложения, но ничего иного нам не оставалось, и она промолчала.

Вырезав две палки — одну для себя, другую для Оли — и строго-настрого приказав дочери идти след в след за мной, я наконец тронулся в путь. Поначалу нащупать более-менее твердый грунт было нетрудно, и мы двигались достаточно уверенно. Мы уже прошли метров пять, как вдруг над нашими головами просвистела очередь трассирующих пуль и неведомо откуда раздавшийся голос проревел: «Стоять на месте! Шаг вправо, шаг влево — будем стрелять!»

Не успели мы и глазом моргнуть, как рядом с нами выросли несколько фигур с автоматами, одетые в маскировочные костюмы. Солдаты заломили нам руки и поволокли ко входу в туннель, открывшемуся прямо посередине болота, на месте плавно отъехавшей в сторону большой кочки. Затем нас втолкнули в большую комнату, увешанную всевозможным оружием — от древних каменных топоров до современных гранатометов.

Навстречу нам из-за стола вышел крупный мужчина, одетый настолько необычно, что я было принял его за сумасшедшего.

— Смирно! — скомандовал он вместо того, чтобы поздороваться. — Я генерал-директор Главпоза — Главного подземного завода. Вы — мои пленники. Вы будете работать на моем подземном заводе и делать оружие, оружие, оружие ... Да, оружие. Оружие — это самое прекрасное на свете. Оно такое красивое, такое смертоносное! И такое выгодное! Наш завод — древнейшее предприятие на земле: мы начинали еще с наконечников к стрелам, а теперь делаем лазерные пушки. И

что бы там разные смутьяны-миролюбцы ни болтали, мы заставим всех покупать наше оружие. А вы будете его делать, делать, делать... Да, делать. Заберите их и отведите в барак для рабочих! — приказал он солдатам, безмолвно стоявшим сзади нас.

И через минуту мы снова очутились в подземном коридоре, подталкиваемые в спину дулами автоматов. Коридор сделал поворот, и мы вдруг очутились в пещере,

все пространство которой занимал заводской цех. Пока мы с Олей шли по зарешеченному проходу, успели понять, что здесь действительно делают самое разнообразное оружие — везде виднелись стволы, корпуса ракет, башни танков. Какое конкретно, этого мы разглядеть не успели — солдаты втолкнули нас в какую-то каморку и ушли, захлопнув дверь.

Мы с Олей бессильно опустились на стоявший у стены топчан и молча обменялись растерянными взглядами. Да, в такую ситуацию мы еще не попадали! Что делать?

И в этот момент я почувствовал, что мой локоть упирается в какой-то жесткий предмет в кармане куртки. Страховой полис! Вряд ли он мог нам как-нибудь помочь в такой ситуации, но почему бы не попробовать? Я вытащил его из кармана и нажал на изображение красного кружка в центре. В тот же миг кусок стены нашей каморки бесшумно скользнул в сторону и за ним открылся какой-то проход. Куда он вел, мы не знали, но это был хоть какой-то шанс!

Не теряя ни секунды, я схватил Олю за руку, и мы бросились в отверстие. Стена каморки бесшумно закрылась за нами, и мы очутились в тесном туннеле, слабо освещенном крохотными красными лампочками. Мы быстро зашагали по нему вперед. Коридор причудливо петлял и шел то вверх, то вниз.

И вдруг туннель кончился. Мы оказались в маленькой комнатке. В одной из ее стен были встроены раздвижные двери. На них было написано:

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД.
ПРИГОДЕН ЛИШЬ ДЛЯ УМЕЮЩИХ ПЛАВАТЬ.
КАК ТОЛЬКО ВЫ ВСТАНЕТЕ НА ЖЕЛТЫЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК
ПЕРЕД ДВЕРЯМИ, ОНИ РАСПАХНУТСЯ
И ВАМ НАДО БУДЕТ НЫРНУТЬ В БОЛОТО, ЧТОБЫ ВЫПЛЫТЬ
В НЕ ОХРАНЯЕМОМ СОЛДАТАМИ МЕСТЕ.
ГЛУБИНА — 2 МЕТРА. ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

— Нырять в болото! — ужаснулась Оля. — Фу, какая гадость!

— У тебя есть другие предложения? — оборвал я ее нытье. — Нет? Тогда иди ко мне и дай руку. Набери воздух в грудь, и как только я сожму тебе руку, шагай вместе со мной на желтый прямоугольник!

Раз, два, три! Мы резко ступили на заветное место перед дверями. Они разлетелись в стороны, и в комнатушку хлынула мерзко пахнущая болотная жижа. Мы оттолкнулись ногами от пола каморки и изо всех сил начали выгребать на поверхность. В ушах уже начало стучать, когда наши головы наконец вынырнули из болота.

Через минуту мы уже были на опушке леса —грязные, мокрые, но живые. Укрывшись за толстым деревом, мы осторожно сели и попытались хоть как-то привести себя в порядок, обтеревшись листьями и лопухами, в изобилии росшими вокруг.

В небе сияло солнце, в листве щебетали какие-то птички, и с трудом верилось, что еще недавно мы были глубоко под землей, в недрах зловещего завода, день за днем изготавливающего смерть для всего живого!

— Ну и что мы будем теперь делать? — спросила Оля, горестно разглядывая свою одежду.

— Понятия не имею, — честно признался я. —Давай я снова попробую воспользоваться страховым полисом. Один раз он нас выручил, вдруг поможет и теперь?

Оля молча пожала плечами, а я вытащил пластмассовый прямоугольник страхового свидетельства из кармана и снова надавил на красный кружок. В тот же миг откуда-то неподалеку раздалось негромкое пощелкивание. Оно было слишком мерным, чтобы его можно было принять за голос какой-то птицы. Мы переглянулись и перебежками, по одному, устремились туда,откуда слышались эти звуки.

Путь наш был недалек. Сигнал-приманка раздавался из крохотного динамика, укрепленного в большом дупле старого дуба. Ниже в этом же дупле был установлен компьютер, на экране которого мерцала красными буквами такая надпись:

ПРОХОД ЧЕРЕЗ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ТОПЬ
ВОЗМОЖЕН ТОЛЬКО ПО ПОТАЙНОЙ ТРОПЕ КОНВЕРСИИ.
НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»,
И ПРИНТЕР НАПЕЧАТАЕТ ВАМ СХЕМУ ЭТОЙ ТРОПЫ

— А что значит «конверсия»? — поинтересовалась Оля, дожидаясь, пока принтер кончит печатать нам карту.

— Этот термин означает перевод военной промышленности на выпуск мирной продукции. Нельзя же просто так взять и закрыть предприятия, которые вчера делали танки и ракеты — там же работают миллионы людей, а у них семьи, дети... Вот у нас в городе Воткинске есть завод, делавший раньше ракеты, которые мы вместе с американцами теперь решили вообще уничтожить. Значит, этому заводу надо переучиваться — переходить с выпуска ракет на выпуск, например, стиральных машин. Дело сложное и новое, но нужное. А для нас нужное дело — продвигаться вперед, а потому бери карту и в путь!

Увлеченные этим разговором, мы не заметили, что лес вокруг нас постепенно редеет, и потому, выйдя внезапно на его опушку, от неожиданности даже остановились.

Пейзаж резко изменился. Лес обрывался за нашей спиной, как обрубленный чьим-то мечом.

КОНВЕРСИЯ — это перевод предприятий военно-промышленного комплекса на выпуск мирной продукции. Дело сложное и дорогое.

НЕ ЗАБЫТЬ!

Впереди же перед нами простерлась пустыня, и лишь песчаные барханы да редкие кактусы как-то разнообразили ее унылый вид. Тропинка кончилась, и не было вокруг никаких указателей, которые могли бы подсказать нам дальнейший путь.

Не решаясь углубиться в пустыню, мы медленно тронулись вдоль опушки леса.

Мы прошли, думаю, метров сто, как вдруг нашим глазам предстал ... памятник.

ВЕЛИКАЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
ПУСТЫНЯ
ВРАГАМ
ПРИРОДЫ!
ЛАМАРК

На постаменте крупными буквами было выбито «ВРАГАМ ПРИРОДЫ», а ниже — буквами помельче — шла надпись:

Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания.

Жан-Батист ЛАМАРК
(1.8.1744–18.12.1829 гг.)

— Какие злые слова... — передернула плечами Оля, как будто ей на секунду стало зябко.

— Что ты имеешь в виду: посвящение на памятнике или то, что написал Ламарк? — не понял я.

— И то и другое! Разве можно считать всех людей врагами природы?! А если человек сажает деревья, очищает реки от мусора, не разводит костры в лесу — разве справедливо называть его врагом природы?!

— Эх, Оля, — горестно вздохнул я, — почти невозможно сегодня найти на Земле человека, полностью безвинного перед природой. Например, вспомни, как приятно зимой, вернувшись с улицы, ощущать тепло квартиры. Но ведь тепло это куплено ценой разрушения природы, и, радуясь ему, ты становишься соучастником преступления против планеты Земля!

— Да почему же? — сердито посмотрела на меня дочь.

— Потому! Вот давай прикинем, сколько ударов наносится природе ради того, чтобы ты могла дома ходить в легком халатике. Все начинается с добычи топлива, когда мощные экскаваторы прорезают в теле земли огромные карьеры, чтобы добраться до пластов угля. Впрочем, еще раньше строители делают так, что вокруг будущего карьера резко снижается уровень почвенных вод — без этого нельзя, иначе карьер сразу превратится в озеро! От этого гибнет вся растительность вокруг и земля становится

мертвой пустыней. Но вот уголь добыли и привезли на теплоэлектростанцию, где его сожгли в топке. При его сгорании образовался углекислый газ. Слышала о таком?

— Конечно, нам в школе рассказывали, что он нужен деревьям для нормального развития —деревья этот газ всасывают, а выделяют кислород. Так?

— Так-то оно так, но беда в том, что уже лет 200 назад люди стали вырубать так много лесов, что оставшиеся уже не могли справиться с углекислым газом и его количество в воздухе стало расти. А уж когда начали возникать огромные города, которые надо было отапливать, возможности лесов и вовсе стали недостаточными для борьбы с этим газом и за эти два века его стало в воздухе на четверть больше. А ведь этот газ — и еще несколько других, тоже связанных с деятельностью человека, — парниковые, то есть чем больше их в атмосфере, тем труднее теплу уйти в космос...

— Но это же и хорошо — меньше будет на Земле холодных мест, везде будет тепло, как в тропиках, и под Москвой будут расти бананы. Вот здорово!

— Роскошная картина — ничего не скажешь. Вот только нынешние тропики Земли погибнут — там будет только подчистую выжженная солнцем пустыня. Пустыней станут и многие районы в США, где сейчас процветает земледелие, плоды которого спасают от голодной смерти несколько миллиардов человек. Что ждет их? А потом — все активнее тают льды на полюсах и потому поднимается уровень Мирового океана. К середине будущего века — тебе тогда будет лет 70 — вода может подняться еще на метр, и тогда погибнут, подобно легендарной Атлантиде, вполне реальные крупнейшие города-порты: Нью-Орлеан, Каир, Шанхай, Лондон, Одесса... И это еще не вся плата, которой требует от природы Земли теплая батарея в твоем доме...

— Хватит, папа! И так уже на душе нехорошо. Лучше

скажи, козу-то зачем на этот памятник поставили? Она-то в чем виновата?

— Коза?! А ты разве не слыхала никогда, что именно с помощью коз человек создал на Земле новые пустыни?

— Как это создал? Да какому сумасшедшему нужны пустыни?

— Согласен, они никому не нужны. Но беда людей в том, что они обычно сначала губят природу неразумным экономическим поведением, а потом начинают думать — почему это жить на Земле становится все хуже и хуже? И история с козами — классический тому пример. Видишь ли, когда-то в Азии и Северной Африке коза была главным домашним животным. И в конце концов люди развели огромные стада коз, которые они все время перегоняли с одного пастбища на другое. Но мирная коза —страшный враг природы, потому что выедает без остатка весь растительный слой, а ее копыта еще и разрушают почву. Там, где прошло большое стадо коз, больше уже ничего не растет. И потому массовое разведение коз кончилось тем, что на месте некогда зеленых полей и лесов образовались сначала безжизненные пустыри, а потом — пустыня...

— Знала бы, что ты опять будешь всякие страсти рассказывать, я бы тебя про козу не спрашивала! — с чувством сказала Оля. —Лучше скажи,как нам пересечь эту пустыню и вообще как можно сделать так, чтобы и люди хорошо жили, и природа не гибла?

— Конечно, можно закрыть глаза и уши, чтобы не слышать и не видеть, как гибнет природа планеты, но разумнее жить в согласии с природой, бережно относясь ко всему живому.

Потрепав Олю по плечу, я решительно шагнул из ласковой тени леса под палящее солнце, и мы двинулись вперед через Великую Экологическую пустыню. Далеко впереди я приметил высокую черную скалу. С нее наверняка было видно на несколько километров вперед, и я

решил взобраться наверх, чтобы определиться — куда идти дальше.

С непривычки мы двигались довольно медленно и только через час подошли к скале. Вглядываясь в нее, я вдруг с радостью заметил отверстие пещеры — там мы могли чуть-чуть отдохнуть от безжалостных лучей солнца. Теперь даже хлюпающее объятие Военно-Промышленной топи воспринималось немножко по-другому. До пещеры было уже рукой подать, как вдруг откуда-то с неба послышался переворачивающий душу свист. Мы с Олей как по команде взглянули вверх и обмерли...

Прямо на нас с неба пикировала огромная стая каких-то странных созданий с продолговатыми телами и короткими круглыми носами. Крыльев у них не было, но заднюю часть их туловищ окутывали какие-то облачка. Это были живые ракеты!

— Аэрозоли! — ошеломленно прошептала моя спутница.

И она была права! Злобная стая состояла из... аэрозольных баллончиков! Я уже мог отчетливо разобрать хорошо знакомые мне этикетки лака для волос, антистатика, средства от комаров и многих других товаров бытовой химии, мирно стоявших у меня в хозяйственном шкафу. Но здесь — в стране Экономика — они почему-то стали летать и сбились в стаю. Не знаю почему, но инстинкт подсказал мне, что эта стая полна далеко не мирных намерений и нам надо срочно спасаться! Не рассчитывая на Олину расторопность, — она окаменела на месте, распахнув от изумленья глаза и рот, — я крепко схватил ее за руку и изо всех сил поволок в пещеру. Мы уже были на пороге, когда первые аэрозоли начали атаку, разом выбросив из своих головок-клювов облака пахучих химикатов. В горле у меня сразу пересохло, на глаза навернулись слезы. Но наконец мы оказались под сводами пещеры. Едва мы проскочили вход, как вдруг у нас за

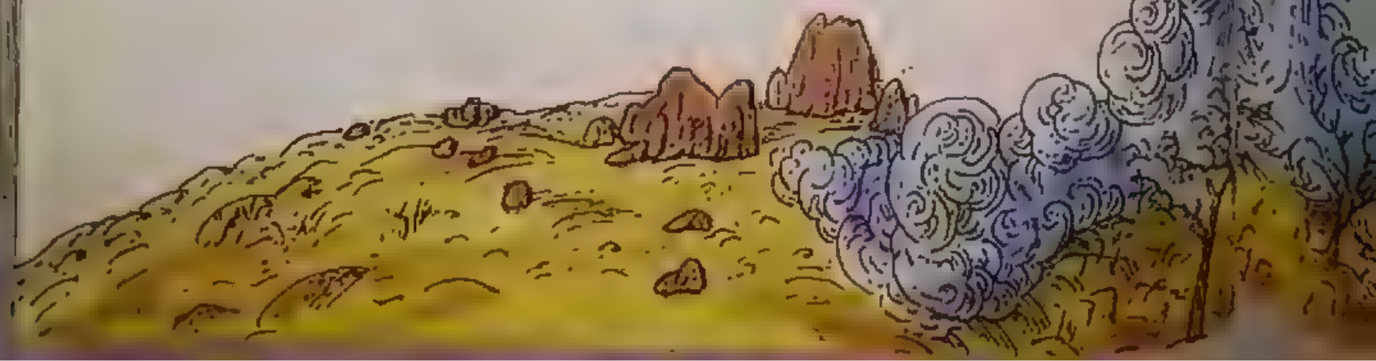
спиной что-то зарокотало и тяжелая стальная пластина, опустившись, плотно закрыла отверстие в скале. Мы опять оказались закрытыми в пещере, но зато по крайней мере летучие аэрозоли уже не могли до нас добраться.

— Но почему они на нас напали? — тронула меня за плечо Оля. — Ведь люди же их и сделали, зачем же они нас пытаются уничтожить, как будто мы какие-то вредные комары?!

— Самое смешное, хотя на самом деле это вовсе не смешно, состоит в том, что сами же люди и обучили аэрозоли искусству охоты на человека! И если хочешь знать, эта охота уже идет полным ходом в самой что ни на есть настоящей жизни...

— Как это? — изумленно спросила Оля.

— Очень просто. Все аэрозоли в мире устроены одинаково: в них под давлением накачано нужное человеку вещество, смешанное с газом фреоном. Этот газ очень удобен — он, как говорят химики, нейтрален, то есть не взаимодействует с полезными веществами баллончиков и потому не портит их, а высокое давление, нужное для разбрызгивания, обеспечивает. Все бы хорошо, но вот несколько лет

назад, когда весь мир уже был заполонен такими баллончиками и холодильниками, которые тоже работают на фреоне, вдруг выяснилось, что такой экономически выгодный фреон — враг человечества!

— Почему?

— Оказалось, что фреон — которого, кстати, в атмосфере Земли и в помине не было еще в начале 50-х годов — разрушает в верхних слоях атмосферы слой, состоящий из газа озона. А озон, как щит, закрывает все живое на Земле от вредного излучения Солнца, пропуская беспрепятственно все излучение, полезное для жизни. Не будь озонового слоя —и людям даже не в самых жарких странах пришлось бы ходить закутанными с ног до головы, иначе бы они все быстро заболели раком кожи и умерли! Но люди об этом не подумали и стали пользоваться фреонами очень активно. Это принесло изготовителям аэрозолей и

холодильников огромные прибыли, а всем людям помогло жить куда удобнее и приятнее. Но фреон —очень живучий газ, он не разрушается десятки и сотни лет, но зато губит озон непрерывно, и уже сегодня содержание озона в воздухе сократилось на 3 процента...

— Всего-то! — облегченно выдохнула Оля.

— Всего-то, — повторил я, покачав головой. — Это совсем немало. Из-за того, что над европейской частью нашей страны озона стало на 3 процента меньше, ежегодно будет от рака умирать на 7 — 9 тысяч —тысяч! — человек больше. Аэрозоли охотятся результативно —самый меткий охотник позавидует!

— Так запретить их и все!

— Легко сказать, — развел я руками. — А где ты будешь хранить продукты, если не будет холодильников на фреоне? Сейчас все основные страны мира подписали специальный «антифреоновый» договор —обязались не выпускать фреонов больше, чем они выпускали в 1987 году, а к 2000 году сократить его производство вдвое. Дело-то больно непростое — надо же найти фреону заменители, научиться их дешево изготавливать, построить заводы, поменять конструкции холодильников и так далее и тому подобное. И на все это нужны деньги и время, время, время, а озона остается все меньше и меньше, и потому врачи уже сегодня рекомендуют не увлекаться загоранием — солнце без озонового щита светит людям совсем не так ласково, как прежде...

— Ох, и невеселое же у нас сегодня путешествие, — горестно вздохнула моя спутница, привыкшая летом загорать до черноты. — Ну, а что мы дальше будем делать? Нельзя же бесконечно сидеть в этой пещере. Кстати, можно я ее осмотрю?

Оля сделала шаг в глубину пещеры, и тут вдруг наше временное убежище осветилось ярким светом и мы с дочкой одновременно ахнули.

На дальней стене пещеры разом вспыхнули десятки телевизионных экранов, окружавших центральный экран размером метров пять на пять.

На нем появилось изображение медленно вращающегося голубого шарика Земли, снятое из космоса, а потом вспыхнула надпись:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС
В ЦЕНТРЕ БЕЗОТХОДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ !

Потом и она исчезла и по экрану побежали строчки информационного сообщения:

ЕЖЕГОДНО НА ЗЕМЛЕ ИСЧЕЗАЕТ
11 МЛН.ГЕКТАРОВ ТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСОВ...
ПЛОЩАДЬ ПУСТЫНЬ ЕЖЕГОДНО ВОЗРАСТАЕТ
НА 6 МЛН. ГЕКТАРОВ...
ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ НА ЗЕМЛЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ ПОЛОВИНА
СУЩЕСТВУЮЩИХ СЕГОДНЯ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И
РАСТЕНИЙ...
ПЛОЩАДЬ ДЫРЫ В ОЗОНОВОМ СЛОЕ НАД АНТАРКТИДОЙ
УЖЕ В 2 РАЗА БОЛЬШЕ ПЛОЩАДИ США...

Затем на экране мы увидели изображения научных лабораторий, которые, как мы догадались, были расположены глубоко под землей.

Некоторое время Оля с любопытством всматривалась в изображения приборов и деловито сновавших около них ученых в белых халатах, а потом повернулась ко мне.

— Значит, спасение природы — это тоже забота страны Экономика?

— Конечно, а как же иначе. Раньше в стране Экономика люди, к сожалению, думали главным образом о личном благе и дне сегодняшнем, в лучшем случае завтрашнем. Заглядывать в послезавтра никто не считал

нужным. А сейчас всем приходится на ходу переучиваться. И не потому, что деловые люди стали такими сознательными, а потому, что другого выхода просто нет. Советские ученые подсчитали, что если в стране Экономика не наступят коренные перемены, то к середине XXII века природа окончательно истощится и 99 процентов всех затрат энергии и труда человечеству придется тратить на то, чтобы на Земле можно было хоть как-то жить. А на поддержание уровня жизни и развитие человеческой цивилизации останется всего-навсего один-единственный процент этих затрат. И тогда человечество покатится назад в своем развитии, а проще говоря — будет стремительно нищать и хиреть!

— И что же делать?

— Не жалеть деньги на охрану природы и заменять старые способы производства новыми — безотходными технологиями. Специалисты подсчитали, что уже сегодня всем странам мира нужно ежегодно тратить на охрану природы 1/20 от стоимости всех товаров, что производятся за год. Пока решается на это только Япония, а остальные тратят в 4 — 5 раз меньше, но зато и теряют от порчи природы куда больше, чем сэкономили на таких тратах. Сейчас нужно заново учиться способам изготовления всех товаров. Привыкать жить как на космическом корабле, где отходы просто некуда девать и новый воздух по трубочке с Земли не подсосешь, а потому его надо очищать и снова пускать в кабину.

— Поняла, — удовлетворенно кивнула головой Оля. — Так, значит, вот эта лаборатория как раз и придумывает такие новые безотходные технологии?

— Совершенно верно. И честно говоря, я очень надеюсь, что мы здесь узнаем, как же нам преодолеть все-таки Великую Экологическую пустыню.

Но спросить нам, увы, здесь было не у кого, а как попасть вниз — в лаборатории, мы не знали. Тогда я начал

тщательно обшаривать все углы и закоулки нашего убежища и вдруг натолкнулся на маленькую металлическую дверь. На ней не было ни ручки, ни какого-либо замка. Лишь в центре ее виднелось забавное изображение панды. Зверек был нарисован художником с такой нежностью и был таким симпатичным, что Оля невольно погладила картинку пальцем. В тот же миг плавно и бесшумно дверь скользнула вверх и за ней открылся широкий светлый коридор. Я махнул Оле рукой, и мы вошли внутрь.

Стены коридора напоминали изображения внутренних помещений космических кораблей, как их показывают в фантастических фильмах. Везде были видны шкалы каких-то неведомых приборов, и единственное, что было нам понятно, — надпись на плакате, все время повторяющемся на стенах:

— А что значит этот нолик с хвостиком? — первым делом поинтересовалась Оля.

— Что-то он мне напоминает, вот только что...— напряг я свою память. — О, вспомнил! Этим значком астрономы традиционно обозначают на своих картах нашу планету. Так что этот плакат означает «Береги Землю!».

— Береги-береги! — в сердцах сказала Оля. — А как?

— Самый лучший способ сегодня это создание безотходных и ресурсосберегающих технологий. Эти технологии позволяют совершенно не загрязнять окружающую среду отходами, а на производство тратить намного меньше энергии, воды, материалов...

— Намного — это насколько? — деловито спросила Оля.

— Это по-разному получается. Давай посмотрим, как уже сегодня можно сберечь энергию. Например, Франция сейчас тратит энергии на производство одинакового количества товаров в 2 раза меньше, чем Англия и США, и в 4 раза меньше, чем СССР. Значит, если бы в нашей стране были использованы такие же технологии, как во Франции, то можно было бы не строить новые атомные электростанции, закрыть все старые и немалую часть угольных электростанций, отравляющих округу дымом и кислотными дождями, после которых уже ничего не растет — даже картошка. Вот что значит новые, можно сказать — планетоспасающие технологии! И это единственный путь, который может привести человечество к счастливому будущему. Но времени на их создание и внедрение уже осталось мало. Практически судьба человечества будет зависеть от того, что успеет сделать мое поколение и вы, наши дети, когда станете взрослыми. Сумеете быстро перестроить страну Экономика — будете жить хорошо, не сумеете — тогда ваша старость и молодость ваших детей и внуков будут уже весьма невеселыми...

Под эти разговоры мы успели пройти достаточно далеко и вдруг, завернув за очередной поворот, увидели перед собой какое-то необычное транспортное средство. Оно чем-то напоминало вагон современного скоростного поезда, но колес у него не было и сидел этот вагон верхом на одиноком высоком рельсе.

— А я знаю, что это такое, — вдруг заявила Оля, опередив меня на секунду. — Я такое видела в каком-то журнале. Это сверхскоростной поезд будущего, я только не помню, как он называется.

— По-моему, он еще никак не называется, — улыбнулся я. — Это поезд на магнитной подушке — бесшумный и экологически чистый транспорт будущего. Но раз он здесь уже стоит, так, может быть, мы можем на нем прокатиться и сегодня?

Двери вагона были открыты, и мы зашли внутрь. Тотчас створки дверей плавно сомкнулись и голос из репродуктора сообщил: «Поезд отправляется. Следующая остановка — порт ЭКСИМП». И уже через несколько минут мы стремительно неслись вперед по подземному туннелю, оставляя за спиной таинственный Центр Безотходных Технологий и негостеприимную пустыню вокруг него.

Внезапно наш поезд вырвался из туннеля наружу и резко затормозил. Двери автоматически распахнулись, и мы с Олей выбрались наружу.

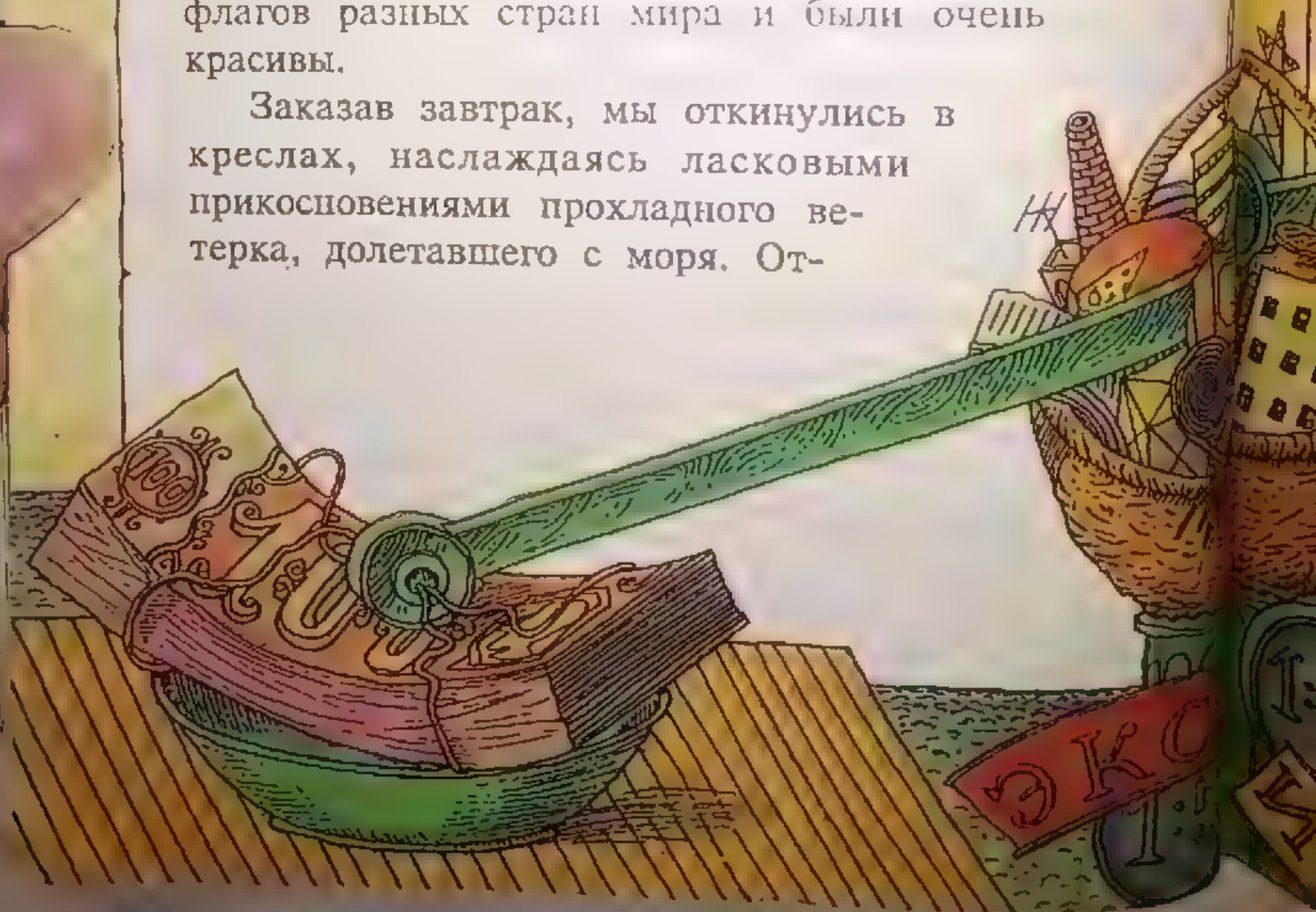
Уже темнело. Где-то кричали чайки, подтверждая близость моря Национального Богатства. Оглядевшись по сторонам, я с удовольствием обнаружил неподалеку высокое здание с надписью «Гостиница». Туда мы и направились, предвкушая удовольствие поспать на нормальной кровати после двух ночей, которые провели в палатке.

В открытое окно нашего номера доносились гудки пароходов, прибывающих в порт ЭКСИМП или покидающих его, но этот шум не помешал мне заснуть, едва моя голова коснулась подушки.

Глава десятая, в которой нам приходится выбрасываться из самолёта, и всё же мы находим путь домой.

Проснувшись на десятое утро нашего путешествия по стране Экономика, мы решили первым делом как следует позавтракать. К Олиному удовольствию, выяснилось, что сделать это можно на крыше нашей гостиницы — в кафе, где над каждым столиком возвышался большой зонт, прикрывавший посетителей от солнца и дождя. Зонты были сшиты из национальных флагов разных стран мира и были очень красивы.

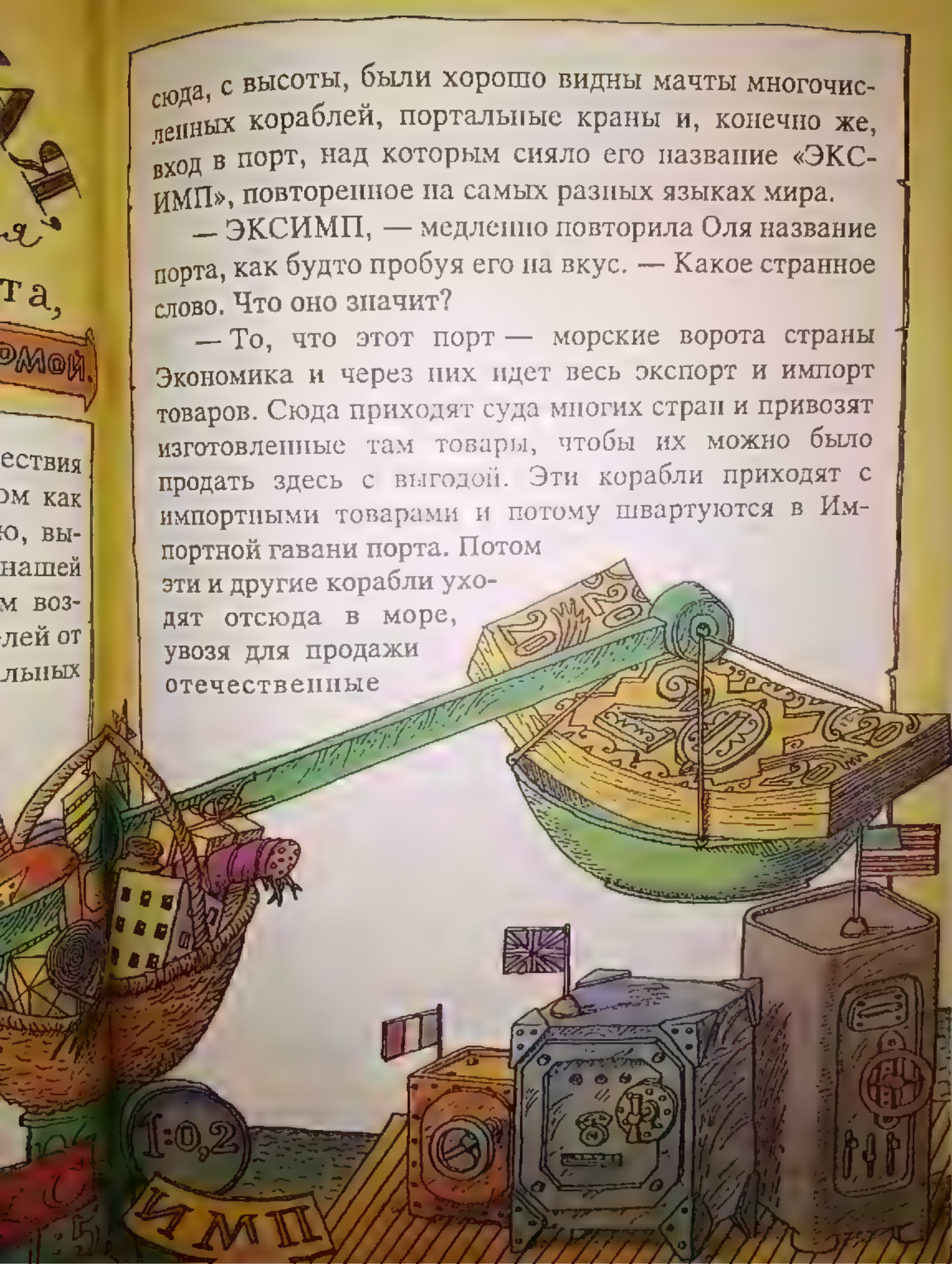
Заказав завтрак, мы откинулись в креслах, наслаждаясь ласковыми прикосновениями прохладного ветерка, долетавшего с моря. От-

сюда, с высоты, были хорошо видны мачты многочисленных кораблей, портальные краны и, конечно же, вход в порт, над которым сияло его название «ЭКСИМП», повторенное на самых разных языках мира.

— ЭКСИМП, — медленно повторила Оля название порта, как будто пробуя его на вкус. — Какое странное слово. Что оно значит?

— То, что этот порт — морские ворота страны Экономика и через них идет весь экспорт и импорт товаров. Сюда приходят суда многих стран и привозят изготовленные там товары, чтобы их можно было продать здесь с выгодой. Эти корабли приходят с импортными товарами и потому швартуются в Импортной гавани порта. Потом эти и другие корабли уходят отсюда в море, увозя для продажи отечественные

товары. Товары, которые на них грузят, называют экспортными, и потому погрузка таких кораблей ведется в Экспортной гавани порта.

— А зачем это вообще нужно? Это же, наверное, очень дорого — возить товары туда-сюда через море? Недаром же есть даже такая пословица: «За морем телушка — полушка, да рупь перевоз»...Не лучше ли все нужные товары делать самим, в своей стране, а в другие страны ездить только в гости? И потом — а вдруг там не захотят продать то, что нам нужно? Что тогда делать, как выпутываться?

— Э, нет! Ничего разумного в таком решении не было бы. Ты вспомни, еще в самом начале нашего путешествия мы с тобой выяснили — залогом успешного развития страны Экономика служат разделение труда и обмен товарами. Но если это выгодно в одной стране, то почему бы не сделать то же и в мировом масштабе? Тогда каждая страна сможет выпускать только те товары, которые ее мастера умеют делать лучше всех в мире. От такого международного разделения труда выигрывают не только отдельные страны — легче и богаче становится жизнь всего человечества. И потому международная торговля — одна из древнейших и важнейших профессий в стране Экономика. А насчет телушки и полушки...Вспомни-ка, пожалуйста, что писал о внешней торговле Александр Сергеевич Пушкин?

— Пушкин? Да разве он о таком писал? — удивилась Оля. — Я у него ничего такого не читала.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ЭКСПОРТ ТОВАРОВ — это вывоз товаров за границы страны для продажи в других государствах. Так зарабатываются деньги для ИМПОРТА ТОВАРОВ, то есть для закупки за рубежом товаров, которых нет в своей стране.

— Читала, — улыбнулся я, — и не раз. Забыла? Ну-ка, я начну, а ты попробуй продолжить:

«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:...»

— «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана...» — с ходу подхватила Оля. — Это же «Сказка о царе Салтане»!

— Верно. И вспомни, каждый раз как князь Гвидон заставлял корабельщиков заходить в его порт, выяснялось, что в этот раз корабельщики торговали иным товаром —то «соболями, черно-бурыми лисами», то «донскими жеребцами», то «булатом, чистым серебром и златом». Так оно и есть на самом деле — все страны торгуют самой разнообразной продукцией, причем нередко одну и ту же продукцию и импортируют, и экспортируют...

— Но это же совсем бессмысленно! — удивилась Оля. — Я так поняла, что импортируют те товары, которых в стране не хватает или которые самим производить слишком дорого. Но зачем же товары экспортировать в другие страны, чтобы потом из третьих стран импортировать такие же товары к себе?

— Не спеши обвинять других в глупости, сначала попробуй разобраться. Твое удивление имело бы основание, если бы цены на одни и те же товары во всех странах были одинаковыми и если бы деньги у всех стран имели одинаковую ценность.

— Но разве это не так?

— Конечно, нет! Один и тот же товар в разных странах

стоит совершенно по-разному и разница в ценах нередко очень большая. Это зависит от многих причин — от природных условий страны, от того, какую зарплату сумели себе выбить рабочие в результате профсоюзной борьбы, наконец, от того, что любят жители страны, какие у них национальные традиции и привычки. Например, японцы лишь после окончания второй мировой войны начали постепенно осваивать европейскую обувь, а до того прекрасно обходились традиционными сандалетами. И пока европейским компаниям не удалось с помощью рекламы возбудить у японцев интерес к туфлям и ботинкам, экспорт такой обуви в Японию был совершенно бесполезной затеей.

— А кстати, папа, помнишь, мы с тобой говорили о том, почему нельзя сделать так, чтобы во всем мире были одни и те же деньги. Но если у всех стран свои деньги, то как же они торгуют друг с другом?

— Отличный вопрос! Что ж, давай попробуем разобраться. Допустим, что у тебя есть свободные деньги и ты хочешь купить японский карманный магнитофон с наушниками. У японского коммерсанта есть партия таких магнитофонов на складе, и он мог бы экспортировать ее в нашу страну. Но торговля внутри страны идет у нас в рублях, и именно рублями ты и готова заплатить за эту игрушку. Пошли дальше. Японец продал всю партию магнитофонов и получил немалую сумму рублей. Что ему теперь с ними делать? В Японии-то ему от них никакого толку нет — в магазинах от покупателей требуют платить иенами, а не рублями. Да и с изготовителем магнитофонов рассчитаться надо тоже в иенах. Как бы ты выпутывалась из такой ситуации?

— Я? — удивилась Оля, никогда не представлявшая себя в роли японского коммерсанта.—Я бы...Я бы купила тут у нас на все рубли матрешек и продала бы их потом в Японии на иены!

— Прекрасное решение! Вполне практичное. Правда, для этого надо предварительно разведать японский рынок — разойдется ли на нем такое количество матрешек. Но в принципе ты права — страны с разными деньгами могут торговать друг с другом только в том случае, если у каждой из них есть товары, нужные другой стороне, или, наконец, — на золото. Например, долгие годы весь импорт в СССР держится на том, что мы продаем за рубеж природные богатства страны — нефть, газ, лес, руды металлов. А покупаем —лекарства, одежду, пшеницу, станки. Значит, чем больше у страны товаров, которые готовы купить другие страны, тем легче ей самой купить у них то, что нужно. При этом никаких проблем с разницей в денежных единицах не возникает.

— Значит, если хочешь, чтобы покупали твои товары, сам покупай чужие, так что ли?

— Вот именно! Международная торговля основана на выгоде для всех ее участников. Впрочем, не пора ли нам посетить порт? Ворота давно открыты и ничто не мешает нам осмотреть его поближе.

Как ни странно, но я ошибся. Вход в порт был перегорожен сетчатой дверью, которой не было видно сверху, а в тумбе около нее был вмонтирован компьютерный «сторож». На его экране мы прочитали текст:

СООБЩИТЕ, ЧТО ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ТОВАРОВ
ВЫ НАМЕРЕНЫ ЭКСПОРТИРОВАТЬ В ДРУГИЕ СТРАНЫ ?
1.НЕФТЬ 2.ГАЗ 3.ДРЕВЕСИНУ 4.СТАЛЬ 5.МЕДЬ
6.ГРУЗОВИКИ 7.ПОДШИПНИКИ 8.КНИГИ 9.ХЛОПОК
10.ТАНКИ 11.ПЛАТЬЯ 12.СУПЕР ЭВМ 13.ГОВЯДИНУ
14.ИНОЙ ТОВАР — ВПИШИТЕ НАЗВАНИЕ В СКОБКИ (...)
НАБЕРИТЕ НУЖНЫЙ НОМЕР И НАЖМИТЕ «ВВОД»

Не знаю уж, по какой причине, но, немного поколебавшись, Оля нажала клавишу с цифрой *5* и «ВВОД».

Компьютер издал резкую трель, и прямо поверх прежней рамочки на экране вспыхнула новая, где на красном фоне были слова:

В ЛИЦЕНЗИИ ОТКАЗАНО! ЭКСПОРТ ЗАПРЕЩЕН!
ТОВАР СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ!!!
НАЖМИТЕ «+» ДЛЯ ВОЗВРАТА В МЕНЮ ЭКСПОРТА

— В чем–чем он нам отказал? — не поняла Оля. — И почему нам не разрешили увезти медь? Я–то думала, что чем больше товаров удастся экспортировать, тем лучше, потому что можно больше купить нужных товаров у других стран, а компьютер почему–то дурит...

— Погоди, погоди, — остановил я ее. — Ты уже и так задала мне сразу несколько вопросов. Дай я отвечу, а то ты начала на бедный компьютер напраслину возводить. Ни в чем он не виноват. Просто каждая страна внимательно следит за сферой внешней торговли — кто и что ввозит или вывозит. И в частности многие страны категорически запрещают экспортировать те товары, которые они считают стратегическими, то есть важными для обороноспособности страны. И чтобы избежать бесконтрольного вывоза таких товаров, разрешают экспортные сделки только после получения в государственной организации соответствующего разрешения — лицензии.

— И что такого в меди оборонного–то? — не желала успокаиваться Оля. — Металл как металл!

— Ну, вообще–то ты не права, — заступился я за компьютер. — Медь — металл редкий и очень нужный для проводов, а без них ни страну электричеством не обеспечишь, ни проводку в танке не проведешь. А сегодня, когда отношения между странами мира еще очень сложны, легко продавать, пожалуй, только товары народного потребления. А все, что в какой стране редкое или может пригодиться для военных целей, объявляется стратегическим

товаром. Например, США и другие страны НАТО создали даже специальную организацию — Комитет по контролю за экспортом (КОКОМ), которая запретила вывозить в СССР огромное количество разных товаров: компьютеры, станки для точной обработки металла, трубы, новейшие технологии и многое другое. И беда тому, кто их ослушается...

— Его сажают в тюрьму?

— Нет, его наказывают экономически. Например, несколько лет назад американцы обвинили одну японскую компанию, что она нарушила запрет КОКОМ и продала СССР такой станок, который может якобы использоваться для изготовления... бесшумных винтов для подводных лодок. Скандал был страшный! И американское правительство запретило этой компании ввозить в США любые товары, что означало для этой компании огромные убытки. На самом деле американцы просто использовали продажу того станка для нанесения по Японии очередного удара в торговой войне...

— Торговой войне? — удивленно переспросила Оля. — О таком я не слыхала. Это как же воюют?

— С улыбкой и насмерть, — раздался вдруг чей-то голос позади.

Мы повернулись и увидели невысокого, но плотного телосложения мужчину в матросской тельняшке, брюках-клеш и залихватски заломленной фуражке.

— Позвольте представиться, — вежливо приподнял он фуражку. — Пит Смагглер — здешний старожил. Временно не у дел и готов за умеренное вознаграждение помочь вам в осмотре порта ЭКСИМП. Ведь вы же приезжие, не так ли?

ЛИЦЕНЗИЯ — это разрешение, которое надо получить у государства на экспорт некоторых ТОВАРОВ.

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Верно, — кивнула головой Оля. —Скажите, а вы знаете, как попасть в порт Международного Сотрудничества?

— Я все знаю, —важно кивнул головой Пит. — Но информация — штука дорогая. — Он явно намекал на денежное вознаграждение.

Пришлось мне лезть в изрядно отощавший после всех наших приключений кошелек. Получив несколько хрустящих купюр, Пит сразу повеселел и затараторил как пулемет.

— Да, так, значит, мы говорили про торговые войны, не так ли? Вы в Конкурент-

ных Автогонках участвовали? Ага, тогда вам будет легче понять, о чем тут идет речь. Например, японская автомобильная промышленность научилась делать дешевые и надежные легковые автомобили. И их стали охотно покупать американцы. Но ведь это смертельный удар по американским автомобильным компаниям — их-то машины оседают в магазинах, прибыли падают, появляется угроза полного разорения. Волнуются не только владельцы этих компаний, но и миллионы рабочих, которые собирают автомобили или делают для них сталь, шины, запасные части, — того и гляди они могут лишиться работы, и как тогда кормить семью?

— Ну и что же тут можно поделать — не запретишь же людям покупать то, что им нравится?

— Запретить, конечно, не запретишь —это уж слишком бы противоречило традициям страны Экономика, — кивнул головой Пит. — Но в торговой войне есть другое оружие —Пошлинные мины. Все государства мира издавна облагают купцов, привозящих товары из-за рубежа, специальной данью —пошлиной. Естественно, что расходы па уплату пошлины купцы возмещают себе тем, что на ту же сумму повышают цену товара. Обычно размер пошлины невелик. Но когда начинается торговая война, то на все товары, привозимые из вражеской страны, устанавливают такие пошлины, что цены их взмывают к небесам. Проще говоря, покупать их жителям становится невыгодно.

— Но ведь и пострадавшая страна-экспортер может ответить тем же!

— Конечно, и чаще всего так и происходит, — согласился Пит. — Это и есть торговая война. Но по большому счету такая война невыгодна всем странам, и потому со временем Таможенные мины потихонечку разряжают, пошлины снижают до разумного уровня и международная торговля снова оживает. До очередной

стычки... Что делать, такова повседневная жизнь в нашем городе–порте ЭКСИМП!

— Скажите, Пит, — вежливо поинтересовалась Оля, —что же мне ответить компьютеру, чтобы он пустил нас на территорию порта?

— А ты выбери номер 10 и посмотрим, что будет, —ухмыльнулся Пит.

— Но это же танки?! — ахнула Оля. — Их–то уж точно не разрешат вывозить!

— А ты попробуй! — настаивал Пит.

Недоумевающая Оля последовала совету нашего гида и ввела в компьютер эту цифру. К ее полнейшему удивлению, этот товар был разрешен компьютером к экспорту без малейшей задержки.

— Ничего не понимаю! — повернулась она ко мне. —Простую медь вывозить не дают, а готовый танк — пожалуйста...Чепуха какая–то!

— Я понимаю твое удивление, но, увы, дело обстоит именно так — многие страны мира с большой охотой продают оружие, которое уносит тысячи жизней. Уже давно Организация Объединенных Наций ведет борьбу с такой торговлей, но пока без особого успеха — продавать оружие выгодно, а ты теперь уже сама убедилась: в стране Экономика выгода —самое волшебное слово и перед ним мало кто может устоять. Со временем, может быть, удастся прекратить эту постыдную торговлю, но пока она реальность, и раз уж ты заявила о своем намерении участвовать в ней и получила разрешение —делать нечего, двигайся вперед.

Слегка ошарашенная тем, что она оказалась в роли торговца тан-

НЕ... ЗАБЫТЬ!

ТОРГОВАЯ ВОЙНА – экономическое сражение между различными государствами, каждое из которых старается завоевать внутренние рынки другой страны и не пустить иностранных конкурентов на свои рынки.

ками, моя спутница молча двинулась за Питом через распахнувшуюся дверь на территорию порта. Все вокруг было обычным, как в любом из тех портов, что мы с Олей видали раньше. И вдруг впереди появилось странное сооружение. Когда мы приблизились к нему поближе, то с удивлением обнаружили, что перед нами —огромные весы какой-то необычной конструкции. Одна половина весов возвышалась на территории Экспортной гавани, а вторая — на территории Импортной гавани.

У этих весов было три чашки, установленных в одну линию, но зато...не было циферблата. Вместо него в основании весов было проделано два окошечка со светящимися цифрами. В нижнем мы увидели надпись «1 : 5» , а в верхнем — «1 : 0,2». Весы были окружены сплошной цепью солдат с автоматами на груди, и приглядевшись мы поняли, чем это было вызвано. На центральной чашке стояла большая плетеная корзина, доверху набитая разными товарами —рулонами ткани, коробками с телевизорами, батонами колбасы и еще чем–то. На обеих же крайних чашках весов лежало по толстой пачке денег, причем деньги были явно разных стран. При этом вокруг этих чашек стояло множество сейфов, украшенных изображениями национальных флагов стран мира.

— Что это? — не могла не заинтересоваться столь странным сооружением Оля.

— Это весы Менял — прибор древний и очень важный, поскольку служит он для взвешивания денег, —охотно пустился в объяснения Пит.

— А зачем их надо взвешивать? —удивилась

НЕ ЗАБЫТЬ!

ПОШЛИНА — это плата, которую любая страна берёт с иностранцев за предоставление им права торговать внутри этой страны привезёнными с собой товарами. Чем пошлина выше, тем выше и цены этих товаров и тем сложнее иностранцам торговать в этой стране.

Оля. — Это же не золото! Что толку знать, сколько весит миллион рублей?!

— В таком взвешивании смысл есть. На этих весах определяют сравнительный вес денег разных стран, и толк в таких взвешиваниях очень большой. Недаром же на всех старинных картинах менял всегда изображали с весами... Когда надо решить — давать ли за один русский рубль один доллар, без этих весов не обойтись. В окошечках весов как раз и показываются пропорции обмена разных валют или, как чаще говорят, валютные курсы.

— А зачем они нужны — эти курсы?

— Как это зачем? — удивился я. — Да без них в мире и шагу шагнуть нельзя! Вот давай опять вернемся к той торговой сделке, о которой мы с тобой говорили: когда японец импортирует в нашу страну магнитофоны, а экспортировать собирается матрешки. Допустим, что партия этих магнитофонов обошлась ему в 10 миллионов иен. Но почем ему продавать их у нас в стране, где все расчеты идут в рублях? Как пересчитать цену магнитофона из иен в рубли, чтобы продажа была выгодна и японцу, и отечественным покупателям? Вот тут на помощь и приходит валютный курс: японец берет, допустим, газету или звонит в свой банк и узнает, что в СССР официальный обменный курс иены установлен таким образом, что за 1000 иен дают, скажем, 13 рублей. Значит, чтобы не прогадать при проведении торговой операции «иены — магнитофоны — рубли — матрешки — иены», японец должен продать свои магнитофоны не дешевле чем за

ВАЛЮТНЫЙ КУРС — это соотношение, при котором деньги одной страны можно поменять на деньги другой страны. Зависит от того, сколько можно купить в каждой стране на одинаковое количество денежных знаков этой страны, а ещё от того, хотят ли другие страны давать деньги в долг этой стране.

НЕ ЗАБЫТЬ!

130 миллионов рублей. Сумеет продать дороже — молодец, продаст дешевле — останется без прибыли.

— Ну, а как это соотношение-то — 13 рублей за 1000 иен — устанавливается? Весы-то тут при чем?

— Да без них же тут никак не обойтись! — вмешался в наш разговор Пит. — Когда-то в старину, когда все страны мира чеканили золотую монету, меняла просто клал монеты разных стран по очереди на весы и определял, сколько в каждой из них золота, а потом подсчитывал, сколько монет одной страны будут равны по весу одной монете другой страны, и наоборот.

— Но сейчас-то деньги бумажные!

— Верно, и потому весы Менял сегодня и выглядят совсем по-иному — сама видишь. Теперь сравнительная ценность денег разных стран определяется не по содержанию в них золота или серебра, а по стоимости корзинки с товарами — той самой корзинки, что стоит на центральной чашке весов.

— Ничего не понимаю! — пожала плечами Оля.

— А что ж тут непонятного? — снова взял слово я. — Мы же с тобой однажды уже договорились, что деньги стоят ровно столько, сколько товаров на них можно купить. Так? А теперь давай возьмем корзинку с самыми разными товарами и подсчитаем — сколько денег надо потратить в каждой из стран, чтобы купить все эти товары. Допустим, у нас получилось, что японец должен заплатить за такую корзинку 100 000 иен, а русский — 1300 рублей. Получается вот такое уравнение:

100 000 иен = корзинка с товарами = 1300 рублей

— А если две величины порознь равны третьей, то они равны и между собой, — решила блеснуть своими математическими знаниями моя спутница. — Значит, 100 000 иен равны для покупателя 1300 рублям. Так?

— Совершенно верно, — кивнул я. — Теперь подели для удобства обе эти величины на сто и получишь как раз

тот валютный курс, который мы с тобой уже использовали — 1 000 иен по валютному курсу равны 13 рублям. Значит, чем выше в какой–то стране цены, чем большую сумму денежных знаков ее жителям приходится платить за товары, тем ниже ценность бумажных денег этой страны. А вообще–то на разнице в курсах и игре цен построена вся мировая торговля.

— Точно! — авторитетно подтвердил Пит.

Беседуя так, мы пересекли весь порт и оказались у самого причала. К нашему удивлению, мы увидели здесь не только корабли, но и гидросамолеты, плавно покачивающиеся на волнах. Один из них был прямо перед нами, и к его входному люку был протянут веревочный трап. Табличка на причале извещала, что этот самолет должен был вылететь в Центр Международного Сотрудничества и что желающие приглашаются на борт.

— Значит, так, —деловито сказал Пит, озираясь почему–то по сторонам, — вы идете в диспетчерскую —она находится вон в том домике с башней — и получаете право на вылет, а я пока буду готовить самолет. О'кей? Скажите, что с вами летит гид. Имя мое можете не называть. Это не обязательно.

И не дожидаясь нашего ответа, он нырнул в кабину самолета. Когда через полчаса, оформив все документы, мы вернулись на причал и вошли в кабину самолета, Пит был уже там и дремал в кресле, сдвинув на глаза свою залихватскую фуражечку. Впрочем, едва мы вошли, он сразу проснулся и начал хлопотать, усаживая нас в кресла, застегивая спасательные ремни и закрывая входной люк. Едва тот захлопнулся, как на стене салона засветился экран. На нем появилась надпись:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС НА БОРТУ НАШЕГО САМОЛЕТА!
ВЗЛЕТ, ПОЛЕТ И ПОСАДКА ПРОВОДЯТСЯ
В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ БОРТОВОЙ МИНИ—ЭВМ «БАЛАНС»
НАШ САМОЛЕТ СНАБЖЕН СИСТЕМОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СПАСАНИЯ ПАССАЖИРОВ —
ДЛЯ ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЯ ВАМ НАДО НАЖАТЬ
КРАСНУЮ КНОПКУ
В ТОРЦЕ ПРАВОГО ПОДЛОКОТНИКА ВАШЕГО КРЕСЛА.
БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ЧТОБЫ НЕ НАЖАТЬ ЕЕ СЛУЧАЙНО!!!

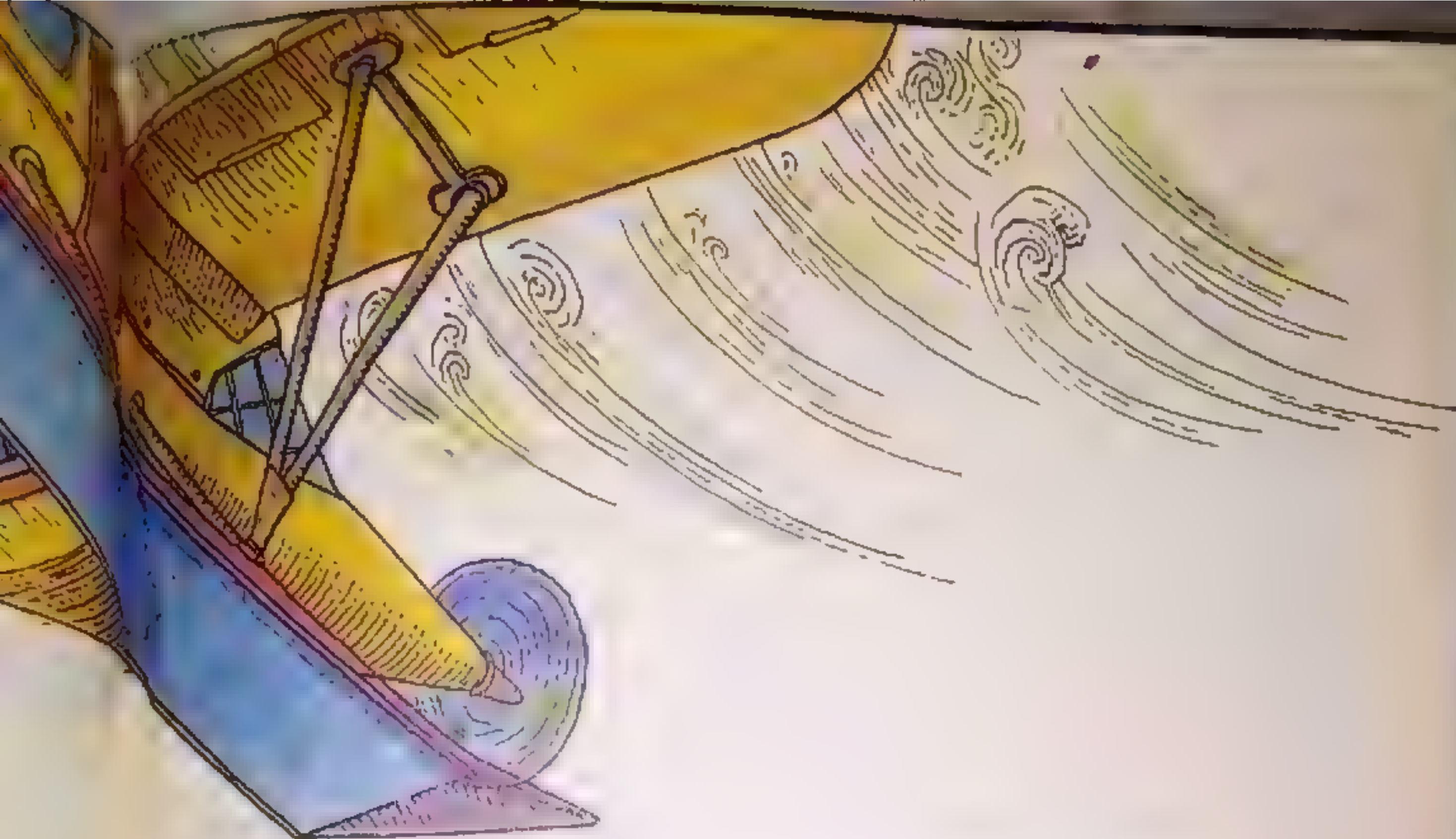
Тем временем винты нашего самолета начали вращаться все быстрее и быстрее. Самолет дрогнул и, набирая скорость, помчался по глади порта. Мягкий толчок — ощущение зависания в воздухе, и вот мы уже стремительно набираем высоту.

С полчаса мы летели над пустынным морем, где лишь изредка можно было заметить грузовые суда, покинувшие ЭКСИМП или плывущие туда. От этого однообразного вида Оля уже начала скучать, как вдруг впереди морскую гладь что-то нарушило, и вскоре мы увидели россыпь островов, а через секунду оказались и прямо над ними. Самолет лег на крыло и начал описывать большой круг, что позволило нам получше рассмотреть этот архипелаг, вокруг которого плавали огромные льдины.

Он состоял из двух групп островов, покрытых снегом и разделенных узким и прямым проливом. При этом та группа островов, что оказалась у нас при подлете под правым крылом, образовывала кольцо, как будто в море было озеро. На каждом из этих островов пылал большой костер, отчего острова казались сверкающим на глади моря диковинным ожерельем. Что самое поразительное — на море был штиль, а по «озеру» в центре этого «ожерелья» катились огромные волны.

Облет уже завершался, и наш самолет начал выравниваться, как вдруг Пит выпрыгнул из своего кресла и в его руке тускло сверкнул пистолет.

— Сидеть тихо! —приказал он нам. — Не вздумайте рыпаться —стреляю без предупреждения! Жмите на спасательные кнопки и проваливайте с моего самолета! Считаю до трех. Раз...

Выражение его лица не сулило ничего хорошего, и, перегнувшись через поручень Олиного кресла, я изо всех сил надавил красную кнопку в ее поручне, а потом сделал то же у своего кресла. Что было потом, я помню не очень отчетливо. Кажется, пол под нашими креслами вдруг ушел в сторону и нас выбросило из самолета, а через минуту над нашими креслами раскрылись парашюты.

Едва наши кресла коснулись воды, как раздалось шипение и откуда-то снизу начали вздуваться борта спасательной резиновой лодки. Когда этот процесс кончился, мы с Олей очутились по плечи в резиновых надувных коконах, которые спасали нас и от ветра, и от случайных волн — на их гребнях мы просто подскакивали, как поплавки. Только теперь я ощутил, что все еще изо всех сил держусь за поручни кресла, и наконец отпустил их. В тот же миг левый поручень резко поднялся вверх, и

под ним обнаружилась ниша, в которой лежало то, что могло понадобиться потерпевшему аварию в первую очередь: нож, аптечка, а главное — кнопка с крупной надписью «SOS». Видимо, она приводила в действие миниатюрный аварийный радиопередатчик. Нажатием кнопки я включил его и сразу же потянулся за ножом.

Меня больше всего заботило, чтобы нас с Олей не унесло далеко друг от друга. Чтобы избежать этого, я отрезал ножом одну из строп моего парашюта и попытался перебросить ее конец Оле. Волны качали наши резиновые суденышки, и потому раз за разом то я промахивался, то Оле не удавалось схватить веревку достаточно крепко. И все же наконец ей это удалось. Через минуту наши лодочки качались одна рядом с другой, крепко стянутые парашютной стропой.

— Папа, почему он с нами так поступил? — спросила Оля голосом, полным слез. Я ее вполне понимал — до возвращения домой было уже рукой подать — и тут...

— Откуда я знаю, почему! — пожал я плечами. — Хотя, постой-ка, постой... Ах ты, елки-палки! — шлепнул я себя по лбу. — Как же я это сразу не сообразил!

— Что не сообразил?

— Да ведь фамилия-то Пита — Смагглер!

— Ну и что?

— Я все время думал, что эта фамилия мне чем-то знакома. А ведь по-английски «смагглер» значит «контрабандист»! Как же я это сразу не вспомнил... Видно, пока мы оформляли документы на вылет, он протащил в самолет какие-то контрабандные грузы и теперь летит, посмеиваясь над нами, к своим компаньонам. Дурак я, дурак!

— Не убивайся так, папа, — успокаивающе погладила меня по руке Оля. — Как-нибудь выберемся...

— Да уж, теперь надежда только на спасателей — может быть, они услышат наш сигнал. Хотя тут ни в чем нельзя быть уверенным!

— Почему?

— Да потому, что Пит — будь он трижды неладен! — выбросил нас из самолета над одним из самых опасных и таинственных уголков страны Экономика — лагуной Бюджетного Дефицита! А здесь, я слыхал, всякое бывает — порою даже радиоволны не проходят...

— Это что — здешний Бермудский треугольник?

— Что-то вроде того. Видишь ли, вокруг нас с тобой — острова Бюджетного Архипелага и живут тут финансисты, отвечающие за доходы и расходы государства. По ту сторону пролива — его называют проливом Сальдо — острова Государственных Доходов, а по эту сторону — вокруг коварной лагуны, где мы с тобой «загораем», — острова Государственных Расходов.

— А что такое сальдо?

— Этим старинным итальянским словом финансисты обозначают разницу в суммах расходов и доходов одного и того же человека, компании, банка или даже целого государства. Например, если ты получила зарплату 150 рублей, а потратила 140, то сальдо твоих доходов и расходов будет равно плюс 10 рублям. Потратила бы ты все 150 рублей — сальдо было бы нулевым. Потратила бы 160 — сальдо было бы минус 10 рублей...

— Постой-ка, постой-ка ! — перебила меня Оля. — Как это я могла потратить 160 рублей, когда получила всего 150? Нельзя же потратить больше денег, чем у тебя есть ?!

— На самом деле это вполне возможно — если ты залезаешь в долги. И вот когда целое государство залезает в долги, потому

БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ — это когда расходы государства больше, чем его доходы и оно вынуждено залезать в долги. Например, выпускать ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАЙМА — документы, покупателям которых государство обязуется вернуть их СТОИМОСТЬ, да ещё с доплатой.

НЕ ЗАБЫТЬ!

что хочет тратить больше, чем оно получает доходов, тогда сальдо государственного бюджета —документа, где записаны все государственные доходы и расходы, — становится отрицательным. Образуется дефицит государственного бюджета, то есть образуется зона стихийного экономического бедствия, которое эхом отзывается по всей стране Экономика. Именно тогда обычно начинается извержение Инфляционного гейзера, разверзаются пропасти Дефицита и долину Пропорциональности начинают трясти Биржевые землетрясения...

— Но почему —связь—то тут какая?

— Давай разбираться, все равно ведь до прибытия спасателей делать нечего. Помнишь, ты меня спрашивала — почему бы всем странам не договориться о введении единых денег, чтобы можно было ездить по свету, не думая, годятся твои деньги или нет?

— Помню, — кивнула головой Оля. —Ты тогда сказал, что каждому правительству выгодно иметь свои особые деньги. Я, правда, не поняла —почему?

— Да очень просто — каждое правительство ведь имеет очень много, как говорят экономисты, статей расходов. Ему надо тратить деньги на оборону, на поддержание порядка и содержание тюрем, на финансирование науки и образования, помогать развитию культуры и давать пособия беднякам и инвалидам, чтобы они не просили милостыню на улицах, ремонтировать больницы и поддерживать работы по охране и восстановлению природы. Любому государству всегда нужно куда больше денег, чем оно может получить с помощью налогов. Как быть в такой ситуации?

— Не знаю... — пожала плечами моя спутница, никогда не представлявшая себя в роли министра финансов.

— Жизнь показывает, что в такой ситуации правительства разных стран избирают один из трех вариантов экономического поведения. Во—первых, проводят поли-

тику ограничения бюджетных расходов — увольняют государственных служащих, сокращают помощь школам и больницам, отказываются от создания новой военной техники и проектов восстановления загрязненной природы. Сама понимаешь — популярность любого правительства при этом резко падает. Второй способ — напечатать дополнительные деньги, чтобы ими оплатить расходы, на которые не хватает обычных доходов. Способ очень заманчивый —ведь только правительству принадлежит единоличное право законного выпуска денег. Но когда правительство выпускает деньги, не обеспеченные товарами, в стране как раз и разыгрывается инфляция, и это тоже авторитета министрам не добавляет. И наконец есть третий способ — взять в долг. Способ самый честный — хотя и самый трудный.

— Взять в долг? —удивленно переспросила Оля. —Но это же значит, что вроде как целая страна одалживается. Кто же ей может в долг-то дать?

— Подожди, подожди, давай все-таки не смешивать —правительство и страна это вещи разные. Правительство как доверенное лицо народа может одолжить деньги в трех местах. Во-первых, взять кредиты у зарубежных банков. Во-вторых, взять кредиты у отечественных банков. А в-третьих, оно может занять у своего народа.

— Как это у народа?

— А вот так. Называется это заем и смысл его очень прост. Государство печатает специальные бумаги и проставляет на них цену, допустим, 100 рублей. Эти бумаги, а их называют облигациями, от слова «облигатио» — обязательство, свободно продают всем гражданам страны. При этом правительство обязуется, что через определенное время оно выкупит все облигации, вернув людям стоимость каждой.

— Послушай, папа, — вдруг перебила меня Оля. — Я вот понять не могу —ты сказал, что острова вокруг нас

заселены людьми, племенем финансистов. Но почему же ни с одного острова никто не поспешил нам на помощь — они же не могли не видеть, как мы шлепнулись на воду.

— Видишь ли — люди из этого племени стараются никогда не плавать по водам лагуны Бюджетного Дефицита. Не то чтобы это для них была запретная зона, а просто им неприятно здесь плавать...

— А почему?

— Да потому, что дело финансистов — так распорядиться доходами и расходами государства, чтобы концы сходились с концами, а страна не залезала в долги.

— Значит, вообще-то такой лагуны в стране Экономика и не должно быть?

— Конечно! Бюджетный дефицит — это беда, и чем он больше, чем глубже государство залезает в долги, чем быстрее раскручивает печатный станок, тем сильнее лихорадит страну Экономика и хуже идут дела у всех ее жителей. Поэтому если в стране расходы государства оказываются больше его доходов, значит, правительство управляет неразумно и не умеет навести порядок в собственном кошельке...

Возможно, что мы бы еще долго беседовали на эту тему, такую болезненную для многих стран мира, но в этот момент увидели, что большой корабль направился прямо к нам. Это были спасатели. Наш призыв был услышан! Спасатели ловко подцепили наши лодки большим «сачком», и через несколько минут мы с Олей уже были на палубе. Нас напоили горячим чаем, и мы поднялись в рубку капитана, чтобы поблагодарить его за спасение. Там мы и застряли — уж больно увлекательно наш гостеприимный хозяин рассказывал о здешних морских приключениях, не забывая при том контролировать курс корабля. Под рассказы капитана мы даже не заметили, что приближаемся к берегу. Капитан вдруг прервал свой очередной рассказ и спросил меня:

— На каком причале вас лучше высадить?

— А что, это имеет какое–то значение? —ответила на вопрос вопросом Оля.

— Конечно, в порту Центра Международного Сотрудничества каждый выбирает себе тот причал, который ему удобнее, и ту дорогу к международному сотрудничеству, которая ему кажется самой выгодной.

— Так куда мы–то будем причаливать? —повернулась ко мне Оля.

— Я бы предпочел причал Международных Экономических Союзов. Такой союз —самая сложная форма сотрудничества разных стран, но и выгоду она дает всем участникам тоже наибольшую.

Высадившись на берег и распрощавшись с командой спасательного корабля, мы начали осматривать город.

— Международный экономический союз... — медленно повторила Оля, как будто пробуя эти слова на вкус. — И все–таки мне это странно! После нашей поездки по стране Экономика мне теперь кажется, что здесь все стараются только для себя и норовят подставить конкуренту подножку. А уж помогать тому, кто беднее?..

— То, что ты говоришь, действительно веками вбивалось людям в голову. Но времена меняются, хотя старые законы конкурентной борьбы по–прежнему действуют в стране Экономика. Сама Земля стала как будто меньше, и ей все труднее прокормить и обеспечить чистой водой и воздухом многомиллиардное человечье племя. Сегодня жизнь в стране Экономика стала невероятно сложной из–за того, что экономические интересы отдельных людей и даже народов все острее сталкиваются с экономическими интересами человечества в целом. Если бизнесмены США экономят деньги на фильтрах для выхлопных труб, то кислотные дожди выпадают не только над американскими, но и над канадскими лесами. Если советские предприятия сбрасывают в Неву неочищенные сточные воды, то жизнь

в водах Балтийского моря гибнет и у берегов Скандинавских стран.

— Значит, теперь в стране Экономика конкуренции между странами больше не будет?

— Нет, этого я не говорил. Но наряду с конкуренцией самые разные страны начинают сотрудничать друг с другом, чтобы избежать пустой растраты сил и ресурсов. Например, страны Общего рынка столкнулись с тем, что у них производится слишком много сельскохозяйственной продукции. Из–за этого цены падают, крестьяне разоряются, некупленные продукты приходится уничтожать и экономику всех стран начинает лихорадить. И поэтому страны этого сообщества договорились и ввели ограничения для своих крестьян: сколько крестьяне в каждой стране могут вырастить картошки, надоить молока, вырастить винограда. Если крестьяне соблюдают эти ограничения, то им оказывают денежную помощь из специальных фондов, в которые каждая из стран вносит довольно крупную сумму. Бывает, что крестьяне какой–нибудь из этих стран своевольничают и производят продуктов больше, чем разрешено, — например, выводят породу коров, которые дают до 10 000 литров молока за год, хотя Общим рынком разрешено надаивать от одной коровы за год, допустим, не более чем 7 000 литров. Тогда правительство заставляет их заплатить крупный штраф, чтобы в другой раз неповадно было.

— Не понимаю я этого! — пожала плечами моя собеседница. — Сам же ты только что говорил мне, что в мире полно бедных стран, да я и сама в газетах читала, что в Африке и Азии люди умирают от голода. А тут готовы зарезать корову, если она даст на десять литров молока больше, хотя этим молоком можно было бы где–то спасти ребенка от смерти!

— Все ты верно говоришь, но, увы, в стране Экономика главная движущая сила пока что не сострадание и

благотворительность, а желание выручить побольше денег за изготовленные тобой товары. Будь у африканских стран деньги —их бы залили молоком и завалили мясом. Но они-то пока нищие и никак из этой нищеты не могут выбраться —голодные и необученные люди работают плохо, а от плохой работы денег в стране не прибавляется. Надо как-то разорвать этот порочный круг. Сделать это можно только общими усилиями всех народов. Но люди должны это осознать, а пока что самые богатые страны дозрели лишь до сотрудничества между собой и не очень охотно помогают развивающимся странам. А порою помогают так, что от этой помощи становится еще хуже...

— Как это?

— А так. Например, крупные банки одалживают развивающимся странам деньги на развитие экономики, но делают это на таких условиях, что страны эти расплатиться просто не в состоянии и долг у них год от года растет, достигая совершенно астрономических цифр. Например, сейчас страны Латинской Америки должны только США ни много ни мало 230 миллиардов долларов. Из-за этого все, что эти страны зарабатывают, уходит на уплату долгов банкам и народы становятся еще более нищими, а их будущее — еще более беспросветным. Поэтому уровень жизни в этих странах в 11–12 раз ниже, чем в развитых странах, и разрыв не сокращается, а растет.

— И никакого выхода нет?

— Почему, есть. Сейчас во всем мире идет серьезное обсуждение того, как создать новый экономический порядок. Проще говоря, речь идет о том, чтобы помочь развивающимся странам выбраться из беды, но не слишком при этом ущемить интересы развитых стран, перед которыми бедные страны в долгу. Задача эта —высшей категории сложности, от ее решения зависит жизнь сотен миллионов людей, но решать ее надо.

— Странно, — покачала головой Оля. — Страна

Экономика существует столько веков, и до сих пор в ней еще так много нерешенных вопросов и так много несправедливости! Неужели же люди так глупы или так жадны и жестоки, что до сих пор не могут или не хотят придумать, как сделать так, чтобы все жили хорошо и никто не умирал от голода рядом с роскошными особняками богачей? Хватило же людям ума, чтобы сделать атомные бомбы или высадить человека на Луну. Неужели же экономика сложнее, чем космический корабль?!

— Конечно, сложнее! Я уверен, что еще не одному поколению лучших умов Земли придется думать, как примирить особенности людского характера с интересами человечества в целом. Ведь каждый человек — особый мир, и сама природа заставляет его думать прежде всего о себе. Но человек наделен разумом, и в этом — единственная надежда на спасение человечества и вообще сохранение жизни на планете Земля. В XXI веке, до которого нам осталось так немного, человечеству предстоит величайшая в его истории битва —схватка с собственным эгоизмом. Каждому надо будет научиться сознательно подчинять свои действия общим интересам всего человечества, осознать, что ты — не последний в великой цепи людских поколений. Это невероятно сложно, и здесь — в стране Экономика — еще будут очень непростые ситуации, потому что хозяйственная деятельность — основа основ человеческого общества. Я бы сказал даже, что именно здесь — на проспекте Интеграции — начинается тот процесс, который в будущем изменит весь облик страны Экономика, сделает ее куда более удобной и приятной для человека...

Наконец-то я остановил такси. Водитель охотно согласился отвезти нас в аэропорт. Вскоре мы оказались у ворот аэропорта, откуда могли вернуться домой. Багажа у нас не было, поэтому, оформив нужные документы, мы прямиком прошли на летное поле и по трапу поднялись в кабину

серебристого сверхзвукового ракетоплана. Едва мы успели застегнуть привязные ремни, как ракетоплан начал вибрировать, готовясь к старту. Старт!

Моторы взревели, ракетоплан прыгнул в небо, и мощная сила ускорения вдавила нас в кресла. Она была настолько сильна, что в глазах у нас потемнело. В этот момент в салоне раздался мелодичный женский голос, и мы услышали:

Ты познакомился с чудной страной,
Не признающей застой и покой.
В этой стране, крепко помни о том,
Можешь всего ты добиться трудом.

Труд твой полезен — коль он для людей,
Если для них не жалеешь ты дней:
Строишь и пашешь, суп варишь иль сталь —
Нужному делу и силы не жаль!
Только три правила ты не забудь,
В этих трех правилах — главная суть.

Первое — дело такое найди,
Где среди всех будешь ты впереди.
Хочешь, чтоб ждал тебя в жизни успех —
Делай работу свою лучше всех!

Это усвоил? Второе учти —
Нет остановки на этом пути.
Только работа отдачу дает,
В ней вся основа движенья вперед.

Больше работаешь — лучше живешь,
Лучше живешь — больше людям даешь,
Старым и малым, и тем, кто в нужде.
А будет нужно — помогут тебе.

Правило третье — в делах не зевай,
Прибыль свою и страны умножай.
Прибыль — трудам и уменью награда.
Как получить ее? Думать тут надо.

Можно путем повышения цен.
Но погляди, что получишь взамен:
Всех покупателей ты распугал,
Выиграл грош — сто рублей потерял!

Если ж затраты и цены снижаешь,
Этим ты рынок себе расширяешь,
И покупают товары твои
Те, кто богаты, и те, кто бедны!

Сложно? Не просто! Но ты уж прости,
В этой стране нет другого пути.

И только этот голос замолк, как вдруг вокруг стало резко светлеть, и мы с Олей с восторгом обнаружили, что вновь сидим в компьютерном клубе, откуда волшебная компьютерная программа унесла нас в страну Экономика. И лишь чудом перенесшийся с нами Олин дневник свидетельствовал о том, что путешествие нам не приснилось.

— Ура! Ура! — завопила Оля и, вскочив, стала отплясывать какой-то диковинный танец.

Вскоре мы уже катили на троллейбусе к себе домой.

Покачиваясь рядом со мной на сиденье и скользя взглядом по знакомым московским улицам, Оля вдруг погрустнела.

— Папа, — повернулась она ко мне. — А мы можем еще разок съездить в страну Экономика?

— Не знаю, — честно признался я. — Но ты не грусти. Взрослея, ты и сама будешь все чаще наведываться в эту

страну, сталкиваться с ее законами. А начав работать, ты станешь ее полноправным обитателем, и уже от тебя начнет зависеть, как эта страна будет развиваться и изменяться. Ты и твои ровесники будете определять новый облик страны. Только от вас будет зависеть ваше собственное благополучие и то, смогут ли ваши дети бегать под дождем, не боясь, что он —кислотный. Страной Экономика правят жесткие законы, но это вовсе не значит, что человек не способен поставить их себе на службу. Но для этого надо знать эти законы, иначе не ты ими, а они тобой будут править. Конечно, наше путешествие — только первый шаг на твоем пути к экономической грамотности, и тебе еще предстоит многое узнать и понять, когда станешь постарше. А чтобы ты не забывала о нашем путешествии —заглядывай время от времени в дневник, что вела во время нашего путешествия. Не забывай о том, что нам с тобой удалось повидать, — это тебе еще не раз пригодится в жизни!

Москва,
декабрь 1988 — май 1989.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Свои задачи компьютер позаимствовал из книги С.Н.Олехина, Ю.В.Нестеренко и М.К.Потапова "Старинные занимательные задачи". — М.: Наука, 1988.

Ответ на задачу о хозяине и работнике.

Работник не доработал у хозяина 5 месяцев и недополучил 7 рублей. Значит, месячная его плата в деньгах составляет 7/5 рубля или 1 рубль и 40 копеек. Плата за 7 месяцев составит 7 x 7/5 = 9 и 4/5 рубля или 9 рублей 80 копеек. Но работник за это время получил 5 рублей и кафтан. Значит, кафтан стоит 4 рубля 80 копеек.

Ответ на задачу о купце, который покупал коня.

Всего гвоздей 24 и заплатить за них купец должен 41 943 рубля и 4 копейки. Значит, купец переплатил 40 943 рубля и 4 копейки, пожалев купить лошадь за 1 000 рублей.

Ответ на задачу о крестьянах, которые делили между собой деньги.

Возьмем 3 рубля у того из крестьян, который получил большую часть денег. Тогда сумма в 4 рубля распределится между крестьянами по-

ровну. Значит, меньшая часть разделенных денег составляет 2 рубля, а тогда большая часть равна 5 рублям.

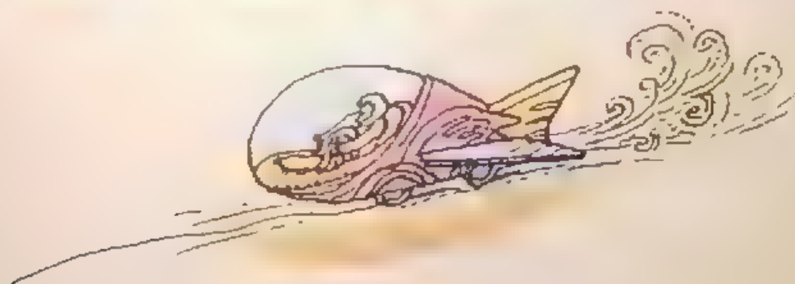
Ответ на задачу о крестьянине, который расплачивался за свои покупки.

Третий купец получил, как легко видеть, 2 рубля, и, значит, эта сумма была у крестьянина, когда он уходил от второго купца. Сумма, заплаченная второму купцу, без 2 рублей составляет поэтому 4 рубля, и крестьянин, уходя от первого купца, имел 8 рублей. Деньги, заплаченные первому купцу, без 1 рубля составляют 9 рублей, и, значит, первоначально крестьянин имел вдвое больше, то есть 18 рублей.

Разговорник для путешественников по стране Экономика

ВАНС — часть заработной платы, которую выдают до окончания всей работы, чтобы человеку было на что жить, пока он ее выполняет.

АВУАРЫ — самое общее название имущества, принадлежащего какому-либо человеку или фирме.

АКЦИИ — владельцами акционерной компании являются держатели акций. Это люди, которые согласились присоединить сумму денег к капиталу компании в обмен на долю в прибыли. Акционерный капитал делится на акции, например, по 1 тыс.руб. каждая. Эти акции могут быть проданы.

АМОРТИЗАЦИОННЫЙ ФОНД — деньги, которые постепенно копятся для оплаты в будущем покупки нового оборудования.

АРБИТРАЖ — это орган, который разрешает споры, возникающие между фирмами при выполнении заключенных ими друг с другом договоров. Обратиться к помощи арбитража можно только в том случае, если фирма заключила со своим партнером официальный договор в установленном законом порядке.

АУДИТ — проверка документов фирмы независимым контролером (аудитором) с целью определения того, насколько правильно и честно ведутся эти документы.

АЛАНС — так называют экономисты специальный документ, позволяющий проверить, на что государство, фирма или семья потратили в течение месяца, квартала или года все имевшиеся деньги.

БАНК — коммерческая организация, которая за плату одалживает деньги. Банки могут помочь в решении массы проблем, например, предоставить деньги (кредит) для основания собственного дела или перечислить деньги за проданные или купленные фирмой товары. Здесь же фирмы и граждане хранят свободные средства, получая за это плату от банка.

БАНКНОТЫ — современный вид бумажных денег. По сути дела, это листки бумаги, на которых главный (национальный) банк указывает, что он должен их владельцам определенную денежную сумму. А поскольку главному банку все доверяют, то в данной стране люди могут банкнотами оплатить любые товары и услуги.

БАНКРОТСТВО — самое неприятное, что может приключиться с фирмой, если она не расплатится с долгами. В этом случае ее по решению суда закрывают, а все имущество продают, чтобы вернуть тем, кому она задолжала, хотя бы часть причитающихся им денег.

БАРТЕР — вид торговой сделки, в которой товары обмениваются не на деньги, а на другие товары и услуги. Сколько и на что меняют определяется по договоренности между участниками обмена.

БИРЖА — место массовых сделок по продаже товаров, например зерна и каучука.

БИРЖА ТРУДА — организация, занимающаяся содействием безработным в поиске места работы.

БРОКЕР — коммерсант, который заключает договоры на продажу товаров или собственности по поручению их владельцев.

БЮДЖЕТ — финансовый документ, являющийся планом получения доходов и их последующего расходования.

БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ — ситуация, возникающая в стране, когда доходы государства оказываются меньше, чем сумма необходимых расходов.

ВАЛЮТНЫЙ КУРС — пропорция обмена денежных знаков одной страны на денежные знаки другой.

ВЕКСЕЛЬ — забытая, но постепенно возрождающаяся сейчас в нашей стране форма денежных документов. По своей сути вексель — это долговая расписка-обязательство одного лица другому уплатить некую сумму денег в определенный момент времени.

ВЕНЧУРНЫЕ КОМПАНИИ — коммерческие фирмы, которые идут на больший, чем у других, риск и осваивают совершенно новые товары, рассчитывая в случае удачи получить и большую прибыль.

ВЗЯТКА — подкуп или денежный подарок чиновнику. С помощью взятки можно получить некоторое право или преимущество, на которые нет законных оснований. Получение взятки является преступлением и карается тюремным заключением.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — общее название всех отраслей, которые изготавливают оружие, снаряжение, обмундирование и другие предметы, необходимые для армии.

ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ — крайняя форма инфляции. При гиперинфляции в стране за год общая сумма денег или цены увеличиваются более чем на половину прежней величины.

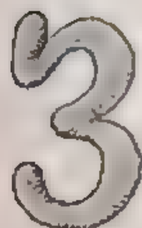
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ — долг правительства населению страны.

ЕПОЗИТ — деньги, внесенные в банк его вкладчиками.

ДЕФИЦИТ — ситуация, возникающая на рынке, когда при сложившемся на нем уровне цен покупатели готовы купить товаров больше, чем изготовители могут или согласны произвести.

ДИВИДЕНД — та часть прибыли акционерной компании, которая выплачивается ее акционерам после уплаты налогов государству.

АДАТОК — денежная сумма, которую покупатель дает продавцу как аванс будущей полной оплаты покупки, и гарантия того, что он от нее не откажется.

ЗАЛОГ — передача своего имущества во временное распоряжение тому, у кого берутся взаймы деньги.

ЗАТРАТЫ — это необходимые расходы для производства продукции или оказания услуг.

ЗОНА СВОБОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА — район страны, в котором по решению правительства создаются особо благоприятные условия для развития коммерческой деятельности.

ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ — соглашение между несколькими странами об объединении с целью облегчения и удешевления взаимного обмена товарами.

ИМПОРТ ТОВАРОВ — ввоз в страну для продажи товаров, изготовленных в других странах.

ИНВЕСТИЦИИ — вложение денежных средств в имущество, способное в будущем приносить доходы.

ИНДЕКС СТОИМОСТИ ЖИЗНИ — средний показатель изменения стоимости набора товаров, определяющих прожиточный минимум.

ИНДЕКСАЦИЯ — регулярное изменение (обычно повышение) заработной платы в зависимости от того, как растет стоимость жизни.

ИНФЛЯЦИЯ — нарушение пропорций между стоимостью товаров, продающихся в стране, и количеством выпущенных в ней денег.

КАПИТАЛ — общее название имущества всех видов, которое используется коммерческой фирмой для зарабатывания денег.

КАРАТ — мера содержания золота в сплавах, равная 1/24 массы сплава. В чистом золоте 24 карата.

КАРТЕЛЬ — раздел рынков различными компаниями одной отрасли для того, чтобы избежать конкуренции.

КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА — секретные сведения фирмы, обладание которыми облегчает конкурентам борьбу с фирмой за рынки сбыта.

КОНВЕРСИЯ — процесс организации выпуска мирной продукции на предприятиях военно-промышленного комплекса.

КОНКУРЕНЦИЯ — соперничество коммерческих фирм между собой за деньги покупателя. Принято различать конкуренцию ценовую, когда покупателя привлекают более низкой ценой за товар такого же качества, как у конкурентов; конкуренцию качества — когда за ту же цену, что у конкурентов, предлагается товар более качественный, и, наконец, конкуренцию сервиса — когда проданный товар обеспечивается лучшим обслуживанием после продажи.

КОНТРАКТ — договор между двумя или более людьми или фирмами, в котором одни обещают сделать что-либо, а другие уплатить за это оговоренную сумму денег.

КОРПОРАЦИЯ — объединение граждан для коммерческих целей, которое закон соглашается признать в качестве нового, особого участника экономической жизни страны.

КРЕДИТ ПОД ПОКУПКУ В РАССРОЧКУ (ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ) — метод покупки товаров, при котором покупатель сначала платит лишь часть полной цены товара. Остальная сумма вносится покупателем постепенно, по частям.

КРЕДИТОР — лицо, которому должны деньги.

КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКИЙ — ситуация в экономике страны, когда дела идут особенно плохо.

ИЗИНГ — способ одалживания денег для коммерческих целей, когда необходимые суммы выдаются в виде какого-либо имущества, нужного должнику.

ЛИЦЕНЗИЯ — документ, разрешающий его владельцу делать то, что запрещено остальным, например экс-

портировать или импортировать определенные виды товаров.

ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — вид частной собственности, включающий имущество, которое люди используют только для организации жизни, но не для того, чтобы зарабатывать деньги.

АРКЕТИНГ — способ организации производства и продажи товаров, основанный на изучении и формировании потребностей покупателей, а также производстве только тех товаров, которые покупатели хотят покупать.

МОНЕТНЫЙ ДВОР — государственное предприятие, занимающееся изготовлением наличных (бумажных и металлических) денег.

МОНОПОЛИЯ — это ситуация, воникающая на рынке, если одна или несколько фирм обладают таким количеством товаров, что могут влиять на уровень цены на этом рынке (к собственной выгоде).

АЛОГ — доля любых доходов, которая отдается государству в уплату за его услуги. Например, государство берет на себя защиту граждан от внешних врагов и преступников, а также помогает развитию культуры, науки, образования и медицины.

НАЛОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ — специальная форма отчета о доходах и расходах, представляемого гражданами

страны в налоговые органы, чтобы там могли проверить — правильно ли уплачены налоги.

НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО — способ жизни, основанный на самостоятельном изготовлении подавляющей части предметов быта и продуктов питания.

НОМИНАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ — деньги, которые люди получают за свой труд.

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО — примерная денежная оценка всего, чем располагает страна: ее предприятий, зданий, сооружений, залежей полезных ископаемых, лесов, полей и пашен.

БЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — имущество, совладельцами которого являются все граждане страны, причем никто не знает точного размера приходящейся на него части и не может распорядиться ею самостоятельно.

ОПТОВЫЕ ПРОДАВЦЫ — торговцы или коммерческие фирмы, которые покупают товары у изготовителей крупными партиями, чтобы затем продать эти товары владельцам розничных магазинов.

АТЕНТ — особый документ, который дает его владельцу исключительное право производить, использовать и продавать свое изобретение на протяжении срока действия патента.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ — каждый, кто получает доход, должен уплачивать налог на него. С большей суммы доходов берется больший налог.

ПОЛИС — документ, подтверждающий заключение договора страхования и содержащий описание всех условий такого договора: вида рисков, от которых вы страхуетесь, суммы, которую вы получите, если с вами случится несчастье, и размеров платежей, которые за это надо внести в страховую компанию.

ПОШЛИНА — плата, которая берется в пользу государства с торговцев, привозящих свои товары для продажи в этой стране.

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАД СПРОСОМ — термин, используемый для рыночной ситуации, когда товаров больше, чем денег на их приобретение.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ — количество товаров, которое изготовители готовы предложить на рынок при определенном уровне цен на эти товары.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ — человек, который организует коммерческую фирму и руководит ее работой в надежде на получение прибыли.

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — превышение выручки от продажи товаров над суммой денег, необходимой для того, чтобы обеспечить людям ранее достигнутый ими уровень жизни.

ПРИБЫЛЬ — величина, на которую цена превышает затраты на изготовление и продажу товара.

«ПРИНЦИП ДОМИНО» — так экономисты называют зависимость коммерческих фирм между собой, способную при неудаче или банкротстве одной из них вызвать трудности или даже разорение всех, кто связан с ней.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ НАЛОГ — вид налога, который использовался в России в 20-е годы, когда государство брало налоги с крестьян в виде четко определенной доли их натурального продукта.

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ — минимальная сумма денег, которая должна выплачиваться работнику или семье, чтобы они могли покупать продукты, одежду и другие товары.

ПРОФСОЮЗ — организация, создаваемая людьми одной профессии или со сходными условиями труда для защиты своих интересов в борьбе с работодателями.

РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ — количество товаров и услуг, которое может быть куплено людьми за деньги, полученные в виде номинальных доходов.

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ — показатель, характеризующий отношение прибыли к величине средств, вложенных в дело, стоимости приобретенного оборудования или общей сумме затрат. Эта величина показывает, насколько хорошо фирма ведет свои дела.

СЕБЕСТОИМОСТЬ — денежная величина затрат коммерческой фирмы на производство товаров.

СПЕКУЛЯНТ — лицо, вкладывающее деньги в рискованное дело в надежде заработать высокий доход или капитал, то есть занимающийся особой формой азартной игры.

СПРОС — сумма денег, которую покупатели готовы уплатить за товары при определенном уровне цен на них.

ССУДНЫЙ ПРОЦЕНТ — размер денежной платы за право временно воспользоваться одолженными деньгами.

СТРАХОВАНИЕ — договор о том, что страховая фирма выплатит застраховавшемуся у нее человеку или фирме определенную сумму денег, если с ним случится несчастье. Чтобы получить право на такую выплату, страхующийся должен заранее внести в страховую фирму некоторую сумму денег — куда меньшую, чем та, которую он может получить при несчастье.

ТАМОЖЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ — документ, заполняемый при перевозе товара или имущества через границу страны. На основе этого документа решается, можно ли пропустить данный товар через границу и сколько за это его владелец должен уплатить государству.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА — деятельность по производству товаров или оказанию услуг, которая осуществляется без регистрации в государственных органах. Это делается ради того, чтобы не платить налогов, или потому, что сам характер этой деятельности запрещен законом (например, продажа наркотиков).

ТОВАРИЩЕСТВО — двое или более людей, совместно владеющих и руководящих коммерческой фирмой.

ТОВАРНАЯ БИРЖА — рынок, на котором продают и покупают товары оптовые торговцы.

ТОВАРНЫЙ ЗНАК — это фирменное обозначение, помогающее покупателям запомнить производителя и вновь искать именно его продукцию. Если фирма хочет иметь свой товарный знак, она должна зарегистрировать его в специальной организации.

ТОВАРООБОРОТ — так называют ситуацию, в которой товары изготавливают для продажи, а вырученные при этом деньги вкладывают в организацию производства новых товаров.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА — экономическое соперничество между фирмами разных стран, ведущее к ограничению прав на импорт товаров из «враждебной» страны. Прежде торговые войны обычно сопровождались и настоящими боевыми действиями.

ТОРГОВАЯ СКИДКА — плата изготовителя торговцу за то, что тот организует продажу изготовленных им товаров.

ТОПИСТЫ — ученые, которые верили, что можно сконструировать идеальное общество и построить его в реальной жизни.

ИНАНСИСТ — лицо, основным источником доходов которого является предоставление денег для организации коммерческой деятельности других граждан или фирм. Кроме того, финансисты занимаются организацией сбора доходов и осуществлением расходов фирм и государства.

ОЗРАСЧЕТ — способ организовать деятельность предприятий в странах с общественной

собственностью на основе некоторых из тех принципов, которые используются в странах с преобладанием частной собственности.

ЕНА — общая сумма денег, которую надо уплатить за то, чтобы получить товар или услугу.

АСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — имущество любого вида, принадлежащее отдельному человеку или объединению людей, причем точно известен размер собственности каждого владельца и он может делать со своим имуществом все, что пожелает: продать, подарить, завещать детям.

ЧЕК — заменитель денег, имеющий вид распоряжения банку о выплате денег тому, кто принесет этот чек в банк. Выписать чек может только тот, кто ранее положил в этот банк сумму денег и получил от банка чековую книжку.

КОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ — стремления людей в сфере экономики, направленные обычно на то, чтобы устроить свою жизнь более комфортно и надежно.

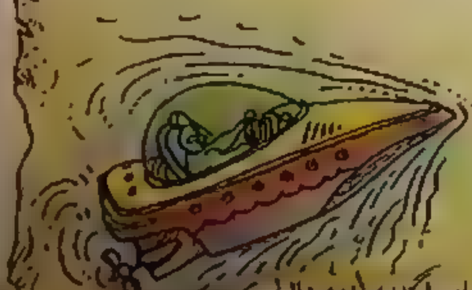
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ — методы некомандного управления деятельностью людей и коммерческих фирм на основе их экономических интересов.

ЭКСПОРТ ТОВАРОВ — вывоз товаров, изготовленных в данной стране, за ее пределы с целью продажи гражданам и фирмам других стран.

ЭМБАРГО — запрет на экспорт товаров в определенные страны.

ЭМИССИЯ — выпуск в обращение денежных средств.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мамы и папы,
бабушки и дедушки,
учителя и воспитатели!

ВНИМАНИЕ!

Мы рады сообщить вам, что для данной книги есть компьютерное приложение. Оно содержит большое количество игр, которые помогут ребятам усвоить новые для них понятия и разобраться в сути экономических законов.

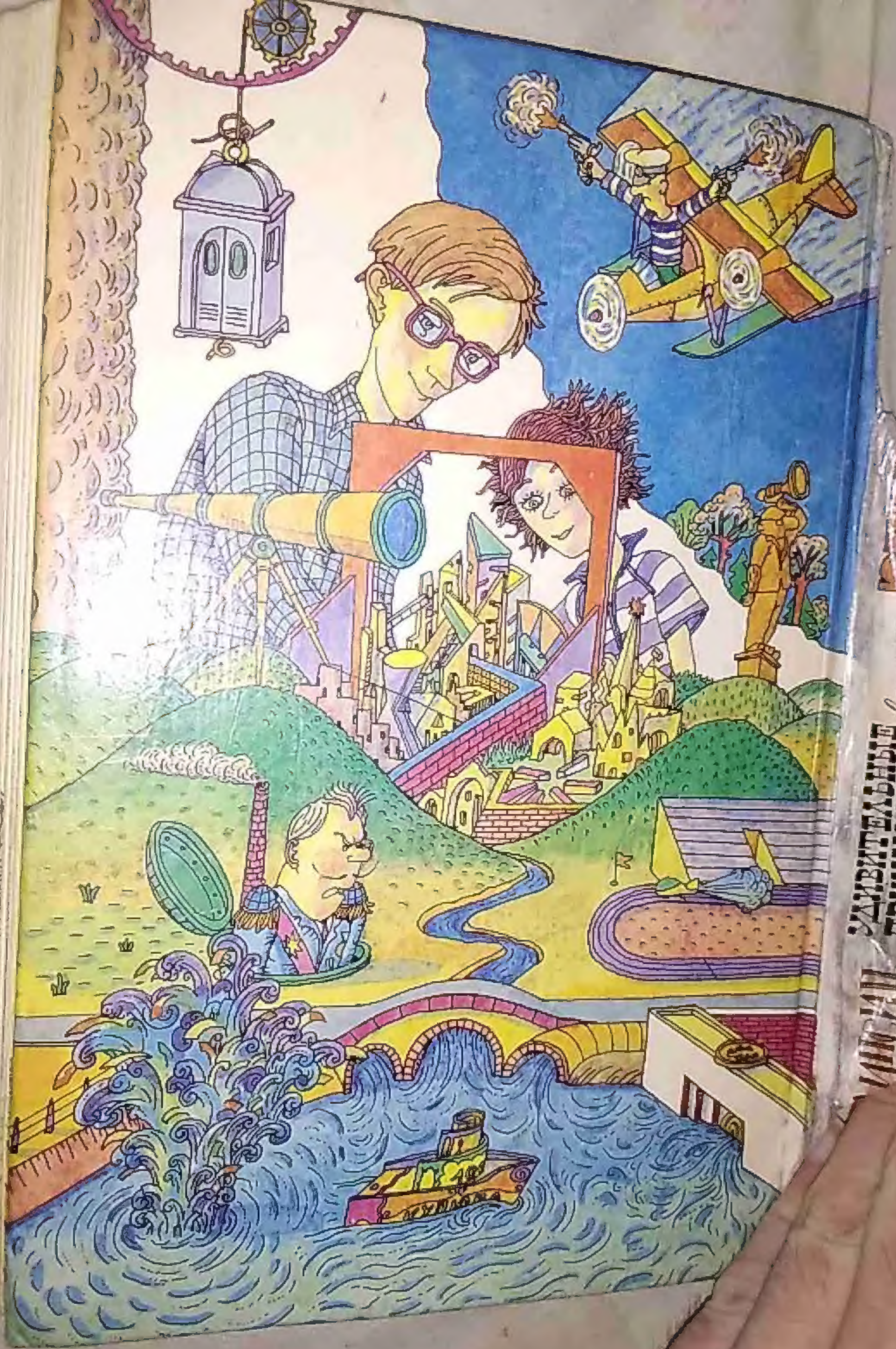
Учителя, используя игру, смогут проводить занятия с детьми по курсу «Основы экономических знаний». К игре дается приложение в виде кратких методических рекомендаций для учителя.

Ваши заявки направляйте по адресу:
105043, Москва, абонентский ящик 8,
Инфосервис—Унисон;
телефон 255-98-68

Сдано в набор 27.01.93. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,7.
Тираж 100 000 экз. Заказ 2117.
Издательство «Вита-пресс». 113639, Москва, абонентский ящик 49
Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации РФ.
143200, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, 93

ХОЗРАСЧЁТОВО
ЦЕНТРОПЛАН
РАСПРЕД ГОРОД
ПОСЁЛОК ВОЕННОГО КОММУНИЗМА
ГОРОД
БАНКОВСКОЕ ВДХР

Бизнес-сити
Стен
обственности
Переулок мелких собственников
Проспект корпораций
Площадь акционеров
Венчурная улица
Проспект капитала
Стартовая площадка ракетопланов
еловых людей

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190